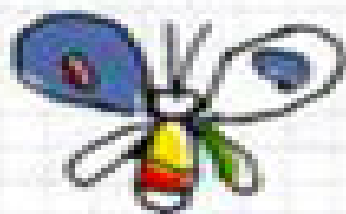
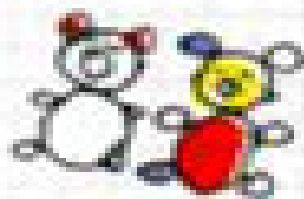

Мама
Трава

ДНЕВНИК
мамы
первоклассника

Annotation

Пока эта книга готовилась к выходу, мой сын Вася стал второкласником.

Вас все еще беспокоит счет в пределах десятка и каллиграфия в прописях? Тогда отгадайте загадку: «Со звонким мы в нем обитаем, с глухим согласным мы его читаем». Правильный ответ: дом – том. Или еще: напишите названия рыб с мягким знаком на конце из четырех, пяти, шести и семи букв. Мамам – рыболовам и биологам, которые наверняка справятся с этим заданием, предлагаю дополнительное. Даны два слова: «дело» и «безделье». Прочитайте поговорку. Нет, Интернетом пользоваться нельзя. И книгами тоже. Ответ: «Маленькое дело лучше большого безделья». Это проходят дети во втором классе. Говорят, что к третьему классу все родители чувствуют себя клиническими идиотами.

- [Маша Трауб](#)
 - [Первая четверть](#)
 - [28 августа](#)
 - [1 сентября](#)
 - [3 сентября](#)
 - [4 сентября](#)
 - [5 сентября](#)
 - [7 сентября](#)
 - [11 сентября](#)
 - [14 сентября](#)
 - [15 сентября](#)
 - [18 сентября](#)
 - [19 сентября](#)
 - [22 сентября](#)
 - [5 октября](#)
 - [16 октября](#)
 - [23 октября](#)
 - [Вторая четверть](#)

- [5 ноября](#)
- [9 ноября](#)
- [12 ноября](#)
- [14 ноября](#)
- [16 ноября](#)
- [19 ноября](#)
- [21 ноября](#)
- [23 ноября](#)
- [26 ноября](#)
- [30 ноября](#)
- [Третья четверть](#)
 - [25 января](#)
 - [28 января](#)
 - [1 февраля](#)
 - [3 февраля](#)
 - [5 февраля](#)
 - [8 февраля](#)
 - [9 февраля](#)
 - [25 февраля](#)
 - [26 февраля](#)
 - [28 февраля](#)
 - [5 марта](#)
 - [7 марта](#)
 - [14 марта](#)
 - [17 марта](#)
 - [19 марта](#)
 - [20 марта](#)
 - [21 марта](#)
 - [25 марта](#)
 - [27 марта](#)
- [Четвертая четверть](#)
 - [7 апреля. Зазубрины](#)
 - [10 апреля](#)
 - [15 апреля](#)
 - [20 апреля](#)
 - [25 апреля](#)
 - [12 мая](#)

- [15 мая](#)
 - [20 мая](#)
 - [23 мая](#)
-

Маша Трауб

Дневник мамы первоклассника

Первая четверть

28 августа

Первое родительское собрание

Позвонили два дня назад.

– Алле?

– Это квартира Т.?..

– Да.

– Это родительница. Собрание в школе в четыре. Явка обязательна.

Пришла на десять минут раньше, но в классе уже сидели мамы и один папа.

Первую парту – напротив учительского стола – заняли две женщины, судя по всему, подруги. Обе лихорадочно писали в блокнотах. Было понятно, что именно они станут активистками еще не созданного родительского комитета. Следующую парту у окна заняла мама в очках. Строгая, костюмная, с туго натянутой спиной. Она выключила мобильный телефон, выложила на парту тетрадку, ручку, подровняла, чтобы они располагались строго перпендикулярно, сложила руки лесенкой и стала смотреть на доску. На доске ничего интересного не было. И неинтересного тоже не было. Но женщина не отрывала взгляда от пустой доски.

Единственный мужчина сидел на задней парте. Я села в середине и чувствовала себя некомфортно. Я-то всегда сидела на галерке – с хулиганами и двоечниками. И даже не мечтала, что меня когда-нибудь пересадят хотя бы в середину. У нас эти места занимали «вставшие на путь исправления» обитатели задних парт. Я крутилась, никак не могла усесться, роняла ручку, телефон, на всякий случай улыбалась родительницам с первой парты, оглядывалась на мужчину. Но ради сына, Василия, решила терпеть. А вдруг решат, что он – сын двоечницы и хулиганки?

Пока все собирались, наша первая учительница – Светлана Александровна – ковыляла по классу. Она сломала ногу перед самым началом учебного года. Самое обидное, что сломала на пороге родной школы, на лестнице. К гипсу была приделана квадратная дощечка – для опоры. Как у японских гейш на вьетнамках. Я сидела и думала –

странно, что никто не изобрел удобную дощечку для гипса. А еще о том, что в жизни все повторяется. И первая учительница, и родительская паника, и даже гипс.

Только вчера муж рассказывал, что у его первой учительницы была сломана рука – она ходила с такой страшной треугольной распоркой. Ее боялись все ученики. А некоторые, мой муж, например, не верили, что эта перемотанная мумия с деревяшками под мышками, которая разворачивается всем телом, может быть учительницей. Эту несчастную женщину к тому же звали неудачно – Инна Яновна. Немыслимое для первоклашки сочетание букв. Муж говорил, что все звали ее Инянна, а иногда Янинна. И никто точно не помнил, как правильно, потому что учительница отзывалась на оба имени. Распорку не снимали долго и через некоторое время, по воспоминаниям мужа, все дети дружно втягивали головы в плечи, стоило Инянне показаться на горизонте. Что неудивительно – все по очереди получили этой конструкцией по голове, пока не научились уворачиваться. Муж, кстати, до сих пор уверен в том, что есть люди, точнее, женщины, у которых глаза на затылке. Их Инянна, не поворачиваясь, знала, кто болтает, кто списывает, кто в окно смотрит.

А моя первая учительница с красивым именем Роза шамкала из-за отсутствия зубов. Ей не успели вставить к 1 сентября новую челюсть. Мы ее тоже боялись, потому что не понимали, что она говорит. Вообще не понимали, чего она хочет.

– Шдраст, шежи, меня шовут Шожа Ивашовна, – говорила моя учительница. – Повштожите.

Мы сидели и молчали. Тогда Роза Ивановна написала на доске свое имя, но в те годы первоклассники в лучшем случае должны были знать буквы, а читать умели только гении. Новые зубы Роза Ивановна получила к концу первой четверти. Но протез ей, судя по всему, мешал, и с дикцией учительницы перемен не произошло. Как шамкала, так и шамкала, только немного по-другому. Главное, мы ее понимали.

Так вот Васина первая учительница Светлана Александровна проковыляла к шкафу достать какие-то рулоны. Мешал шкаф.

– Папа, можно вас? Помогите отодвинуть, – попросила учительница единственного мужчину в классе.

Вышедший папа тоже, видимо, осуществил несбыточную мечту, сев на заднюю парту. Ни на хулигана, ни на прогульщика, ни на двоечника он никак не тянул. Такой subtilный сутулый интеллигентный юноша – мечта физрука. Я представила, как этот папа, когда был мальчиком, болтался на перекладине и пытался сделать подъем с переворотом, а физрук его называл «глистой» или «сосиской» и все дружно ржали.

В общем, я пожалела, что не села к этому папе на заднюю парту для моральной поддержки. Представляете, каково это – на глазах двадцати баб пытаться сдвинуть шкаф? Женщины, поджав губы, смотрели, папа потел, шкаф не двигался.

– Ладно, – выкарабкалась из-за парты женщина в бейсболке со стразами и мощной грудью, тоже усыпанной стразами. – Вы тут про ремонт будете говорить и про деньги. Могу дать пять тыщ. – Родительница клацнула кошельком со стразами. – Муж у меня – сантехник, – продолжала она, – он вам тут и батареи, и раковины поменяет. Все, я пошла. Звоните.

Счастливая жена сантехника, которой тут же заулыбались активистки родительского комитета, подошла к шкафу, легонько толкнула плечом – шкаф сдвинулся. Опозоренный папа под взглядами сорока женских глаз понуро вернулся на свою заднюю парту и затих.

– Спасибо, – сказала ему Светлана Александровна.

– Не за что, – честно ответил папа.

Наконец собрание решили начать. Светлана Александровна поздравила нас с нашими детьми-первоклассниками и выразила надежду, что мы станем одной большой семьей. На этом торжественная часть закончилась, и все стали задавать насущные вопросы: сколько тетрадей сдавать, во сколько приводить, во сколько забирать...

– А можно в джинсах ходить? – спросила я, когда разговор перешел на школьную форму.

Вообще-то нужно было заказать школьную форму. Но я про это забыла. Скорее, забыла сознательно, потому что представить своего сына в пиджаке с огромными накладными плечами не могла, как ни старалась. Опять же из опыта я знала, что форменные брюки продержатся максимум два дня. А джинсы меня еще никогда не подводили.

– Да вы что? – возмутилась строгая родительница со второй парты. – Какие джинсы? Ясно же всем сказали – форма обязательна. Вот моя дочка, – обвела она взглядом родительниц, – только в белых блузках ходит. Даже на прогулку. Ей очень идет. А можно в парадной форме каждый день ходить? – спросила она учительницу.

– Можно. Но, поверьте моему опыту, вам это быстро надоест, – ответила Светлана Александровна.

– А почему здесь стены такие зеленые? – спросила тихая испуганная женщина с первой парты у стены.

– Замечательный вопрос! – воскликнула одна из активисток. – Я предлагаю перекрасить в персиковый. Кто за персик?

Все подняли руки.

– По сколько сдавать? – обреченно спросила испуганная женщина.

– Ну, давайте по пять тысяч... Считайте сами – ремонт, туалетная бумага, карандаши семьдесят штук, цветы в горшках...

– А если мы уже сделали ремонт, нам все равно сдавать? – уточнила женщина.

– Где? – удивилась активистка и посмотрела по сторонам.

– Понимаете, мой муж подошел к завхозу и спросил, где делать ремонт. У него, у мужа, бригада и машина. Вот в соседнем классе сделали. Мы же не знали, что в этом нужно. Сказали, что в том надо, – тихо ответила родительница.

– А инициатива всегда наказуема, – сказала активистка. – Товарищи родители, подумайте, кто еще чем может помочь?

Все дружно вжали головы в плечи и стали рассматривать собственные блокноты, ручки и телефоны.

– Так, – обвела взглядом класс активистка, – мы сейчас пустим по классу листочек, где каждый напишет, кто как будет помогать.

Я вспомнила свою знакомую Юлю, которая тоже была мамой первоклассника. В пущенном по классу листочке она написала: «Могу помочь материально. Только немного. Мне еще за квартиру платить».

– Нужны бейджики, – сказала Светлана Александровна, – с именами детей. Пока я не запомню. Фамилии писать не обязательно. И нашейте метки на одежду или подпишите – теряют. Да, купите своим детям обувь на липучках. Чтобы мы не мучились со шнурками. Ведь не умеют завязывать.

– А все подписывать? – спросила еще одна мама.

– Все, что только можно. Все равно потеряют. Даже портфели теряют, – сказала Светлана Александровна. – Обязательно подпишите мешки со сменкой. Сами покупаете одинаковые, а дети потом мучаются.

– А что должно быть в портфеле? – спросила меня шепотом мама, которая сидела справа.

– Я прослушала, – тихо ответила я.

– Спросите у соседки, – шепнула мама.

– А что должно быть в портфеле? – спросила я у родительницы слева.

– Четыре тетради, ручки, карандаши, – прошептала соседка.

– Пеналы должны быть мягкие, – говорила учительница, – чтобы не громыхали. Я понимаю, они красивые, но меня тоже поймите: когда двадцать пять человек трясут пеналами, хоть в окно выпрыгивай. И еще, поднимите руки, у кого неполные семьи. Надо для социальной помощи.

Все переглянулись. Руку подняла только одна родительница. Как раньше все буравили взглядом сублильного папу, так сейчас все уставились на мать-одиночку. Женщина наверняка хотела залезть под парту или выйти из класса, крикнув: «Вы все идиоты» и громко хлопнув дверью. Я, во всяком случае, именно так и делала на уроке математики, когда математичка стояла надо мной и говорила: «Ей что икс, что игрек, одинаково равно. Как же ты жить будешь? Что из тебя выйдет? Икс из тебя выйдет». Только в старших классах я узнала, что именно математичка – страстная и виртуозная матерщинница – подразумевала под иксом.

– Ну, вы можете меньше денег сдать, – нарушила молчание активистка.

– Я хорошо зарабатываю, – ответила мать-одиночка, и все опять посмотрели на нее уже с завистью. Молодая, красивая, хорошо зарабатывающая свободная женщина...

– А что будет дальше? – спросила еще одна родительница. – Когда каникулы? Будут ли экзамены? А оценки будут ставить?

– Давайте по мере поступления, – тяжело выдохнула Светлана Александровна. – Мне бы до седьмого сентября дотянуть – гипс снимают. В этот день разрешаю не приходить в школу. А с двадцать третьего у меня реабилитация – грязи, массаж. Будет замена. Не

волнуйтесь, учительница хорошая. План я ей напишу. Но все-таки контролируйте.

– Как именно контролировать? – спросила активистка и приготовилась записывать.

– Ну, спрашивайте у детей, все ли в порядке, – сказала учительница. Активистка, как мне показалось, даже расстроилась.

Когда учительнице моего мужа снимали растяжку, они тоже не учились. И когда моей учительнице вставляли зубы, мы гуляли. Нам все завидовали, а мы рвались в школу. Мужа оставляли с соседской бабушкой, которая заставляла его держать нитки на руках, пока она сматывала клубок. И нельзя было руки опускать, потому что бабуля хватала свою палку с резиновым набалдашником и больно била мужа по ляжке. Меня тоже оставляли с соседкой. Медсестрой, которая на дому прокалывала уши. Анастезией служило то, что приносили клиентки, – коньяк, молдавское вино, портвейн, стерилизатором – спирт медицинский, а инструментом – игла из швейной машинки «Зингер». Муж до сих пор старается держаться подальше от умеющих вязать женщин. А я хорошо помню вечно пьяную соседку и женщин с заклеенными пластырем ушами.

1 сентября

Первый раз в первый класс

Школа рядом. Я засекала – идти ровно две минуты. В восемь пятнадцать нужно было стоять в школьном дворе под табличкой «1А». Муж разбудил меня в семь. Сам встал в половине седьмого.

– Почему так рано? – спросила я.

– Пока умоемся, пока позавтракаем. Вставай.

– А может, ты его отведешь, а я попозже приду?

– Ты что? Как ты можешь такое говорить? У нас сын в первый класс идет!

– Все равно все опоздают, – бубнила я, выползая из кровати.

– Вася, вставай, ты же не хочешь опоздать в школу? – пошел будить сына муж.

– Хочу, а можно? – спросил Вася, закрываясь с головой одеялом.

– Нельзя. Ты же в первый класс идешь! – воскликнул муж.

– А завтра в первый класс можно? – сделал еще одну попытку сын.

– Нет, сегодня же праздник! – как-то с надрывом воскликнул муж.

Вася встал и сонно поковылял до окна. Шел дождь, было пасмурно.

– Там еще никто не идет, – сказал Вася, – разбуди меня, когда там дети пойдут. – Сын бухнулся опять в кровать.

– Все дети давно встали, умываются, одеваются, завтракают... – выступал муж с пламенной речью, – потом они нарядные пойдут в школу! Ты запомнишь этот день на всю жизнь! Такое только раз в жизни бывает!

– Ты что, нервничаешь? – спросила я ласково мужа.

– Я? Нет! Я не нервничаю!!! – заорал муж.

– А мультики? – уточнил Вася.

– Какие мультики? Иди принимай душ, – строго сказал отец и достал из шкафа еще одну рубашку. Три штуки уже висели на стуле, но он, видимо от волнения, забывал, что их достал.

– Можешь просто умыться и зубы почистить, – сказала я сыну.

– Вот, начинается! – Муж грозно ткнул в меня пальцем. – И это только первое сентября. А что дальше будет? Он будет выходить в последний момент, неумытый, кое-как одетый! В душ, Вася. В душ!

Сын хотел спать, поэтому не стал спорить.

В ванной он включил воду, прислонился к бортику и заснул с зубной щеткой во рту.

– Вася, мы же опоздаем! – ворвался в ванную муж.

– Куда? – испуганно спросил ребенок.

– В школу. – Муж очумело смотрел на сына. – Так, вылезай, надевай домашнюю одежду.

– Можешь просто майку и трусики пока надеть, – сказала я сыну.

– Почему? – возмутился муж. – Он что, будет в трусах завтракать?

– Нет, давай он будет пять раз переодеваться в полвосьмого утра, – сказала я, надеясь достучаться до здравого рассудка мужа.

– А в чем он пойдет в школу? – спросил меня муж.

– В штанах, рубашке и куртке, – я начинала злиться, – там все давно приготовлено. Еще с вечера, как ты любишь.

– А что ты сердишься? Я просто спросил.

Сели завтракать. Я даже нашла мультики по телевизору. Муж закатывал глаза, заламывал руки.

– Это не дело, нельзя перед школой смотреть мультфильмы, мы так никогда не выйдем, – прокомментировал он. – Ладно, сегодня можно.

– Ты же сам наверняка завтракал подо что-то, – сказала я заполошному мужу.

– Я завтракал под «Пионерскую зорьку»! Под радио, а не под телевизор!

– А я завтракала под Пугачеву на пластинке... – вспомнила я.

– А зорька и Пугачева – это кто? – спросил сын. – А пластинка – это что? А пионерская – это какая?

– Вася, доедай, я тебе потом все объясню, – сказала я.

– Нет, все-таки под телевизор нельзя, – стоял на своем муж.

– Хорошо, давай ему «Эхо Москвы» включим или диск с классической музыкой поставим, тогда он точно до школы не дойдет – уснет за столом...

– Я же о другом говорю... Я же не против... просто мультики можно и в другое время посмотреть!

– Отлично. Давай ребенок будет завтракать под «Евроньюс»!

Вася, пока мы препирались, уснул.

– Вася, ты помнишь, в каком классе ты будешь учиться? – разбудил его вопросом муж.

– В первом «А», – устало ответил ребенок. Этот вопрос муж задавал ему каждый день, думая, что если сын пойдет в другой класс или забудет букву, то случится что-то страшное. – А когда я буду учиться в первом «Б»? – спросил Вася.

– Никогда. Всегда будешь учиться в первом «А», – сурово сказал муж.

Вася зарыдал. Я бросила тушь, которой пыталась накрасить ресницы, чтобы не попасть спросонья в глаз, и побежала выяснять, что случилось. Ребенок рыдал и кричал, что он не хочет всю жизнь учиться в первом «А». Муж скакал вокруг сына и говорил, что он не то имел в виду, не так выразился.

– А мама мне рассказывала, что она и в «А» училась, и в «Б», и даже в «Д» классе, – всхлипывал Василий, – а бабушка сказала, что моя мама вообще потом не училась, а валялась с книжкой и даже завтракала в постели. И в школу ходила два раза в неделю. И что все равно она самая умная была.

– Маша, – подошел ко мне муж, – скажи нашей бабушке, чтобы она не рассказывала внуку про... про...

– Про что?

– Про все! Ему еще рано это знать!

Я успокоила Васю, пообещав ему все буквы на свете.

– Вася, а как зовут твою первую учительницу, помнишь? – опять пристал к сыну муж.

– Помню, – ответил Вася и задумался.

– Ну?

– Александра Светлановна.

– Может, все-таки Светлана Александровна?

– Может быть, – легко согласился Вася.

– Маша, а им покажут, где там туалет? – обратился муж ко мне.

– А как ты думаешь?

– А у них там будут шкафчики для одежды?

– Нет, крючки будут.

– А почему не шкафчики?

– Слушай, отстань, а?

– А они будут руки перед завтраками мыть? А на переменах за ними будут следить? А у них есть дежурный врач на случай, если Вася упадет или ударится?

И тут до меня дошло – муж просто боится идти в школу. Он нервничает, поэтому орет все утро. Мне его даже жалко стало. С другой стороны, я тоже нервничаю, но не ору же.

– Пожалуйста, успокойся, – попросила я мужа, – ничего страшного, быстро сходим, вернемся. Я буду тебя за руку держать, чтобы ты не боялся.

Я помогла сыну одеться – белая наглаженная рубашечка, брюки, новые ботинки.

– Маша, посмотри, у него же все лицо в шоколадном йогурте, – сказал муж, – надо умыться.

Вася двумя привычными движениями – белыми рукавами рубашки – стер остатки йогурта.

– Вася! – в панике заорал муж.

– Ничего, все равно в куртке, не видно, – махнула рукой я.

– Как это не видно? Вы что, совсем уже? – Муж чуть в обморок не свалился. – Надо переодеваться. Срочно. У нас есть запасная белая рубашка? Почему у нас нет запасной белой рубашки?

Я тем временем уже успела переодеть сына в чистую рубашку. Мы стояли в прихожей. Вася держал белые хризантемы.

– Пойдем, пойдем, – торопил сын.

– Сейчас. Я еще не готов, – отвечал муж, который встал раньше всех и собирался тоже дольше всех. Он один раз снял ботинки и пошел за мобильным телефоном в комнату, потом ходил за ключами, потом за носовым платком...

– Не волнуйся ты так, – сказала я.

– А я и не волнуюсь! – заорал муж.

Во дворе школы толпились дети с родителями. Собирались, как я и думала, минут сорок. Детей построили по парам и сказали, что сейчас пойдем. Через десять минут еще раз построили. И еще через десять минут.

– Мама, – закричал мальчик, – у меня букет тяжелый! Можно я его уже отдам учительнице?

– Нельзя, – сказала мама.

– Вот же учительница. Пусть возьмет и сама держит. А то я больше не могу, – возмутился мальчик.

– Рано, – ответила мама.

– Посмотрите, у меня глаз нормальный? – обратилась ко мне другая родительница.

– Да, все в порядке, – ответила я.

– А то букетом в глаз попали, – пояснила она. – Ой, смотрите, девочка в гольфиках. У нее же ноги синие и в пупырышках. Мамаша с ума, что ли, сошла? Я на своего колготки надела. Холодно же.

А дети тем временем не могли оторвать взгляд от гипса учительницы. Из гипса торчали посиневшие от холода пальцы с красным педикюром.

– Сколько еще здесь стоять? – спросил мальчик у всех взрослых сразу. Он держал за руку девочку, которая сладко спала стоя. Ровненько стояла и спала, прижавшись щекой к букету. Глядя на нее, я тоже начала позевывать. – Я не хочу стоять, я хочу уже в класс, почему мы не идем? – возмутился мальчик.

– Видишь, все стоят, никто не ноет, – попыталась подбодрить его мама.

– Ну и что? А я буду ныть. Я посидеть хочу.

– Перестань себя так вести.

– Не перестану. Все, я пошел сам. – Ребенок отцепился от спящей девочки. Та открыла глаза, поморгала и опять заснула.

– Ладно, – сдалась мама мальчика, – потерпи еще немного, а потом мы пойдем в детский магазин покупать тебе подарок. Договорились?

– Большой? – уточнил мальчик.

– Средний.

– Я тоже хочу подарок, – сказал Вася.

– И я хочу, – проснулась девочка.

– И я, и я, – пронеслось по шеренге.

– Будет, все будет, – дружно зашипели мы, мамы.

– А подарки каждый день после школы будут? – уточнил тот мальчик.

– Нет, не каждый, – сказала мама.

– А почему?

– Потому что подарки дарятся только по праздникам.

– А когда следующий праздник?

– Когда ты школу закончишь, – ответила мама и, подумав, добавила: – на одни пятерки и четверки.

Дети этот диалог слушали внимательно.

– А сколько еще учиться? – спросил Вася у мамы мальчика.

– Долго. Одиннадцать лет, – ответила мама.

Мы сделали большие глаза, потому что дети глубоко задумались и неизвестно, чем это могло закончиться. Нам уже надоело выстраивать их по парам.

– Когда вы закончите первый класс, мы вам тоже сделаем подарки, – сказала другая родительница, предотвратив нытье и скандал.

– Надо было бабушку с дедушкой позвать, – сказала я мужу, – все с родственниками.

Там действительно была одна девочка из другого класса, вокруг которой толпилось человек пятнадцать. И всем находилось дело – они вытирали ей рот, поправляли бантики, забирали и отдавали букет, фотографировались по отдельности и все сразу.

– Не надо бабушку, – сказал муж, – она бы... я даже боюсь подумать, что бы она сделала.

– Что?

– Как минимум напоила бы всех родительниц шампанским, накормила бы детей беляшами или пирожками, устроила бы танцы и вышла замуж за завхоза. И это только навскидку, – перечислил муж, – а потом они бы все пошли к нам пить кофе с коньяком.

– Выпить бы сейчас, – сказала родительница.

– И закусить. Я позавтракать не успела, – ответила ей другая мама.

– Еще на работу ехать, – понуро заметила первая.

Наконец пошли. Линейка прошла мирно и быстро – накрапывал дождь. Выпустили белых голубей, которых дети не заметили. Все мамы спрашивали: «Голубей видели?» Дети говорили, что никаких голубей не было. Зато все заметили, как в окне застряли воздушные шарики. Там их выпускали из двух открытых окон. Одна учительница выпустила, а у другой шарики никак не улетали. Она их и так выпихивала, и сяк. Дети не хотели, чтобы шарики улетали в небо, поэтому расстроились. А сонная девочка даже расплакалась.

Пронесли девочек с колокольчиками. Один мальчик-выпускник пробежал дистанцию почти бегом – ему досталась крупенькая первоклассница. Она изо всех сил трясла колокольчиком, подпрыгивая на плече длинного и тощего юноши.

Линейку быстро свернули – все замерзли. Потом первоклассников разобрали одиннадцатиклассники и повели назад в школу. Я фотографировала, поэтому услышала, как девочка-выпускница говорит Васе:

– Давай ручку, бедненький... Ты еще не знаешь, что тебя ждет.

– А ты меня будешь ждать? – спросил Вася.

– Нет, не буду, – сказала она.

– Жаль. Я бы тебе свою комнату показал, – сказал Вася.

Детей увели в класс. Мы ждали во дворе.

– Он в туалет, интересно, не хочет? – спросил муж.

– Не знаю, – ответила я.

– А он запомнит этот день? – Муж уже расслабился и был настроен лирически.

– А ты помнишь?

– Помню, что мой друг Мишка был в белом берете. И мы бежали быстрее всех, чтобы занять первую парту, а нас все равно рассадили. Больше ничего не помню.

– Вася, ты с кем сидел, с мальчиком или с девочкой? – спросила я, когда сын вышел из школы.

– Не помню, – ответил Вася. – Пошли в магазин за подарком?

3 сентября

Первый полноценный учебный день

Встали относительно легко. Относительно – это про меня. Никогда не хотела быть учительницей в школе. Даже в первом классе не хотела. Хорошо, что муж согласился отводить Васю. Ему-то хорошо – не нужно рисовать глаза, чтобы они хотя бы выглядели открытыми. И круги под глазами не надо замазывать.

– Надо было вчера лечь пораньше, – сказал муж, когда я жарила ребенку яичницу. Яйцо разбила мимо сковородки и обожглась.

– Надо было, – сказала я.

В двенадцать ночи я вспомнила, что родители должны были подписать тетради. Не просто подписать, а красиво. Я, конечно, забыла.

– Подпиши тетради, – попросила я мужа, – у тебя почерк красивый.

– Сама подписывай.

Мне понравилось подписывать. Это такой ажиотаж начала года – сначала красиво, высунув от старания язык, заполняешь дневник, а потом забрасываешь его куда подальше. А еще я помню, как учебники оборачивали в бумагу – раскладываешь лист, сгибаешь, разглаживаешь, переворачиваешь. И сверху, по голубому листику-трафарету пишешь, какой учебник. Давно забытый навык. Кстати, мне он очень в жизни пригодился – я, например, очень хорошо подарки упаковываю. Да, в двенадцать ночи воспоминания нахлынули – про прозрачные обложки-пленки для тетрадей, про пеналы на магнитах, про первые дипломаты вместо портфелей. Но это уже в старших классах. У нас не только мальчики, но и девочки с дипломатами форсировали...

Так вот, я заодно подписала мешок для сменки и куртку. Еще я хотела подписать сменные ботинки, но впала в ступор – оба подписывать или только один?

Утром муж отвел сына в школу. Вернулся.

– Ну как? – спросила я.

– Нормально. Только я назвал учительницу Александра Светлановна.

– Как это?

– Да прицепилось. От Васи. Так и сказал: «Здравствуйте, Александра Светлановна». Может, она не услышала?

Я должна была забрать. Рано, в 11 утра. Начала собираться в десять. Пришла на полчаса раньше.

Во дворе по классам толпились родители.

Какой-то папа закурил.

– Что ж вы тут курите? – накинулась на него чья-то бабушка. – Здесь же школа, а не бордель!

Папа потушил сигарету и долго держал в руках бычок, не зная, куда его деть – урн не было.

Некоторые родительницы что-то живо обсуждали. Очень хотелось подойти – послушать. Но это как в школе – страшно подойти к незнакомой компании. Я все-таки вспомнила, что взрослая, и подошла. Мамаши тут же замолчали и уставились на меня. Ну точно, как в школе.

– А у вас зажигалки нет? – спросила я первое, что пришло в голову. Надо было спросить про то, когда детей будут выпускать, или сказать что-то про погоду.

– Мы не курим, – сказала за всех одна мама.

Я отошла и встала рядом с папой, который по-прежнему держал в руке бычок.

Детей наконец вывели.

– Товарищи родители, давайте отойдем в сторонку, – громко сказала учительница, легко перекрыв гул толпы.

Мы послушно засеменили за Светланой Александровной.

– Ну как они? Как мой? Нормально? – спрашивали наперебой все.

– Так, родители, успокойтесь, – опять перекричала всех Светлана Александровна, – вы слушаете, как ваши дети! Я не знаю, чем вы слушаете! У половины класса не было цветных карандашей в пенале! Почему вы не собрали пеналы? А у Васи, – Светлана Александровна посмотрела на меня и все остальные тоже посмотрели, – не было ручки!

Я подумала, что сейчас рухнет мир. Как минимум. Страшно было до жути.

– Они их едят, что ли? – продолжала тем временем Светлана Александровна. – Пять минут прошу потратить на проверку пенала. Всего пять минут. Больше ничего не прошу.

– Была ручка, даже две, – сказала я обиженно, потому что лично записывала ему две ручки в пенал.

– Не было, – категорично заявила учительница, – я ему свою давала. И он не сидит. Надо с этим что-то делать. Не так много прошу...

– А мой как? – спросила другая мама.

– И ваш не сидит, – ответила Светлана Александровна, – и ваш тоже, – сказала она бабушке, которая успела только рот открыть. – Так, запоминайте домашнее задание. Страница шесть в прописях. Страница два – в математике.

– Ой, а повторите, пожалуйста, – попросила бабушка, – я прослушала.

– Товарищи родители, повторяю в последний раз. Больше повторять не буду. Страница шесть, страница два. – Светлана Александровна взяла на полтона выше. – Кстати, Вася сделал сразу три урока. А надо было один. Только мишку раскрасить. А он все прописи прописал. Мы с ним поговорили, но вы тоже обратите внимание, – сказала мне она.

Я кивнула, так и не поняв, почему можно было раскрасить только мишку и на что нужно обратить внимание.

– И без опозданий, – велела нам учительница, – приходите нужно к первому звонку, а не ко второму.

Потом ее отвлек папа, который уточнял, каким конкретно должно быть содержимое пенала.

– Дима, Дима! – позвала мама из нашего класса.

– Антон, Антон, – звала бабушка.

Дима, Антон и Вася нашлись на дереве.

– Кто разрешил лезть на дерево? – увидела их Светлана Александровна.

– Это Вася первый начал, – тут же сдали его друзья.

Ситуация была спорная. Вася стоял под деревом, а Дима с Антоном висели на ветках. Так что доказательств не было.

– До свидания, спасибо, – быстро сказала я Светлане Александровне, чтобы еще чего-нибудь не услышать. Дима с Антоном

попадали с веток и спрятались за спинами взрослых.

– Так, родители, задержитесь еще на минутку, – сказала учительница. Все застыли. – Если у кого из детей недержание, скажите мне сейчас. Потому что сегодня один попросился, и половина класса бегала в туалет. Отпускать с урока не буду, только на переменах. Отпущу только с недержанием. Поднимите руки, у кого недержание.

Я хотела поднять руку – у меня уже точно недержание начиналось. Да и Вася начал выразительно притопывать.

– Пойдем, – сказала я Васе, и мы быстренько слиняли. – Ну как тебе? – спросила я по дороге.

– Завтрак понравился. Булочка с чаем и банан. Чай вкусный. Ты такой не умеешь делать.

Я тоже любила школьный чай – жидкий и сладкий из огромной эмалированной кастрюли, который наливали суповым половником. А на кастрюле было написано красной краской: «Чай».

– А в туалет ты ходил? – спросила я.

– Нет.

– Не хотел?

– Хотел. Но когда захотел, учительница сказала, что хватит ходить туда-сюда.

– Ладно, побежали.

– А правда, что папа мне утром сказал?

– А что папа сказал?

– Что я буду учиться одиннадцать лет и это больше тысячи дней?

– Правда.

– А папа всегда правду говорит?

– Да.

– А ты не всегда. Лучше бы ты меня утром отвела.

– Почему?

– Ну, ты бы сказала, что нужно учиться пять дней. Чтобы меня не расстраивать.

Пришли домой. Переоделись.

– Вася, сделай сейчас домашнее задание. А то тебе еще на тренировку идти.

– Не буду.

– Будешь.

– Не буду.

Полчаса мы орали эти вечные «буду – не буду». За пять минут раскрасили цыпленка-уродца и нарисовали кривые палочки.

– Все, – выдохнула я и швырнула ластик.

– Все, – швырнул тетрадь на пол Вася.

4 сентября

Пока учимся, но уже не хочется

Вставали тяжело. Я хоть и проснулась, но подняться не было сил.

– Может, перейдем на домашнее обучение? – спросила я мужа.

– Подъем! Подъем! Петушок пропел давно! Детки в школу собирайтесь! – раздавался его бодрый крик из коридора. Он держал в руках музыкальную игрушку-петушка, который истошно кукарекал... Убила бы...

Собрались, ушли. Я их проводила, не приходя в сознание.

Пошла забирать... Вася скатился с лестницы, свалил на меня портфель с курткой и умчался под дерево играть с мальчишками в «цуефа», аналог нашей «камень-ножницы-бумага».

– Первый «А», подойдите все сюда, – позвала нас, родителей, Светлана Александровна, – буду давать домашнее задание. Дашенька, дай мне свои тетрадки, – попросила она у девочки. – Здесь нужно раскрасить, а здесь прописать, – высоко подняв тетради, говорила учительница.

Тетрадь была образцово-показательной. Рисунки аккуратно раскрашены, палочки ровненькие, кружочки один к одному. Дашина мама стояла гордая, как будто это она нарисовала и раскрасила. Васину тетрадь никогда бы не показали. Я успокаивала себя тем, что есть много достойных людей, которые не только пишут, как курица лапой, но еще и с ошибками.

– А у Тома Круза вообще дисграфия. Или дислексия, я точно не помню, – сказала мне мама Васиного друга Димы. Видимо, она подумала о том же, о чем и я.

Васю с Димой, как самых высоких, посадили на задние парты. Неудивительно, что они подрались, сломали друг другу карандаши и поменялись тетрадями. О чем нам и сообщила Светлана Александровна. Мы с Диминой мамой кивали и говорили: «Они больше не будут». Диминая мама сама виновата – нечего было спрашивать, как они себя вели и что делали.

Вася с Димой тем временем отломали от дерева по ветке и дрались, как на шпагах. Вася бился так, как играет в теннис. Делал

замах и лупил смэш. А Дима дрался как мушкетер. Стоял в позиции и даже вскинул левую руку. Оба – мокрые, с торчащими из штанов рубашками. У Димы еще и галстук-бабочка съехал набок и висел, как бант у пуделя.

– Что ж вы делаете? – кинулась к ним какая-то бабушка.

– Это я виновата, – сказала девочка Настя.

С Настей Вася познакомился еще первого сентября. Сегодня они с Димой решили, что Настя – самая красивая.

Светлана Александровна отвлеклась на проблемы активности и неактивности других первоклассников, мы с Диминой мамой дружно сказали: «Пасиб, дсвиданья, Сланасанна» и прытко поскакали к воротам.

Вася, Дима, Настя и примкнувший к ним Антон висели на заборе. Упитанный Антон высоко не залез. Его бабушка тянула внука вниз за штанину и обещала «надавать по жопе», как только снимет с забора. Антон, понятное дело, слезать не хотел и дрыгал ногой, которую схватила бабушка. Бабушка отцепилась от штанины и надавала ему прямо на заборе, благо попа была рядом, прямо перед глазами.

– Вася, слезай, пойдем домой! – крикнула я.

– Дима, слезай, – сказала его мама.

Няня позвала Настю. А потом был жуткий скандал. Оказалось, что Диме и Насте – в одну сторону идти, а Васе – в другую. Получалось, что Дима провожает Настю.

– Вон, видишь, Настя за угол повернула. Она одна идет, – успокаивала я сына. – Расскажи, что в школе было.

– Нет, с ней Дима! – кричал Вася. – Я тоже хочу Настю провожать!

– Завтра пойдешь, сейчас мы ее уже не догоним, – пыталась договориться с сыном я.

– А Дима? – перестал кричать Василий.

– Что Дима? – не поняла я.

– А если Дима тоже захочет?

– Тогда договоритесь и провожайте Настю по очереди. Чем кормили-то?

– Какавой и кашей. Я не ел, потому что каша была по вкусу как пюре из картошки. А каково мне понравилось. Бабушка мне такое дает. Мы с Димой поменялись – он мне какаво, а я ему кашу.

- Вася, не какао, а какао, – поправила я.
- Какая разница? – не понял ребенок.
- А на уроках? Что делали?
- Не помню. Какао помню, а на уроках не помню.

Домашнее задание опять делали с криками. Вася сказал, что он не будет писать и раскрашивать. Раскрашивают девочки, Настя, например, а они с Димой решили не раскрашивать. И если не написать пропись, то ничего не будет. Светлана Александровна не заметит. Антон не написал, и ему ничего не было.

– А зачем вы тетрадями поменялись? – спросила я, вспомнив рассказ учительницы.

– А какая разница? Там же все одинаковое. Только цыпляют мы с Димой в разные цвета раскрасили. Я в синий, а он в зеленый.

– А где вы видели синих и зеленых цыпляют? Они же желтые.

– Мне желтый цвет не нравится. И Диме, наверное, тоже.

– Надо сделать домашнее задание. Я не хочу, чтобы тебя Светлана Александровна ругала, – сказала я, когда мы пришли домой.

– Она не будет ругать. Она всем говорит «молодец».

– А ты руку поднимаешь на уроке?

– Нет.

– А почему?

– И так много кто поднимает. Учительнице есть из кого выбрать.

– Но ты же знаешь ответ?

– Знаю.

– Тогда тоже поднимай руку. Как же тогда учительница узнает, что ты знаешь?

– Мама, она же не глупая. Она же учительница. Она про первый класс все сама знает. Я поднимал руку, один раз, только она меня не спросила.

– Потому что вас много.

– Вот и я тебе говорю про это.

– Так, хватит мне зубы заговаривать. Делай уроки.

– А может, потом?

– Потом будет суп с котом.

– С настоящим?

– Нет, присказка такая.

– А что такое присказка?

В общем, он своего добился. Я полезла в книжный шкаф, нашла книжки и долго рассказывала сыну, что такое пословица, поговорка и присказка. С примерами. Чем одно отличается от другого. Сын слушал и играл в рыцарей.

– Так, все, теперь уроки, – сказала я, когда окончила свою лекцию о народном творчестве.

– Я есть хочу, – жалобно проговорил Вася.

– Ладно, пойдем поедим. А потом за уроки.

Мы ели. Вася даже съел две ненавистные ему котлеты – так сильно ему не хотелось идти делать домашнее задание.

– Все? Наелся?

– А чай с тортиком?

– Вася, ты правда хочешь чай или ты время тянешь?

– Правда хочу. – Ребенок смотрел на меня такими голодными и искренними глазами, что я поверила.

– Что ты не пьешь?

– Горячий.

Я подбавила холодной воды.

– Пей.

– Теперь холодный.

Я поставила кружку в микроволновку.

– Не сладкий.

– Добавь сахар.

– А лимона нет?

Когда я рылась в холодильнике в поисках лимона, до меня дошло, что я стала старой и легковерной.

Потом Вася решил убрать книги с пола и собрать своих рыцарей в коробку. Отмазка сработала. А потом у него иссякла фантазия и он, вздыхая, потягиваясь и подволакивая ногу, сел за стол. Еще минут десять ушло на копание в пенале, затачивание карандашей, открывание и закрывание ручки, игру в баскетбол из-под чупа-чупса. Он включал и выключал лампу, надувал воздушный шарик, смотрел в окно, ковырял в носу, разглядывал то, что наковырял. Потом ему на глаза попались ножницы, и он отстриг ими сначала лист цветной бумаги – по краю, как бахрому, а потом и край тетради по математике.

– Уроки! – призывала я. – Ты так каждый день будешь делать? Давно бы уже закончил.

Потом он написал мне записку, которую можно было читать только с армянским акцентом: «Нибуду нихачу хачу в рыцарев играт».

5 сентября

Втянулись и влюбились

Организм перестроился. Проснулась в семь ноль пять. Сама. Без побудки. Даже испугалась – долго и с недоумением рассматривала циферблат, подозревая подвох.

Мне нельзя вставать так рано – у меня сосуды, обмороки и вообще.

– Ты сама проснулась? – удивился муж. Конечно же, уже чисто выбритый, принявший душ, одетый и позавтракавший.

– Сама удивляюсь, – сказала я.

– Ничего удивительного – ты вчера в половине одиннадцатого уснула. – Муж всегда находит логическое объяснение моим странным поступкам и не менее странным желаниям.

– Неправда, я книжку читала, – возразила я.

– А потом уснула. Вообще-то это миф, что я «жаворонок», – вдруг грустно сказал он, – я – «сова». Просто жизнь такая.

Позавтракали – Вася зависал над тарелкой с хлопьями, и его приходилось будить криками: «Вася, ешь!» Вася дергался, обводил мутными глазами комнату, вспоминая, где он и чего от него хотят. Оделись, отвели в школу.

Пошла забирать... Во дворе уже стояли наши родительницы. Оказалось, что нужно принести свой стаканчик для воды – не стеклянный. Бойлер и одноразовые стаканчики купили, но бойлер сломался, а стаканчики уже закончились. Активистки родительского комитета сказали, что проще ходить со своими. Лучше всего, сказали, купить те, которые для рисования – дешево, красиво (они разноцветные) и не бьются. Желательно подписать, чтобы дети друг с другом не менялись.

– Как их подписать? На них не пишется! – сказала одна мама.

– А вы помните, как раньше было? Наклейте полоску обычного лейкопластыря и напишите на нем, – подсказала бабушка.

Еще дали задание купить пачку бумаги формата А4 и принести из дома по игрушке, пока наши дети на переменах друг друга не

поубивали. Родительницы решили устроить детям в рекреации игровой уголок.

– А какие игрушки? – спросила бабушка.

– Развивающие, – строго сказала активистка родительского комитета. – Никаких пистолетов.

– А домино можно? – уточнила бабушка.

– Какое домино? Вы еще скажите карты... – возмутилась активистка. – Нужен палас. У кого есть ненужный палас? – обратилась она к нам.

– Не надо палас. Давайте купим ковролин, – предложила мама.

– Давайте. Кто купит ковролин? – спросила активистка.

Все уставились в землю.

– Не надо ковролин, – сказала бабушка, – в нем одна пыль и бактерии. А тем деткам, у кого аллергия, вообще смерть.

– Точно, совершенно верно, не надо ковролин, – загалдели все дружно.

– А давайте стеллаж для игрушек купим? – предложила мама, которую озарило про ковролин.

– Давайте. Кто купит стеллаж? – спросила активистка.

– Вон там папа стоит, – сказал кто-то.

Папе, который явно пришел забирать ребенка не по доброй воле, не повезло. Его окружили женщины и наперебой рассказывали про пластиковый стаканчик, бумагу для принтера, палас и стеллаж. Папа поглядывал куда-то вдаль, понимая, что сбежать и вырваться из этого круга невозможно. Чем кончилось дело – не знаю. Настя отвлекла.

Дети меня вообще за человека не держат. Вне зависимости от возраста.

– Привет, – дернула меня за кофту Настя, – а Васю позови. Пожалуйста.

– Привет. А почему ты сама не позовешь?

– Он там, с мальчишками, – презрительно и одновременно философски сказала Настя.

– Сейчас позову.

– Только побыстрее. А то меня сейчас заберут! – крикнула мне вслед Настя.

– Вася, – подошла я к детскому спортивному комплексу, на котором висели несколько мальчишек, – тебя Настя зовет.

– Зачем?

– Иди и спроси сам.

– Чего тебе? – нетерпеливо спросил Вася у Насти, когда подошел.

Его ждали мальчишки.

– Я уезжаю. Пока, – сказала равнодушно девочка, как будто это не она минуту назад подпрыгивала от нетерпения.

– Пока, – сказал Вася и побежал к мальчишкам.

– А я, между прочим, на машине уезжаю, – сказала Настя.

Эта девочка явно сначала думала, а потом говорила. Я посмотрела на нее с уважением. Вася тут же затормозил, вернулся и пошел провожать Настю.

– А какая у тебя машина? – спросил Вася.

– Не знаю, – пожала плечиками Настя, – я в них не разбираюсь.

Эта девочка мне уже откровенно нравилась. Это ж надо уметь так разговаривать с мужчинами. И актриса! Я, конечно, актриса еще та, но эта малолетняя Брижит Бардо меня бы сделала. Так я и поверила, что она не знает марку машины! Все она знает!

– Так у тебя же «форд»! – воскликнул Вася со знанием дела.

– «Форд»? А ты еще какие машины знаешь? – хлопая ресницами, спросила Настя.

Нет, все, я уже просто млела от этой девчушки. Вася распрямил плечики и начал перечислять марки машин. Господи, какие мужчины наивные! Или они уже рождаются идиотами? Надо с Васей поговорить про женщин. Или еще рано? А может, не надо? Вот мой муж до сих пор пребывает в счастливом неведении относительно женского коварства и тоже верит, когда я вот так хлопаю ресницами. Нет, не буду я сына просвещать.

– Пока, – сказала Настя и впрыгнула в машину.

Вася стоял и махал ей ручкой в окошко. Настя делала вид, что не видит. Вася прилип к стеклу и кричал: «Настя, завтра увидимся!»

7 сентября

Отучились неделю

Приехала бабушка. Накупила внуку подарков, нажарила пышек.

– Маша, у Васи вши, – сказала мне мама вечером.

– Мама, какие вши? – Я приехала уставшая и голодная.

– Обычные. Он голову чешет. Ты что, не замечала?

– Мам, ночью комары были, мы даже включали в розетку эту антикомариную штуку. Укусил, наверное.

– Вши, – стояла на своем мама.

– Сама подумай, откуда? Двадцать первый век на дворе, школа приличная, дети все нормальные, дома – чисто.

– Ты все-таки посмотри.

– Ага, еще у него клопы, блохи и глисты.

Мама уехала.

Я все-таки решила посмотреть. Мама у меня слишком часто оказывается права. Точнее, всегда, и от этого я злюсь ужасно.

– Вася, иди сюда, – позвала я сына. Ну, действительно. Комариный укус. Помазала.

Суббота. Вася действительно расчесывал всю голову, а не только место укуса.

Вши. У всех были вши. У меня были. Но я тогда жила в деревне, и вши были не только у меня, а у всего класса. Регулярно. Мальчиков сразу брили налысо. Девочек, впрочем, тоже. Я тоже хотела быть лысой, но моя бабушка просто коротко меня подстригла. Даже фотография сохранилась – весь класс с одинаковым ежиком на голове, а у меня – жидкие волосенки до плеч. Как я тогда плакала!

Вшей тоже выводили все вместе. Я, например, с подружкой-соседкой Фатимой. Ее тоже почему-то налысо не брили. Так что страдали мы вместе.

Фатима приходила к нам с керосином. За керосин отвечала мама Фатимы. Наливала в консервную банку с недорезанной крышкой. Фатима несла банку за крышку, а мама ей вслед кричала: «Не расплескивай, на жука колорадского не хватит...» Моя бабушка была

счастливой обладательницей частого гребня, огромного белого вафельного полотенца и – почти немислимого сокровища – целлофана.

Бабушка мазала нам с Фатимой головы керосином, заматывала вокруг целлофан, велела не трогать руками и отправляла в огород – собирать с картошки колорадского жука и топить его в оставшемся керосине. Мы хихикали и поскребывались.

Потом нам смывали керосин водой с уксусом. Надо было наклонить голову над огромным старым эмалированным тазом.

– Глаза не открывать! – кричала бабушка.

Очень хотелось посмотреть. Именно в этот момент.

А потом мы сидели на стульях. На столе лежали вафельное полотенце и гребень. На полотенце надо было вычесываться. Мы с Фатимой хихикали, болтали... Приходила бабушка и бралась за наши космы. Было больно и все равно смешно.

Однажды после очередной мойки керосином мы с Фатимой побежали гулять в поле. Там паслась Фатимина корова – Зайка. Фатима от переизбытка чувств решила залезть на Зайку. Залезла. Ее ситцевый белый сарафанчик был весь облеплен черными точками.

– Попадет? – спросила Фатима, глядя на меня.

– Попадет.

Попало обеим, хоть я и не хватала Зайку.

– На вас керосину не напасешься, – ругалась мама Фатимы, помешивая в ведре кипятка с хлоркой для наших вещей.

Потом бабушка привезла из города такое специальное мыло – вонючее до ужаса. И нас мылили этим мылом.

Это было давно. В деревне. В прошлом веке.

Я как-то была не готова к тому, что вши заведутся у моего сына. То есть я готова была подумать на нервный тик, усиленную работу мозга – да что угодно...

Позвонила нашему домашнему врачу Ларисе.

– У нас вши, – вместо «здрасьте» сказала я.

– Пусть это будет самой большой вашей проблемой, – философски заметила Лариса.

– А что делать?

– Купить шампунь. И помыть голову.

– Надо прокипятить все, – сказал муж, – что-то я тоже стал чесаться.

– И я. Во всех местах.

– Может, нам тоже нужно этим шампунем? Откуда вши? Не понимаю.

– У кого-то в классе, – сказала я.

– Надо сказать учительнице!

Я представила эту картину. Стоим мы на школьном дворе, и учительница поставленным громовым голосом сообщает: «Товарищи родители, у одного мальчика педикулез. Обратите внимание». И все шушукаются: «У кого, у кого?» И ведь не докажешь, что это не у нас первых началось, а у кого-то другого.

– Нет, не будем говорить, – категорично заявила я.

– Интересно, а у кого в классе вши? – спросил муж.

Вот. Это-то меня и пугает. У нас одна мама какой-то чужой родительнице сказала, что с нас собрали деньги. И сумму озвучила. Чужая родительница сказала другой родительнице, а та сообщила своей учительнице. Учительница доложила завучу. Был скандал. Фамилию мамы никто не называл, но все откуда-то знали. Мама извинялась, оправдывалась, но ей никто не верил. Активистки родительского комитета с ней до сих пор не дружат. Мама, собственно, ничего плохого не имела в виду... так, разговор поддержала.

Васе мы тоже не сказали, что у него вши. Сказали – раздражение. Потому что Вася бы всем тут же об этом рассказал. И рассказывал бы еще полгода знакомым и незнакомым. В подробностях.

Кстати, в аптеке, куда я побежала за шампунем, мне полегчало. Около кассы стоял роскошный южный мужчина в дорогом костюме и пытался объяснить, что ему надо.

– Мазь для ушей? – не понимала провизор.

Мужчина сердился и краснел.

– Малэнкие такие, по голове бэгают, чесаться хочэтся, сын в школу пошел, – горячился мужчина и на себе показывал, как хочется чесаться.

– Шампунь от вшей, – перевела я провизору.

Мужчина взглянул на меня с благодарностью.

– И мне то же самое, – сказала я провизорше. Она чуть в обморок не грохнулась.

11 сентября

Психология и жизнь

– Задержитесь, пожалуйста, на минуточку, – сказала мне учительница, когда вывела детей после уроков. На всякий случай я повертела головой – а вдруг не мне? Мне.

Пока давали домашнее задание, я прокручивала в голове варианты беседы. Вася подрался, устроил истерику, не ответил на вопрос. Или все-таки вши?

– Давайте отойдем, – взяла меня под локоть Светлана Александровна.

– Мне нужно... – начала лепетать я. Можно было сказать, что у меня работа, дела, суп на плите, живот болит, голова, к врачу надо...

– Вася неправильно держит ручку, – шепотом сказала учительница. – Обратите внимание. Поправляйте его дома. Знаете, куда должен смотреть кончик ручки?

– Куда? – испугалась я, все еще не веря, что речь идет не о чем-то ужасном, а о ручке.

– В плечо. – Светлана Александровна показала на мое плечо. – И пальцы должны быть, как клювик. Понимаете?

– Нет, – честно ответила я.

– Клювик. – Светлана Александровна сложила пальцы на воображаемой ручке и пошевелила указательным пальцем, изображая клювик. – А Вася держит тремя пальцами. Вот так, – учительница показала как, – это не клювик.

– Хорошо. Буду поправлять. Спасибо. А вообще он как?

– Ничего не могу сказать. Не лучше, не хуже других.

В тетрадке для прописей было написано «Старайся!» с восклицательным знаком. А обещали писать только «молодец» и «хорошо». Было обидно. Мы старались. Нужно было написать «заборчик» по образцу. «Заборчик» вышел кривенький – я как раз Васе ручку в плечо направляла, вот у него он и уехал. Зато ниже мы исправились. Написали эти палочки еще раз. Красиво. Вася не хотел еще раз писать, а я ему сказала, что учительница увидит и обрадуется,

что он исправился. Она то ли не обратила внимания, то ли не обрадовалась.

– Что делали в школе? – спрашиваю я его каждый день.

– Ничего, – отвечает сын.

– Совсем ничего?

– Надоело раскрашивать. Все время раскрашиваем.

Открыла портфель. Ну ничего не меняется. Все – тетради, пенал, мешок со сменкой – в яблоке. Давали на завтрак. Вася откусил и бросил огрызок в портфель. Судя по яблоку, на портфеле он сидел, лежал и, наверное, стоял. Оттирала тетради. Просила больше не класть огрызки в вещи.

На следующий день та же картина. Только тетради не в яблоке, а в сливе. Мыла портфель.

– Вася, я же тебя просила...

– Ты про яблоко просила, а это слива, – сказал сын.

Хорошо, что им не нужно класть с собой бутерброды. Мне мама давала в школу. С сервелатом. Запах держится еще неделю. Пятно на тетрадке остается на год. Самое интересное, что я эту колбасу ненавидела и ни разу за все время бутерброд не съела. Но кому я скармливала колбасу – не помню. Светлана Александровна сказала, что еду давать, конечно, можно, но лучше не надо. Они друг у друга откусывают.

Васю из школы я не встречала. Пошла няня.

– Ну как? – спросила я ее.

– Все нормально, – ответила няня.

– Нас не ругали?

– Нет, других мам ругали. За то, что карандаши не поточены и тетради они забыли.

– Мамы забыли?

– Нет, дети.

– Понятно.

– А еще сказали, что с детьми будет беседовать психолог и каждую маму вызовут и дадут рекомендации по воспитанию. Попозже. Когда составят на каждого ребенка план.

Я думаю, может, не ходить больше в школу? А няня пусть скажет психологу, что у меня температура. Или я на работе. Ведь могу же я быть на работе с температурой? Могу.

– Вась, а что у вас психолог спрашивал? – спросила я сына.

– Не помню.

– Совсем не помнишь?

– Ну, так.

– А ты ей что говорил?

– Ничего. Молчал.

– Почему?

– Потому что вопросы были неинтересные.

– Надеюсь, ты психологу этого не сказал?

– Она что, сама не понимает?

Могу себе представить, что она подумала. Аутизм, к психологу не ходи.

14 сентября

Сдаем деньги и пишем на партах

Васю забирала няня, поэтому я временно выпала из школьной жизни. Но позвонила родительница и сказала, что опять нужно сдать деньги. На уборщицу и на ремонт.

– А мы уже сдавали. Пять тысяч, – сказала я.

– Еще по пять надо. Будем еще рекреацию ремонтировать, – сказала родительница.

Я, конечно, обзвонила всех – мужа, маму.

– В классе двадцать пять человек. Даже если двадцать сдали по пять тысяч, то уже получается сто. Куда еще? – возмущалась я.

– Ты что, не будешь сдавать? – спросила мама.

– Не знаю. Но ведь нужно спросить, куда дели деньги?

– Лучше не связывайся. Там найдется кто-нибудь, кто спросит. А Васе еще в этом классе учиться.

Пошла сдавать деньги. Активистка родительского комитета стояла и разговаривала с мужчиной в костюме.

– Так сколько нужно сдать, я так и не понял? – спрашивал мужчина.

– По пять плюс семьсот на уборщицу и еще пять, – отвечала она.

– Так пять или десять?

– Пять или десять. Просто некоторые родители сдали по десять. А одна электрика стоила сорок. Кто может, тот сдает.

– Хорошо, каждый по пять умножить на двадцать пять, а остальные деньги? – пытался подсчитать папа.

– Канцтовары, подарки и цветы учителям на День учителя, вот тут у нас все записано. – Активистка показала ему тетрадку с записями.

– Так, вот вам пять тысяч, – сказал мужчина.

– Вы больше не можете? – посочувствовала родительница.

– Я? – возмутился он. – Могу. Но сейчас не могу.

– Вот чем больше у людей денег, тем они жаднее, – философски заметила активистка. – За каждую копейку удавятся.

Я кивнула. Хотя у меня не так много денег, я тоже очень хочу удавиться за каждую копейку.

– Давайте я вам еще три тысячи отдам, – сказала я. Успокаивала я себя тем, что папа сдал всего пять, а я – целых восемь.

Вышла учительница. Сказала, что нужно принести пластилин и пластилиновый коврик. И никто не спросил, что это такое. Наверное, все знали. А я постеснялась уточнить.

– Вася, тебе в школе нравится? – опять пристала я к сыну.

– Нравится, – сказал он.

– Тебе интересно?

– А это как?

– Ну, это когда тебя что-то удивляет, радует и хочется придумать что-то свое.

– Эх, мама, вот если бы мы были рыбами, а учительница – акулой, было бы интереснее. Или если бы нам вместо каши давали лягушек, тогда бы было интересно. А так что придумаешь? Уже все за нас придумали. Только девочка меня спасает.

– Какая девочка?

– Которая передо мной сидит. Я забыл, как ее зовут.

– И как она тебя спасает?

– А когда я ее пеналом по голове бью или линейкой, она очень смешно делает – ложится на парту и голову закрывает. Даже когда я ее не бью, а только руку поднимаю, она сразу на парту ложится.

– А зачем ты ее бьешь? Девочек нельзя бить.

– Но ей же нравится. Если бы не нравилось, я бы не бил. Мы так играем.

– Ты мне покажешь эту девочку?

– Нет, не покажу.

– Почему?

– Она тебе не понравится.

– С чего ты взял?

– Тебе же Настя нравится. А эта девочка, она совсем на Настю не похожа.

– А тебе кто нравится – Настя или эта девочка?

– Вообще-то Настя. С ней хоть подраться можно. Знаешь, она какая? Я ее пеналом ударил, и она меня ударила. Я ее линейкой. И она меня линейкой. Сильно, – пустился в воспоминания сын. – Но Настя далеко сидит. А эта девочка рядом. Я же не могу выбирать.

– В каком смысле? – перепугалась я. Я решила, что у Васи начались проблемы с девочками.

– Ну, парту. Я же не могу выбирать себе парту. Кстати, у меня хорошая парта. Знаешь, что я на ней написал?

– Что?

– Кикимора.

– На партах писать нельзя, – сказала я.

– Где-то я уже это слышал, – задумался ребенок.

– А что еще новенького?

– Мама, ну что там может быть новенького? Там уже все старенькое. Даже учительница.

15 сентября

Мы замумукались и вырубаемся

Это какой-то кошмар. Организм отказывается перестраиваться. Я больше не могу вставать по утрам! Хочу спать! Все время хочу спать! Мне кажется, я так не хотела спать даже тогда, когда Вася был младенцем. А младенцем он был чудовищным – неспящим и орущим. Конечно, я тогда была моложе, азартнее и здоровее. Но по моим подсчетам, у меня уже должна была начаться старческая бессонница – когда просыпаешься в пять утра и не можешь уснуть. Но она почему-то не начинается. А так много успела бы сделать.

Смотрели с Васей «Смешарики». Так там заяц Крош засыпает от хлопка в ладоши. И все время спрашивает: «Почему я вырубаюсь?» Вот я тоже хожу, как Крош, и спрашиваю у мужа: «Почему я вырубаюсь?»

Утром муж сказал, что сам соберет ребенка. А я могу не вставать.

– Спи, спи, – заходит он на цыпочках в спальню, – только скажи, какую ему рубашку надевать.

Выбор небольшой – две штуки. И Вася – не девочка. Ему вообще по фигу, в рубашке он пойдет или в пижаме.

– Спи, спи, – опять зашел муж, – а где стоит молочный суп на завтрак?

– В холодильнике.

– Я его там не нашел.

Встала, достала молочный суп, разогрела, нашла рубашку. Заснуть снова не получилось.

Муж отвел сына в школу. Вернулся.

– Как дошли? – спросила я.

– Знаешь, его так жалко. Ноги заплетаются. Упал в траву. Лежал и не двигался. Что там в его портфеле? Вася даже встать не мог под таким грузом. Я его за шкирку поднимал.

Я живо представила эту картину. Лежит мой мальчик, уткнувшись носом в асфальт, под грузом знаний.

– Надо ложиться спать раньше, – сказала мне мама. Я ее чуть по телефону не укусила. Как будто я сама не знаю, что надо делать.

Утром я вообще сама не своя. Сегодня надо было позвать ребенка завтракать. Я с недосыпу забыла, как его зовут. Пришла в комнату и говорю:

– Как зовут?

– Вася, – испуганно ответил ребенок.

– Точно. Пошли завтракать.

Как в том анекдоте, когда алкоголик просыпается утром, а жена зовет его: «Петя, иди завтракать!» «О, Петя...» – вспоминает алкоголик.

Муж сварил кофе и сам его выпил. Я плохо помню, но, по-моему, я сказала, что пойду с ним разводиться.

Поехала в магазин за продуктами. И на обратном пути заснула прямо за рулем. Очнулась одним колесом на бордюре. Мне казалось, что я только моргнула. Пришла домой, бросила пакеты в коридоре и легла спать.

– Мама, почему ты спишь? – спросил Вася.

– Потому что я рано встаю.

– Нет, это я рано встаю. Ты ведь в школу не ходишь, – обиделся сын и тоже завалился спать.

У меня много дел – надо подписать коробку с пластилином и пластилиновый коврик, при ближайшем рассмотрении оказавшийся обычной пластмассовой дощечкой. Между прочим, дефицитная вещь. Еле нашла. Продавщица в канцтоварах советовала брать сразу два, потому что больше не завезут.

Мне перестали звонить подруги и знакомые. Потому что на стандартный вопрос «Как дела?» я как подорванная начинала рассказывать про прописи, школьные завтраки и про то, как какую-то бабушку отругали за то, что ее внучка читает только по слогам, а нас не отругали – мы читаем бегло. При этом я жду в ответ не менее бурной реакции, а мне все мычат: «Ну да, ага, ладно, потом перезвоню».

Мужа тоже жалко. Он подрастерял свой бодрый задор и повторяет как заведенный: «Что-то я замумукался». Вася, цепляющий все с языка, далеко не ушел. Из школы он принес слово «круто». От меня он ввел в оборот «мило».

– Вася, неси сам свой портфель, – говорю я.

– Мама, что-то я замумукался, – ответил сын.

Причем этих трех слов ему хватает, чтобы выразить свои эмоции. Сварила его любимые макароны.

– Мило, – говорит сын.

Помогла сделать из палки лук.

– Круто, – поблагодарил сын.

– Вася, ты что, Эллочка-людоедка?

– А Эллочка ест людей? – вытаращил глаза Вася.

Оказалось, что в его классе есть девочка – Эллочка. И как я ни пыталась пересказать сыну в доступной форме Ильфа и Петрова – не убедила.

– А сегодня она в школе капусту такую оранжевую с колбасой ела, – задумчиво сказал Вася. – Может, она дома людей ест? Завтра спрошу. Круто.

На следующий день Вася заявил:

– Мама, Эллочка людей не ест.

– Ну слава Богу.

– А знаешь почему?

– Почему?

– Потому что она – Элечка, а не Эллочка. Я перепутал. Замумукался.

18 сентября

Уроки демократии

– Знаешь, мама, я хочу назад в животик, – произнес Вася по дороге из школы домой.

– Почему это?

– Потому что там все понятно.

– А что тебе в жизни не понятно?

– Много чего. Вот, например, почему учительница всегда наказывает того, кого увидит? А того, кого не увидит, не наказывает?

– Это как?

– Я вот ударил мальчика, и меня в коридоре поставили. А его нет. Хотя он меня тоже ударил.

– Но ведь ты, наверное, первый начал?

– Да, первый. Но я его в живот бил, а он мне в глаз дал. В глаз больнее. – Вася действительно щеголял свежим фингалом.

– А из-за чего ты его ударил?

– Да из-за ерунды всякой. Из-за игрушки, – презрительно ответил сын.

– Тем более, из-за ерунды нечего драться.

– Но мне так хотелось! – воскликнул Вася.

– Мне тоже иногда хочется кого-нибудь в живот ударить. Но я же не дерусь.

– А сильно хочется? – уточнил с уважением Вася.

– Сильно.

– И ты не бьешь?

– Нет.

– Круто.

Дома чем-то подозрительно пахло. Запахло еще в лифте, потом пахло на лестничной клетке. И в квартире тоже.

– Чем пахнет, не пойму, – принялась я. При этом подозрительно пахло оттуда, где находился Вася. – Вася, ты зубы утром чистил? – строго поинтересовалась я.

– Чистил.

– А руки сейчас помыл?

– Помыл.

– Странно.

А ничего странного. Вася стал выгружать портфель – тетради, пенал, раздавленная, естественно, груша. И – давно, очень давно сваренное яйцо.

– Вася, что это?

– Яйцо.

– Я вижу. Давно оно у тебя в портфеле валяется?

– Давно.

– А почему ты его не достал?

– Мама, я его тебе принес. А ты все меня отвлекала с уроками.

Вот я и забыл.

Дело в том, что уже две недели, как Василий осознал свои демократические права – на личную собственность и частную жизнь. Он не разрешает мне заглядывать в его портфель. Собственно, это я виновата. Вася залез в мою сумку и выпотрошил косметичку.

– Вася, в чужие сумки лезть нельзя.

– Почему?

– Правило такое. Можешь найти то, что детям знать не обязательно.

– Хорошее правило. А портфель – это сумка?

– Сумка.

– Моя?

– Твоя.

– Тогда ты тоже в мой портфель не лезь. Можешь найти то, что взрослым знать не обязательно.

Но после протухшего яйца Вася торжественно разрешил мне доставать мусор из портфеля.

19 сентября

Школьная экономика

Вася пришел из школы грустный.

– Что ты грустный такой? – спросила я.

– Плохо. Все плохо, – сказал сын.

Мне, конечно, очень хотелось ему рассказать, что такое хорошо, а что такое плохо. Что-то вроде – мне бы твои проблемы с почерком! В этот момент Вася был очень похож на своего отца, который, держась за голову, рефлексит. Не хватало только виски со льдом, а так – никакой разницы.

– Что плохого? – поинтересовалась я.

– Настя уже два дня в школу не ходит, – ответил сын.

– Придет. Обязательно придет, – пообещала я, – ты из-за этого расстроился?

– Нет. Из-за того, что она не ходит, а я хожу. Плохо это.

– Это все твои горести?

– Нет. Еще одна осталась.

– И какая?

– Хочу на продленку.

В мое время продленка была наказанием. Как пятидневка. Мама обещала оставить меня на продленку, если я чего-то там не сделаю. Мы думали, что на продленке над детьми издеваются. Во-первых, их куда-то уводят. Во-вторых, они всегда приходят со сделанными уроками. В-третьих, продленку вела наша учительница труда, которую мы все боялись. Надежда Петровна. Она была очень-очень странная. Не помнила, кого как зовут. И каждый раз с искренним интересом знакомилась заново. За ухом она носила сигарету. Мы думали, карандаш, но дети с продленки сказали, что это сигарета. Надежда Петровна ела мел – совершенно точно, я сама видела. Откусывала от мелка и жевала. И самое странное – у нее был целый набор пластилиновых ножичков. Точнее, ножичков для пластилина. Она их никому не давала. И если ей не нравилась поделка, она шла к своему столу, выбирала ножичек, возвращалась, зажав пластмассовое орудие убийства в кулаке, и кромсала какого-нибудь снеговика или птичку.

Жуть. И еще. У наших продленочников все тетради были исполосованы красными черточками. Они рассказывали, что если Надежда Петровна видела ошибку, то покрашенным ногтем ее подчеркивала. Лак Надежда Петровна предпочитала ярко-красный.

– Зачем тебе продленка? – спросила я Васю.

– Там мультики показывают, – ответил сын.

– Дома тоже мультики есть.

– Там другие. И дети там ничего не делают. Только смотрят мультики.

– Ладно, посмотрим. А что купил?

Дело в следующем. Вася обнаружил в школе киоск. И попросил купить то ли часы, то ли улитку – я так и не поняла. Мы договорились, что он посмотрит, сколько это дело стоит, и мы купим вместе. У Васи есть свой кошелек. Грубо говоря, копилка. Просто все никак кошку с прорезью в башке ему не куплю. Вот мы и решили, что он наконец возьмет «свои» деньги и потратит. Но Вася все забывал, и проблема как-то рассасывалась. Но тут он решил, что завтра точно купит эту совершенно необходимую вещь. Потому что все мальчишки из его класса уже купили.

Я долго ему рассказывала про ценность денег, про то, как они зарабатываются непосильным трудом. Вещала долго и с воодушевлением.

Утром в школу его отводил папа. На пороге Вася вспомнил, что забыл взять из кошелька деньги, и собрался идти назад. И что сделал муж? Естественно, дал ему денег. Сколько? Сто рублей.

– А почему сто рублей?

– А что, больше надо было? – удивился муж.

Я выразительно закатила глаза. Я удивляюсь, что он Васе тысячу не дал. С утра-то, когда спать хочется.

Нужной вещью оказалось печенье, похожее на собачий корм. Такие пахнущие химией подушечки.

– Попробуй, – предложил сын.

– Ты уверен, что это можно есть?

– Да, у нас все ели.

– А ты сам-то ел?

– Нет. Я такое не ем.

– И сколько эта гадость стоила?

- Десять рублей.
- А сдачи тебе дали?
- Дали. Десятками.
- И где они?
- Раздал одноклассникам. Они все захотели.

У меня в голове замелькали кадры. Завтра к Васе подойдут мальчишки и опять попросят денег. А он скажет, что нет. Тогда его избьют и велят принести. А потом слух о добром мальчике дойдет до старшеклассников, и его будут бить и «ставить на счетчик». Ужас!

Вела беседу по поводу личных средств, взывая к его, хоть и очень мало процентным, еврейским предкам. Вася, по-моему, ничего не понял, но сказал, что подушечки больше покупать не будет, а купит лучше циркуль. Дима уже купил.

22 сентября

Кнут для доносчика и прочие закозьявки

Стоим с родительницами, ждем детей. Выскочил Федя и подбежал к маме Димы.

– А вашего Диму Гриша ударил. Прямо в этот, как его, хап.

– Куда? – спросила мама Димы.

– Мама, меня Гриша в пах ударил, – со ступенек школы слетел сам Дима. Орал так, что заглушал звонок.

– Потому что Дима Гришу обозвал, – объяснил Диминой маме Федя.

– Это он меня первый обозвал, – рыдал Дима. – Я давал сдачи. Сдачи можно давать.

– Нет, это Дима начал. – Федя по-прежнему спокойно и рассудительно обращался к родительнице. – Я все видел. И свиньей тоже первый обозвал.

– А он меня, он меня! – всхлипывая, кричал Дима.

– А почему ты друзей закладываешь? – спросила я у Феде.

– Я не закладываю, – ответил мне мальчик, – я правду говорю. И Гриша мне не друг. Но я про друга правду скажу. Хотите? Вот вчера Антон задание не сделал. А сказал, что сделал. Я знал, что он неправду говорит, и все рассказал учительнице.

– Странно, что тебя еще не отлупили, – проговорила я, обращаясь к Феде.

– Антон меня ударил. В грудь, – подтвердил как ни в чем не бывало Федя, – я ему не дал сдачи, а учительнице рассказал, что Антон дерется. Светлана Александровна Антону замечание сделала. А Диме, – обратился правдолюбец к маме Димы, – придется на выходных задание делать. Никому не задали, только ему.

– Мне не задали, не задали! – Дима тем временем уже с остервенением колотил мешком со сменкой об землю.

– Задали-задали, – не замолкал Федя.

– А почему только ему? – спросила ошалевшая от информации мама Димы у Феде.

– Потому что он сначала не слушал, потом играл, а потом плакал.

– А почему плакал?

– Потому что не успел.

– А как Вася себя вел? – поинтересовалась я у Феди. Так, ради любопытства.

– Вася? – Федя задумался. – Вася сегодня хорошо себя вел. Даже блин с вареньем съел на завтрак.

– Ты про всех все знаешь? – уточнила я.

– Да. Вам про кого рассказать?

Тут наконец пришла Федина бабушка.

– Ну что? Опять доносишь? – спросила она строго.

– Опять! – радостно воскликнул Федя.

– Я же тебе говорила: «Доносчику – первый кнут», – устало сказала бабушка.

– Мама, а почему вы меня Васей назвали? – спросил сын после школы.

– Потому что нам с папой очень понравилось это имя. А что?

– Знаешь, вот бывают такие имена, которые разные. Вот у нас мальчик есть. Вообще-то его Денис зовут, но он говорит, что Дэн. И все зовут его Дэн, даже мама. Только учительница Денисом называет. А еще есть мальчик Филя. Я забыл, как его зовут по-настоящему.

– Филипп?

– Да. Только его мама зовет Филей, а он хочет, чтобы Фил. А учительница его тоже Филиппом зовет.

– Ты хочешь, чтобы у тебя было тоже необычное имя?

– Нет. Не хочу. Только иногда хочу. Когда с Настей дружу.

– А при чем тут Настя?

– Ну, ни при чем. Только она, как выздоровела, с Дэном желуди собирала, а не со мной.

Да, я помню это вечное мучение с именами-фамилиями. У нас в классе был мальчик Федя – Федя Морковкин. Так с ним никто не хотел дружить. Его дразнили – «Федя съел медведя, а морковкой подавился». А Ленку Кашеварову как только не обзывали – и Овсянкиной, и Гречкиной, и Кашкиной, и Манкиной, и Перловкиной. А Ирку Похлебину исключительно Похлебкой звали.

Конечно, каждой девочке в детстве хочется быть не Машей или Светой, пятой по счету в классе, а одной-единственной Аэлитой или

Матильдой. И куда-то в далекое прошлое ушли прозвища. Сережу никто не называет Серым, Андрея – Дроном, Сашу – Саньком, Диму – Димоном, а Гену – Гендосом...

На следующий день у Васи из портфеля вместе с огрызком вывалилась записка: «Прасти пажалута» и сердечко вместо точки. На обратной стороне бумажки было написано: «Некагда непрацюу».

- Вася, это тебе Настя записку написала? – спросила я.
- Ну да.
- А почему ты написал, что никогда ее не простишь?
- Это не я, это Дима написал. Вместо меня.
- А почему ты сам не написал?
- Мне некогда было. Я в прописях всякие закозьявки писал.
- Может, закорючки?
- Да, точно.

5 октября

Лишний папа

Последний учебный день. Детей отправляют на недельные каникулы согласно новой, триместровой схеме обучения. Вчера позвонила активистка родительского комитета и велела прийти помочь разгрузить шкафы – они будут ремонт делать.

– Хорошо, приду, – согласилась я.

– А у вас папы лишнего нет? – уточнила с надеждой активистка.

– Лишнего нет.

– А жаль. У нас есть два водителя, один дедушка, только папы нет.

– А зачем вам папа?

– Так шкафы же перетаскивать...

– Нет, у нас ни лишнего папы, ни водителя, никого нет. Только я.

– Ладно, – разрешила активистка, – давайте хоть вы.

Пошла разгружать. Руководила всеми активистка.

– Так, родительницы, выносим книги, тетради, цветы. Мужчины ждут, пока родительницы все вынесут. Мужчины ждут. Ждут мужчины! – кричала она одному прыткому папе, который пытался вытащить шкаф вместе с содержимым.

– Кто здесь главный? – зашел в класс еще один мужчина.

– Я – главный, – отозвалась активистка. – А вы кто? Папа?

– Ну, что-то вроде того, – засмутился мужчина.

– Проходите, подключайтесь, – радостно пригласила активистка.

Мы бойко таскали книги в коридор.

– Ровнее кладем, ровнее, – руководила активистка, – не сваливаем в одну кучу, нам это потом разбирать. Так, мужчины, выносим шкаф. Выносим!

Мужчины подхватили шкаф и понесли.

– Куда ж вы его? Бочком надо. Он же в дверь не пройдет! – кричала активистка.

– Пройдет, – буркнул один папа.

– Так, поставьте шкаф, переверните и несите боком...

Мужчина так на нее посмотрел... Его удержало от убийства активистки только то, что та не была его женой. Наверное, он об этом

и подумал. А была б своя, так давно бы шкафом прибил.

– Отойдите, – сказал он активистке и добавил: – Пожалуйста.

Шкаф действительно не прошел в дверь.

– Вот я же говорила, говорила же... – обрадовалась активистка.

Шкаф наконец вынесли, поставили к стене, мы его опять загрузили книгами. Из соседнего кабинета вышла учительница.

– Надо было его к стене повернуть. Тут же вещи, – сказала она.

– Правильно, – подхватила активистка. – Мужчины, поворачиваем шкаф лицом к стене. Родительницы, отойдите. Мужчины, куда вы поворачиваете? Не тем боком.

Мы забежали в кабинет, потому что мужчины поставили шкаф и недобро смотрели на активистку.

– Так, нам нужны еще мужчины, – ворвалась она в класс.

В классе остался только один папа. Тот, который на первом собрании шкаф пытался сдвинуть. Ему было поручено снимать со стены цветочные горшки и картины. Папа стоял на маленьком стульчике и все равно с трудом дотягивался. Еще две мамы стояли рядом, чтобы в случае чего подхватить или горшок, или папу.

Активистка посмотрела на страдальца – тот никак не мог отцепить картину от стены, – поняла, что он под шкафом не выживет, и убежала опять руководить процессом.

Папа, которого активистка за мужчину не держала, улыбнулся, как бы извиняясь, и покачнулся на стульчике. Две мамы схватили его за талию в четыре руки и больше не отпускали. Папа опять улыбнулся – благодарно.

– Ее бы энергию да в мирных целях, – буркнула первая мама в адрес активистки.

– Да ладно, кричит и кричит, я уже привыкла, не реагирую, – ответила вторая.

– Так, надо воду вынести, – опять ворвалась в класс активистка. Речь шла о больших баллонах с водой для кулера.

Папа, спустившийся со стульчика, взял баллон и понес. Нес медленно. Ему было тяжело. Активистка схватила вторую бадью, как дамскую сумочку, и шла следом.

– Так, пропустите папу с водой, – повторяла она, расчищая дорогу. – Еще чуть-чуть, вон в тот угол ставьте, – говорила она папе,

который держал баллон из последних сил. До угла папа не дотянул – уронил.

– Все сама, все сама должна делать, – повторяла активистка. Догнав покотившийся баллон в два прыжка, она легко подхватила и поставила его на место.

– Вроде бы все? – спросила я. Другие мамы закивали головами.

– Все только начинается, – радостно отозвалась активистка. Ее уже обступили замерщик, маляр и электрик. – Так, родительницы, всем спасибо. Значит, так... – переключилась она на ремонтную бригаду.

Мы тихо выскользнули из класса. Кажется, кто-то из мам сказал, что в туалет, папа – покурить, а я сделала вид, что увлечена телефонным разговором...

– Я буду звонить! Будем убирать класс после ремонта! – крикнула активистка. – Не расслабляйтесь!

16 октября

Ниже плинтуса, Ожегов – форевер

Делали домашнее задание. Рисунок в книге – посередине корова, а вокруг изображения продуктов – молоко, ряженка, кефир... Нужно найти тот, который к корове не имеет отношения. Ну, с хлебом мы определились быстро. Еще там был нарисован какой-то продукт, одинаково похожий и на колбасу, и на сыр. Мы с Васей спорили, что это такое.

– Это кирпич, на который птичка накакала, – предположил Вася.

– Но даже если это сыр или колбаса, то все равно их из коровы делают, – рассуждала я.

– Как это?

– Ну, сыр делается из молока, а молоко дает корова...

– Нет, я про колбасу спрашиваю.

И что я должна делать? Рассказывать про то, как делают колбасу на заводе? И из чего именно? Про кишки, внутренности и туалетную бумагу для вкуса? Это у моей мамы была такая присказка про колбасу за два двадцать – что ее из туалетной бумаги делают.

– А это что? – ткнул пальцем в рисунок ребенок.

На рисунке была нарисована отбивная. Такая сочная, с жирком, на косточке. Разговора об убийстве животного было не избежать.

– Я больше не буду есть корову, – заявил Василий, – а я ее, кстати, ел когда-нибудь?

– Ел.

– И как она мне? По вкусу?

– Вроде бы да.

– Больше не буду. Никогда, – категорично сказал ребенок, вставший на путь вегетарианства.

На обед я как раз запекла ему телятину.

– Это кто? – спросил сын, увидев жаркое.

– Это не кто, а что. Жаркое, – пыталась увильнуть от прямого ответа я.

– А кем оно раньше было?

– Телятиной.

Вася кивнул и поел. Телятина у него не корова.

Сели делать русский язык. Надо было придумать предложения к схемам. «Наступила осень», – придумала я, а Вася записал.

– Идет моросящий дождик, – сочиняла я, глядя в окно. – Небо стало серым. Деревья роняют листья, как слезки. Природа плачет, не желая расставаться с теплом и светом. И люди плачут. Потому что без света и тепла жизнь умирает.

– Мама, я сейчас тоже заплачу, как природа, – сказал сын.

– Васенька, не плачь, весной ведь опять будет тепло. Потекут ручьи, появятся листочки.

– Я не от этого, – буркнул он, – я не могу столько написать. Это долго. Как раз к весне и закончу.

– Ладно, давай напишем: «Падают желтые листья», – предложила я.

– У всех мамы – мамы, а у меня – писсательница, – бурчал сын, выводя слово «падают».

Я посмотрела в тетрадь. Вася написал «желтые».

– Вася, после «ж» буква «ё», – сказала я.

– А ты откуда знаешь?

– От верблюда. Знаю и все. Правила такие.

– Много ты знаешь... Ты же не учительница. Только учительница все знает, – обиделся сын.

– Все знать невозможно.

– Вот я и говорю. Ты не можешь знать все. Ты знаешь, как суп варить, как еще что-то там делать, а как слова пишутся, нам Светлана Александровна говорит. Не буду исправлять.

– Будет ошибка. Исправь.

– Не исправлю. Желтые, там «о» слышится.

– А пишется «ё».

– Нет.

– Ладно. – Я глубоко вдохнула и выдохнула. – Книжке ты поверишь?

– Поверю, – согласился сын.

Я полезла в шкаф и достала словарь Ожегова. Толстенный. Бухнула его на стол. Нашла слово. Показала.

– Ну что? Поверил?

– А здесь все слова есть? – с ужасом спросил Вася, глядя на книгу.

- Почти. Но не все.
- Мама, а может, я буду китайский учить вместо русского?
- Ага, там вообще иероглифы. Их не писать, а рисовать надо.
- А Светлана Александровна знает, что слов так много?
- Думаю, догадывается.
- Сколько же ей учиться пришлось?
- Я, между прочим, тоже долго училась.
- Но ты же не все знаешь, а Светлана Александровна – все.
- Аа-а-а. Это кошмар какой-то. Авторитет матери ниже плинтуса.

Еще я боюсь, что Василия постигнет такое же разочарование, как и меня классе в шестом. Я тоже свято верила печатному слову, точнее, в печатное слово. В книге же не могут написать неправильно. И когда впервые заметила опечатку, то долго считала, что меня обманули, как маленькую. Книги, оказывается, пишут люди... Примерно тогда же учитель для меня перестал быть учителем, а стал просто человеком.

У нас был историк. Кондратьев. Его почему-то все по фамилии называли. Он вел то ли обществоведение, то ли еще что-то. Бывший юрист. Именно он научил меня отличать состояние аффекта от состояния алкогольного опьянения. Мы на уроке разыгрывали судебные процессы – с прокурором, адвокатом, свидетелями... Помню, что я была адвокатом женщины, убившей мужа. Процесс я проиграла. Я думала, что состояние алкогольного опьянения, в котором находилась условная обвиняемая, смягчает вину. А Кондратьев... Тогда-то он и рассказал мне, как можно было выиграть. Доказать состояние аффекта.

Когда мы галдели на уроке, он брал классный журнал и грохал им по кафедре. Мы замолкали. Когда на школьной дискотеке мальчишки напились, он устроил проверку на трезвость. Просил произнести: «Союз Советских Социалистических Республик» или «Феликс Эдмундович Дзержинский». Кто-то еще мог это выговорить. Но на слове «процессуальный» раскалывались все. Он не пошел к директору, не позвонил родителям. Он выдал всем наклюкавшимся жвачку и отправил домой спать.

Он был полиглот. Знал то ли семь, то ли восемь языков... Никогда не сидел нормально за учительским столом. Или на столе, закинув ногу на ногу, или на первой парте, сдвинув учебники, или оседлав стул верхом где-нибудь между рядами. Он никогда не ходил в костюмных

брюках. Джинсы, водолазка и пиджак. Ходили слухи, что даже директриса не могла заставить его сменить джинсы на более уместные в те годы в школе строгие серые синтетические брюки. Нам, восьмиклассникам, казалось, что он старый. Сейчас я понимаю, что ему было за тридцать. Совсем молодой.

Я училась на первом курсе института. Кто-то из бывших одноклассников позвонил и сказал, что можно съездить в гости к Кондратьеву. Собирается компания – несколько человек. Просто так, без повода. Кондратьев сам предложил – из школы он к тому времени уволился. Так уж получилось, что нас в результате оказалось двое – я и Игорь, учившийся двумя классами старше.

Спальный район, блочная серая девятиэтажка, заплыванный подъезд. Я была в ступоре. Кондратьев был настолько не похож на всех остальных – остальных учителей. Я не могла поверить в то, что он живет так же, как все. Как я, как Игорь. В такой же серой девятиэтажке. В школе он только делал вид, что такой же. А на самом деле... Он должен был жить в каком-то особенном доме или в особенной квартире. Двухэтажной, круглой... я не знаю какой. Другой. Необычной. А здесь – такой же отдельный санузел, две маленькие комнатенки, темный коридорчик.

Второй раз я испытала шок, когда Игорь поздоровался с Кондратьевым за руку и назвал его Анатолием. На вы, но без отчества. Я не знала, что все старшеклассники звали Кондратьева только по имени. Игорь выгрузил на стол то, что нес в пакете. Бутылка вина, водка... Кондратьев поставил на стол две тарелки – с порезанными колбасой и сыром. Сказал, что жена с сыном уехали отдыхать, поэтому еды больше нет. Я и не знала, что у него есть жена и тем более сын. Игорь с историком пили водку, оставив вино для меня. Обсуждали кино, музыку, политику. Было понятно, что они часто так встречаются. Я не понимала и половины того, о чем они говорили. Уже поздно вечером Кондратьев сказал мне, что в шкафу лежит постельное белье и мы с Игорем можем лечь в большой комнате. Игорь кивнул, как будто не в первый раз здесь оставался. Я же лихорадочно засобиравшись домой. Представить, что я буду спать в квартире учителя, Кондратьева... – это было уже слишком. Тем более с Игорем, которого я и по школе-то смутно помнила. А еще я ревновала. Историк был МОИМ любимым учителем, он МЕНЯ всегда выделял. А оказывается,

не только меня. Я тогда обиделась на Кондратьева. Такой детской вселенской обидой.

Совсем недавно я случайно встретила Игоря. На улице. Я его не узнала, он меня узнал.

– Как Кондратьев? – спросила я, когда после приветствия говорить стало не о чем.

– Он умер. Пять лет назад.

– Господи, как?

– Около дома. Почти у подъезда. Хулиганы. Шпана местная. Избили. Сильно. Наверное, денег хотели.

– А семья?

– Не знаю.

Была еще Людмила Семеновна. Мы считали ее нереальной красавицей. Худенькая, модная, веселая. Все девочки хотели быть на нее похожи. За ней приезжала машина. На столе всегда стояли цветы. Мы думали, что за ней ухаживает как минимум принц. Безнадёжно влюбленный. Нам она, наоборот, казалась очень молодой. Хотя на самом деле ей было под сорок.

Как-то Людмила Семеновна попросила меня и Наташку Кузнецову приехать к ней домой. Покормить кота. Она уезжала на выходные. Мы думали, что с принцем на чудесные острова. Нам очень хотелось посмотреть, как живет наша неприступная красавица. Наташка разболтала другим девчонкам, что мы едем к Людмиле Семеновне домой. Девчонки тоже просились, но Наташка всем отказала. Нам завидовали и просили рассказать, «как у нее дома».

Мы с Наташкой просто трепетали, когда открывали дверь квартиры. По дороге спорили, какой у Людмилы Семеновны кот. Наташка говорила, что персидский. Я считала, что сиамский. А какой еще может быть у ТАКОЙ женщины? Вошли в квартиру и застыли на пороге. Людмила Семеновна жила в однушке. Диван, стол, два кресла, торшер. И кот – совсем не персидский и не сиамский, а обычный беспородный. Он сидел в продавленном кресле и вылизывал тощую лапу. Он был совсем не красивым – трехцветным, с такой простоватой мордой. Кинулся нам навстречу с природной открытостью. Мы с Наташкой сидели на кухне Людмилы Семеновны и варили коту

мороженую треску. Рыбой воняло на всю квартиру. Кот терся о наши ноги с благодарностью.

– Ну, ну, рассказывайте, как там? – спросили девчонки нас в понедельник.

– А вы как думаете? – сказала Наташка и покосилась на меня.

– Красиво? – спросили с восхищением девчонки. – А зеркало во всю стену есть?

Наташка не ответила, но выразительно закатила глаза – мол, естественно.

Мы с ней, не сговариваясь, решили сохранить красивую легенду, в которую очень хотелось верить. Я до сих пор не могу представить себе Людмилу Семеновну, одиноко сидящую в продавленном кресле с беспородным котом на коленях. Нет, кто угодно, только не она.

23 октября

Пушкин с нарисованными усами

Объявили родительское собрание по итогам полутора месяцев.

– Родители рассаживаются за те парты, за которыми сидят их дети, – сказала Светлана Александровна.

Мне она показала на последнюю парту, у стеночки. Отличное место для списывания, занятий своими куда более важными, чем уроки, делами. Никакого шанса встретиться глазами с учительницей, которая размышляет, кого бы вызвать к доске. Но это в будущем. Сейчас, в первом классе, их еще не вызывают, до списывания они пока не додумались, а своими делами занимаются в открытую. Я сначала втиснулась за парту, но мышцы имеют память – никогда не сидела ровно. Повернулась в пол-оборота, уперлась спиной в стену – так-то лучше. Немедленно потянуло поговорить с соседкой – мамой. Вася, насколько я знаю со слов учительницы, сидит точно так же, в профиль, и его тоже тянет поговорить.

Светлана Александровна быстренько рассказала про то, что они уже выучили и что им еще предстоит. Разрешила задавать вопросы, чтобы собрание прошло в режиме диалога по наиболее важным темам.

На второй парте у окна мама тянула руку, чтобы задать вопрос учительнице. И приговаривала: «Можно? Можно?» Она даже подпрыгивала на месте от нетерпения, но усидела.

– Скажите, а как у них с межличностным общением? – спросила она, когда Светлана Александровна ее «вызвала».

Ну, типичная зубрила-выпендрейница. Вот папу, который наискосок сидел, волновало только, какую букву писать. Нам – родителям – дали задание. На листе бумаги написать красиво первую букву имени ребенка. А они потом доклеят, раскрасят, и получится выставка. Так вот папу волновало, что писать – «е» или «к». Дочку Катя зовут, Екатерина. Нормальный вопрос. А эта с межличностным общением...

Дошел разговор до уроков. Светлана Александровна беспокоилась – не много ли она задает, а то со слов родителей некоторые дети

задание делают с плачем и соплями. По три часа сидят, с перерывами на сопли и крики.

– А вы не могли бы моей Соне побольше задавать? – выступила опять эта мама со второй парты. – Она ровно за семь минут все делает. Я засекала. – Родительница с гордостью обвела взглядом класс. Знала бы ее Соня, кому спасибо сказать за дополнительную страницу в прописях. Родная мать взяла и заложила.

– А я свою сначала на черновике заставляю писать, а потом только в тетради, – не выдержала еще одна родительница. Видимо, бывшая хорошистка, с затаенной обидой на всех отличниц.

– Нет, что вы, не надо, – испугалась учительница, – не надо их черновиками мучить. Детки у вас замечательные. Не могу рассказать про каждого в отдельности – вас много. Они все – очень хорошие.

– Нет, расскажите, – попросила мама-отличница. – А что тут такого?

Конечно, она хотела послушать, какие все вокруг идиоты по сравнению с ее Сонечкой. Это же так приятно. И хулиганят, и ручку неправильно держат, и математический диктант написать не могут.

– Да, вот Федя, – вспоминала учительница, – прилежный мальчик. Только не сразу все понимает. Нужно просто ответ написать. Например, три. Он пишет три и всю строчку прописывает.

– А как надо? – испуганно спросил папа Феде, сидевший за первой партой.

– Надо только одну цифру, – объяснила Светлана Александровна, – это же диктант.

– Трудоголик, – съехидничала хорошистка – любительница черновиков.

– Вася уже сидит, – сказала Светлана Александровна мне. – Молодец.

Ну да. Пока они там диктантами меряются, мы стараемся просто усидеть на месте. Нам бы их проблемы.

– А что, бегают? – с ужасом спросила мама-отличница со второй парты.

– Да, дети разные, – философски заметила Светлана Александровна. – Вася бегает, а вот Федю заставь побегать или даже пройтись, так нет. Он будет сидеть с книжкой и с места не сдвинется.

Федин папа посмотрел на учительницу с таким реальным ужасом в глазах, так и не поняв: сейчас про его сына как сказали – хорошо или плохо? Нужно бегать или с книжкой сидеть?

– И еще, родители, купите нормальные карандаши. Мягкие, – сказала Светлана Александровна, – они давят на них так, что тетради рвутся.

– Ой, а можно карандашик или ручку попросить, а то мне писать нечем? – пискнула женщина с середины. Я ее даже сначала не заметила. Тихоня, про которую никто никогда не вспоминает, если она не подаст голос.

– Только сильно не давите, – съехидничал папа Феде.

– Вот и дети ваши так же, – сказала Светлана Александровна, выдавая маме ручку, – то карандаша нет, то ручки.

– Теперь слово предоставляется родительскому комитету, – сказала активистка родительского комитета сама про себя.

Все дружно застонали. Непроизвольно. Просто вырвалось. Активистка, поднявшаяся с места, обиделась:

– Нужно сдать деньги на охрану, заклеить окна и купить репродукции. Предлагаю Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Одна репродукция – две тысячи рублей. Никто не против репродукций?

Все промолчали и уставились в лежащие на партах учебники детей по русской грамоте.

– Родители, поактивнее, пожалуйста. Если у вас нет возражений по авторам, то сдавайте деньги. Если есть возражения, скажите сейчас, чтобы потом не было вопросов, – опять обиделась активистка.

– А помните, как мы им усы пририсовывали и бороды? – подал голос Федин папа.

Я чуть не прослезилась. Сидит за первой партой на маленьком стульчике мужчина с сединой в волосах, в дурацкой розовой рубашке, галстук и ностальгирует. У него даже глаза загорелись.

– Наши дети рисовать не будут, – сказала строго мама-отличница.

– А можно вас за хвостик дернуть? – ласково обратился к ней Федин папа. Мама-отличница зарделась, фыркнула и отвернулась. Но прическу произвольно поправила.

– Нет, это мы в учебниках рисовали, – оживился папа Кати, – а на стены не лазили... Я даже не помню, кто у нас там висел.

– Может, детские рисунки повесить? – подала голос я. – Или кого-нибудь, близкого детям. Чуковского или Хармса?

– Дети должны расти на классике, – накинулась на меня активистка. – Где я вам найду репродукцию Чуковского? Что было в магазине, то и предлагаю.

– А почему так дорого? – спросила мама-хорошистка.

– А как вы думаете? Там рамы хорошие... – возмутилась активистка.

– А может, классиков разбавить? – спросил Катин папа.

– Как это – разбавить? – испугалась активистка.

– Ну, художников повесить или композиторов. А то столько лет прошло, а мы все Пушкина с Некрасовым вешаем, – сказал папа.

– Родители, – распрямила плечи активистка, – еще раз хочу довести до вашего сведения. Я предлагаю репродукции, которые были в наличии. Если у вас есть другой список... э-э-э... классиков, то сами и ищите, и вешайте, – обиженно заявила она.

– Ну да, сам выбирай колор и сам крась, – засмеялся Катин папа, но его никто не поддержал.

– Кто останется клеить окна? – подключилась к обсуждению еще одна мама, которую активистка назначила ответственной за окна. Она еще до начала собрания у всех спрашивала про окна, но так и не получила ответа.

Все забыли про Пушкина и опять стали с увлечением разглядывать русскую грамоту.

– Так, остаетесь вы, вы, вы, – говорила активистка, показывая на маму-отличницу, маму-хорошистку и крепкую бабушку в кроссовках.

– Я не могу. Мне еще с собакой гулять, – сказала бабушка.

– У всех собаки, всем гулять, – возмутилась активистка. – Тут сифонит изо всех щелей, а вы!

– Хорошо, хорошо, – согласилась бабушка.

Федин папа оказался сообразительнее всех. Пока женщины галдели – кто про Чуковского, кто про окна, он подошел к Светлане Александровне и начал ее благодарить. Поблагодарил и откланялся. Катин папа сделал то же самое. Я долго думала – пройдет ли этот номер в моем случае. В результате пошла на компромисс – сдала деньги на репродукции и убежала, стараясь не попасться активистке под горячую руку.

Вторая четверть

5 ноября

Красный день календаря

В школу не идем. Праздник. Я почему-то была уверена, что мы отмечаем Седьмое ноября. Вася спросил, что надо делать в этот праздник. Он знает, что в Новый год надо елку наряжать, а в день рождения – гостей ждать. На Пасху – яйца красить, хотя ему так нравится этот процесс, что мы красим яйца по поводу и без круглый год.

– Что будем делать? – спросил ребенок.

– Ничего. В кино пойдем – новый мультик смотреть. А больше ничего не будем делать. Будем бездельничать, – сказала я.

– Ура. Давай бездельничать, – сказал Вася, – а что надо делать?

В кино сходили, полежали, еще немного полежали. Поели на диване перед телевизором. Потом на полу поели перед телевизором в другой комнате. А там как раз в новостях про Пожарского рассказывали. Вася, когда ставил диски с мультиками, услышал.

– А кто такой Пожарский?

– Князь.

– Он что, пожары делал?

– Нет. Он воевал.

– С кем.

– С поляками.

– А зачем?

И тут до меня дошло, что мы какой-то другой праздник отмечаем. Связанный не с Кларой Цеткин, хотя нет, Цеткин – это 8 Марта, а с Пожарским.

– Ой, Вася, я праздники перепутала.

– Хорошо. А какой сейчас?

– День объединения России. Князь Пожарский не дал Польше нас захватить.

– А сейчас поляки в России есть?

– Есть.

– Значит, Пожарский не всех победил?

– Это другие поляки.

– А они хотят нас захватить?

– Нет. Они хорошие.

– Жаль.

– Почему это?

– А тогда бы мы их победили, и был бы еще один праздник. То есть выходной. Пойдем гулять, искать поляков и побеждать их.

– Зачем?

– Ну так надо же что-то делать!

– Вася, все, не выноси мне мозг.

Эту фразочку я от старшего сына Вани подцепила. Он все время говорит, что мы ему «выносим мозг».

– Брат, а у тебя совсем больше мозгов нет? – спросил как-то Вася.

– Почему это? – удивился старший.

– Ну, если все мозги выносят и никто не приносит, значит, у тебя совсем мало осталось. А куда они его складывают?

– Вася, иди лучше... иди, в общем, не мешай, – буркнул старший, – у меня голова болит.

– Там нечему болеть. Если мозгов нет, то и голова болеть не может.

– Вот доживи до моих лет, тогда и поговорим, – с пафосом заявил Ваня.

– Когда я доживу до твоих лет, ты будешь совсем старенький. Если у тебя сейчас в голове ничего нет, то что же с тобой будет к старости? – пожалел брата Василий.

А потом был День милиции. Вася об этом узнал, потому что он болел, а по телевизору, как назло, не было мультиков, а были праздничные концерты.

– Они празднуют, а я болею, – сказал Вася и почти заплакал. Заплакать по-настоящему ему мешали сопли – он знает, что соплей в этом случае будет только больше. А высмаркиваться он не любит даже больше, чем писать в прописях. – И что они делают? Эти милиционеры?

– Красиво одеваются, идут на концерт, встречаются со знакомыми. Но вообще-то они в этот день работают. Только в форме парадной.

– А, это как у нас было. Сказали, что будет праздник посвящения в первоклассники и в белых рубашках надо приходиться, а уроки все равно были, – заметил сын.

– Вася, веди себя хорошо вечером. Я уйду, вернусь поздно, – сказала я уже на неделе.

Мои бывшие работодатели отмечали годовщину.

– А ты что будешь делать?

– Наряжусь, поеду концерт смотреть, встречаться со знакомыми.

– Мама, ты раньше милиционером, что ли, работала? – с ужасом спросил ребенок.

9 ноября

На большой сцене

Забыла рассказать про праздник посвящения в первоклассники.

Детям раздали роли, стихи на бумажках и велели выучить. Васе досталось быть художником. На листочке с текстом красивым учительским почерком была пометка: «родителям – костюм, подумать». Пока я думала и опрашивала знакомых, как должен выглядеть современный художник, Вася учил текст. Надо сказать, что он его выучил быстрее, чем я. Точнее, мне так и не удалось запомнить эти двенадцать строк. Потому что я не понимала смысла. Мне нужно знать, что было до и что после этого куска. А так – набор слов. Васю отсутствие смысла не смущало. Он читал вслух с выражением. Там была строчка – «Мастер Изо называется он». Пока до меня дошло, что это Изо, а не Изя...

– У меня есть старый фартук, давай я его краской обляпаю, – сказала я мужу, все еще продумывая костюм.

– И что получится? Ребенок в грязном кухонном фартуке. Нужны белая рубашка, бант, берет, кисточки... – креативил муж.

Бант я решила сделать из атласной ленты. С беретом вышла проблема. У меня есть два. Женских. Серый и коричневый. Померили. Получился ребенок в женском берете.

– А давай ты палитру нарисуешь, – сказала я мужу. Он у нас такой домашний художник. Рисовать умеет. Особенно ему удаются еврейские профили.

– Поллитру? – то ли пошутил, то ли нет муж. – А купить нельзя?

Купить, конечно, можно. Но это же особое наслаждение – заставить мужа после работы вырезать из картона палитру. И критиковать – плохо, не так, надо по-другому. А он не будет возражать. Редкостное удовольствие.

Удовольствие обломалось. Вася заболел и пропустил репетиции. Его слова забрали и отдали другому мальчику. Я пошла в школу за домашним заданием на три дня вперед и выяснять, можно ли прийти только на праздник.

Учительница сказала, что слова забрали не только у Васи, а вообще почти у всех. Только у четверых из всего класса оставили. Я шла из школы медленно. Сумка с тетрадями тянула плечо, как будто я двойку несла. Надо было сказать Васе, что он должен написать две страницы в одной тетради, три в другой и четыре в третьей. И сообщить, что он не будет выступать.

– Васенька, может, не пойдём на праздник? Ты же болеешь, – зашла издалека я.

– Нет, пойдём, пойдём. – Ребенок закашлялся от возмущения.

Он пригласил на выступление папу, брата, девушку брата, бабушку, дедушку, учительницу музыки, консьержку. Ещё до того, как заболел.

– Вася, понимаешь, ты не будешь выступать...

– Почему?

– Потому что ты заболел, а нужно было репетировать.

– Я дома репетировал.

– Васенька, у вас почти никто из класса выступать не будет.

– А кто будет художником?

– Не знаю. Кто-нибудь другой. Может, не пойдём?

– Нет, – решительно заявил сын и вытер рукавом рубашки сопли, – пойдём, я хочу посмотреть. На того, кому мои слова отдали.

Да, сцена – это тяжело.

– А у взрослых так бывает? – спросил Василий.

– Как?

– Слова отбирают?

Почему-то в голове крутилась только история про одну артистку, которая забеременела, и её роль по этой причине отдали другой. Но к Васиному случаю это не относилось.

В общем, мы пошли на праздник. Я заранее узнала у Светланы Александровны, будут ли что-то давать в смысле подарков. Дать обещали значки и книжки.

– Вася, вам подарки дадут, – пообещала я, надеясь, что сын не станет рыдать во время концерта.

– Это хорошо, – кивнул сын.

С классом столкнулись в коридоре. Ребята загалдели: «Вася, Вася, ты где был? Куда пропал?» Подскочили его друганы – Антон и Дима.

– Дай пять, – кричали они, – а мы в микрофон без тебя говорили. У тебя слова отобрала, а у нас нет.

Но Васе было все равно. К нему подошли Лиза и Настя.

– Я тебя так ждала, – сказала Лиза.

– А я тебя ждала больше, – проговорила Настя.

В актовй зал дети должны были заходить парами, как на бал. Девочка кладет руку на руку мальчика. Все тянут носочек. У Васи были заняты обе руки – он вел и Лизу, и Настю. Девочки тянули носочки, кто лучше.

Васин текст распилили надвое. Читали мальчик и девочка из другого класса. Учительница стояла спиной к залу и шептала слова, как суфлер. Мальчик забыл текст и пытался прочесть по губам учительницы. Не получалось.

– Мастер Изо называется он! – выкрикнул Вася с места.

– Мастер Изо называется он, – повторил мальчик, и все выдохнули.

Выступление быстро свернули. Родители, а точнее родительницы, которых было большинство, бурно аплодировали только однажды – когда на сцену вышел физрук в короне. Он изображал то ли короля, то ли рыцаря.

– Какой молоденький, какой хорошенький! – умиленно шептались мамочки.

– Хорошо, что он только в начальной школе преподает, а не в старшей, – мудро заметила одна бабушка.

Вышла учительница математики в короне с проводками, на которых шевелились цифры.

– Вам дарю я пятерки! – крикнула она и махнула двумя руками, как будто что-то бросала.

Дети посмотрели друг на друга. Где пятерки?

Подарки раздавали в классе. Значки и книжки. Мы шли домой.

– Тебе понравилось? – спросила я.

– Конечно, – радостно ответил сын, – я бы лучше прочел стих. Тот мальчик вообще слова забыл. И костюма у него не было. А папа нарисовал мне палитру?

– Нет, а зачем? Праздник же уже прошел.

– На память. И на всякий случай. Вдруг в следующий раз тот мальчик заболит? А у меня все будет готово.

12 ноября

Одноклассники.ру

Было велено прийти в парадной форме – будут фотографировать. Фотографии получились замечательные – яркие, отпечатанные на хорошей бумаге. Сделали и портреты, подложив на компьютере фон – осенние листья. Композиция на групповом снимке за десятилетия не изменилась: кто пониже – сидит на стульчиках, кто повыше – стоит. Мальчик—девочка, мальчик—девочка. Посередине учительница.

Вася не может запомнить слово «одноклассники», он всех называет первоклассниками.

– Мама, а мы с Димой и Антоном всегда будем дружить? – спросил сын.

– Не знаю, как получится.

– А как получается?

– Вот твой папа до сих пор дружит со своими одноклассниками, а я нет.

– Почему?

– Ну, потому что я много школ поменяла, потому что живу в другом районе...

– Нет, я буду как папа. Буду с Димой и Антоном до старости дружить, – заявил Вася.

Меня не миновало повальное увлечение поиском соседки по парте, мальчика, который давал списывать, и прочих давно благополучно забытых школьных друзей.

Я поставила фотографию, на которой очень себе нравилась. На ней почти не видно лица, зато хорошо просматривается грудь в лифчике пуш-ап и трусы, торчащие из джинсов. Моя подруга первую любовь свою нашла, и вторую, и даже третью, о чем сообщала мне на этом сайте, хотя в принципе мы с ней регулярно созваниваемся, когда в пробках застреваем. Так вот все эти бывшие любви у нее в друзьях значатся, впрочем, как и новые. Она и с подружкой по парте переписывается, и раз в год встречается со школьными друзьями. Страшно довольна, потому что из года в год убеждается, что выглядит лучше, чем эти тетки, называющие себя ее одноклассницами.

Меня тоже нашел мальчик, который был в меня влюблен в седьмом классе. Правда, я его не узнала по фотографии. Да и имя с фамилией ничего не сказали. И прямо в лоб спросила – ты вообще кто? Мы с тобой пели в хоре? Целовались в подъезде? Мол, так и так, не помню, хоть тресни. Он обиделся. Написал, что учился годом старше, но не смел ко мне подойти. Вспомнил мои розовые колготки, которыми я шокировала общественность, и слишком короткую юбку. Написал, что был так влюблен, что прямо до сих пор. Я, конечно, растрогалась. Почувствовала себя роковой женщиной. Он предложил встретиться попить кофе, вспомнить школьные годы чудесные. Я почти согласилась. Уже писала письмо с ответом, как пришло сообщение от него. «Я забыл спросить, – писал мой поклонник, – а ты зубы переделала?»

Зубы в школе у меня были кривые. Очаровывать мальчиков я могла только на расстоянии да еще с закрытым ртом, чтобы был не виден неправильный прикус. Наверное, поэтому в классе воздыхателей у меня не было – они мои зубы видели не раз. Брекетов в те годы не было, к тому же моя мама считала, что проще один раз поставить коронки, чем возить ребенка в стоматологическую поликлинику подкручивать пластинку.

На переменах я стояла в одиночестве у подоконника, плотно сжав губы, зыркала из-под челки, прикрывающей прыщи, на однокашников.

Коронки мне поставили в пятнадцать лет. Мама смотрела на меня и говорила: «Да, зря я тебе зубы так рано исправила. Надо было один кривой оставить. Поскромней бы себя вела».

Тому поклоннику я ответила, что нет, не переделала. А фотография, которая его впечатлила, была сделана семь лет назад. «Сейчас я блондинка и прибавила десять килограммов после рождения ребенка, – написала я ему. – С удовольствием попью с тобой кофе». Он не ответил.

Нашла и свою первую любовь. Он меня не узнал. Конечно, не узнал. Не мог узнать. В школе я так и не решилась оторваться от подоконника и к нему подойти.

Бывшая закадычная подружка и вечная соперница Анька отметилась тем, что поставила мне двойку за фотографию. Я хотела поставить ей единицу в отместку, но сдержалась. А тут пришло письмо от Артура. «Как дела? Как твоя мама? Я тут проходил мимо

вашего дома, хотел зайти, даже шампанское купил, но у вас в окнах не горел свет. Вы переехали? Передавай привет маме».

То, что Артур оборвал для меня школьный куст сирени, я помню. То, что он, как выясняется, был влюблен в мою маму – не помню. Маме я, конечно, позвонила и спросила напрямую, что у нее было с Артуром. Мама сказала, что ничего, потому что она не подозревала о чувствах Артура, а то бы, конечно, и было бы... Просила передать ему привет. Щас! Больше мне делать нечего! Артуру я написала, что мама давно стала бабушкой со всеми вытекающими последствиями. Мол, сидит на даче, вяжет носки, стала глуховата, подслеповата... Прости меня, мама. Не могла же я написать Артуру, что ты до сих пор ходишь в короткой размахайке, сверкая стройными загорелыми ногами, и в тебя влюблены все половозрелые жители деревни и дачники.

А потом меня нашла Наташка Теплицкая. С ней я училась два года – пятый, шестой классы. И именно ту школу из своих пяти помню хуже всего. Да и Наташка осталась в моей памяти благодаря своей собаке Альме. Собаку хорошо помню – она меня цапнула, и врач долго решал – делать мне сорок уколов в живот или пронесет. Наташка плакала и защищала Альму. Альма как ни в чем не бывало доедала остатки борща с накрошенным в миску хлебом.

Наташкино письмо я сохранила: «А ты помнишь Ромку Ивченко? Несколько дней назад на машине разбился. Из троицы Гайдуков, Галиулин и Артемьев толку не вышло. Первые два стали наркоманами, третий вообще сидит – десять лет дали. Инка Марченко в школе преподает. Малютина в магазине торгует. Переверзева очень поправилась – размеров на десять. А Ирку Савченко помнишь? Деваха такая была, в мини-юбке, со мной в одном подъезде жила. А Катьку Терлееву? У нее папа потом директором школы стал, такая с косой и родинкой? Ирка замуж за Руслана вышла. В Германию уехали. А Катька жила сначала с Вадиком, помнишь, самый серьезный мальчик в классе был? Он мне еще Тимура из «Тимура и его команды» напоминал. Тоже вечно правильный, прилизанный, с честными голубыми глазами. Так вот, она сначала с ним жила, а потом бросила его и уехала. Сейчас у вас там, в Москве, живет. Ты с ней не встречаешься? Не видела?»

Наташке я честно написала, что никого из вышеперечисленных не помню. Кто эти люди? Я даже начала сомневаться, что Наташка – это

та Наташка, а не какая-то другая. Наташка тоже, по-моему, засомневалась, что я – это я. Но связь мы поддерживаем, про детей и мужей друг другу рассказываем.

Почему мы запоминаем каких-то людей, а что-то выпадает из памяти? Морду той Альмы и ее миску с борщом я и спустя двадцать лет вспомнила бы, если бы увидела. А Наташку узнала только по фотографии ее дочки с Наташкиными детскими чертами.

Бывает так, что общению мешает школьный имидж. Написал мне Женька Абросимов. Ничего особенного: «Привет, как живешь?» Я, как увидела его фотографию, так чуть со стула не упала. Стоит такой мачо на фоне звездного неба и мускулами поигрывает. Не мужчина, а мечта. Вот что мне мешало ответить, встретиться, кофе попить, как он предлагал? А то, что в школе у этого Женьки вечно сопля из носа текли и он их с удовольствием слизывал. Сесть за одну парту с Женькой было наказанием – у него и парта была в соплях. Он был таким нарицательным персонажем. «Ну ты еще с Женькой пойди гулять!» – говорили девочки. То есть хуже не придумаешь. Самое смешное, что у моей одноклассницы Каринки те же чувства. Она написала, что он женился и родил сына. «Кто ж за такого замуж пошел?» – удивлялась Каринка. Но Женькина жена наверняка выходила замуж уже за мачо с мускулами и школьного сопливого Женьку не знала.

Или вот Димка Семенов. Ни одной юбки не пропускал. Главный красавец школы. Мы с Каринкой ему написали, что помним, никогда не забывали. Каринка на правах бывшей девушки даже предложила встретиться. А он скупно ответил, что, мол, извините, я не такой. Главное – семья и дети. Ни за что бы не поверила. Каринка потом долго мучилась – выясняла, неужели она стала такой старой и страшной?

Почему мы храним верность школьным друзьям?

Вот моему мужу не нужен сайт, чтобы найти школьных друзей. Он их никогда и не терял. Меня с ними познакомил. И никак не мог понять, почему некоторых из них я не полюбила всем сердцем. Да потому что они не мои одноклассники, а его.

Вот, например, его школьный друг – Вова Кузин. Они не только в одном классе учились, но и в одном доме жили. Вова так в том доме и живет. И как играл в баскетбол после обеда, так и играет. Вове уже за

сорок. Он не женат, детей нет, последнее место работы – в металлоремонте. Но дело даже не в металлоремонте, а в том, что Вова этот хам, сплетник и попрошайка. Он звонит и говорит так, как будто еще не вышел из пубертатного возраста, а я не жена, а родительница: «Здрасьте, а Андрея можно? Это Вова». Какой Вова? Это мой муж узнает его по голосу, но я же не должна!

– Какой Вова? – как-то спросила я.

– Из двадцать первого дома, – ответил он.

– А «пожалуйста» можно сказать? – вошла в роль я.

– Пожалуйста, – повторил Вова.

– Только недолго. Андрюше еще работать надо. – Я хотела сказать «делать уроки», но вовремя опомнилась.

– Хорошо, – пообещал Вова.

– Ну что у тебя с ним общего? – взорвалась однажды я.

– Понимаешь, – ответил муж, – он математику в школе за меня делал. И списывать давал.

Вот из-за этой школьной благодарности я должна терпеть Вову?

– Лучше нужно было учиться! – сказала я мужу.

14 ноября

Туалетное привидение и тупой принц

Ну вот, дожили. А я все гадала, когда придет время школьных страшилок?

– А знаешь, что находится за той дверью? – спросил таинственно Вася за обедом.

– За какой дверью?

– Которая закрыта. Ну там, где наш класс, слева, нет, справа.

– Что?

– Учительский туалет! – Вася в ужасе вытаращил глаза.

– И что?

– Нам туда нельзя заходить.

– Правильно. У вас есть свой туалет.

– А мы с Антоном и Димой видели, что там.

– И что?

– Привидение!

– И какое оно?

– Черное.

– Привидения вроде белые...

– А это туалетное, черное. Его же не видно. Поэтому оно черное.

А Настя сказала, что в туалете для девочек тоже привидение есть.

– Надеюсь, туда вы не заглядывали?

– Нет, мы Настю отправили смотреть. Она же девочка, ей можно.

– И что?

– Настя не пошла. Сказала, что боится. Девочки они все трусы.

– Трусы, тьфу, трусихи.

– Ну да. Но Настя сказала, что точно есть. Оно за шваброй прячется и ведром гремит.

– Может, это уборщица ведром гремит?

– Хм, интересно.

– Что еще новенького, помимо туалетного привидения?

– Мы к директору ходили.

– Зачем?

– Чтобы нас наказали.

– За привидение?

– Нет, за выключатель.

– А что вы сделали с выключателем?

– Да ничего интересного. Антон с Димой подрались, кто первый включит свет в раздевалке. Их учительница увидела и наказала – они теперь будут на переменах за партами сидеть целую неделю. Ну вот. А они подрались за партами. И учительница их к директору отправила.

– А ты тут при чем?

– Мне интересно было. Я же еще не видел директора. И знаешь что? Директор оказался женщиной! Антона с Димой быстро наказали, потому что у нее времени не было.

– Ты-то где был?

– Там, с другой женщиной, которая по телефону говорит. Она мне конфету дала. А я ей про привидение рассказал. Мне понравилось к директору ходить. А Антону с Димой не понравилось. Они потом еще раз подрались – из-за директора. Дима говорил, что Антон виноват, а Антон – что Дима.

– А ты как себя ведешь?

– Хорошо. Меня только два раза на перемене оставляли за партой. Я сидел, а учительница ушла. Потом вернулась и спрашивает: «Что ты в классе делаешь? Иди в коридор, пока перемена не кончилась». Она забыла, что наказала.

– Что задали?

– Мне там Светлана Александровна письмо написала. В тетради по русскому.

Ну вот, первая записка от учительницы.

Вообще мне надоело делать домашнее задание. Мы с Васей в смысле обучения одинаковые – смотрим в учебник и ничего не понимаем. А пословица про книгу и фигу – наша любимая.

Без учебника Вася все знает. Они, например, реки проходили. В книжке был текст про реки. Вася читал: «Днепр, Лена, Двина, Енисей». Дальше шел вопрос: «Какие реки вы знаете?» Вася надолго задумался.

– Вась, ну?

Сын молчал, уставившись в страницу.

– Вась, закрой учебник. Закрыл? А теперь скажи, ты какие реки знаешь?

– Днепр, Лена, Енисей, – затараторил ребенок с правильными ударениями, – Миссисипи, которую нельзя называть Мисиписи, как Дениска в книжке про Денискины рассказы.

– Ладно, поехали дальше.

«Какие реки текут в вашей местности?» – спрашивал учебник. Вася с тоской стал разглядывать настольную лампу.

– Вась, ну?

Уж это он знает с пеленок. Москва-река у нас под боком, а дача – на Оке.

– Гребной канал? – сделал попытку сын.

– Это не река.

– Знаю.

– А что тогда говоришь?

– Мам, я не могу по учебнику. Я могу просто. По голове.

– Из головы, – автоматически поправила я.

Еще он ненавидит писать в косую линейку. С удовольствием пишет в нотных прописях, записки мне выводит прописными буквами, а в тетради – ну никак. «Помощница» – такой разлинованный листочек, который надо подкладывать под тетрадный лист, чтобы было легче, у Васи служит вместо блокнота. Он на обратной стороне записывает то, что боится забыть. Последняя запись – имена всех друзей. Вася пишет размашисто, и листочка ему не хватает. Он просит у учительницы новый. Она думает, что он опять потерял, и говорит, что на него «не напасешься».

Светлана Александровна велела держать его руку, чтобы вырабатывать мышечную память. Это очень сложно. Я не могу – начинаю писать за него. Чтобы быстрее отделаться. Увлекаюсь, конечно. Как-то совершенно случайно заметила, что в то время как я букву «б» вывожу и всякие «брат», «барабан», «бубен», Вася смотрит не в тетрадь, а в детский журнал. По-моему, он даже читал, пока я его рукой водила.

Тетрадь у нас была – загляденье. Светлана Александровна писала мне, то есть Васе, «Молодец», «Умница».

Прокололись мы на предложении «Зина подарила маме розы». Вася зачитался, а я увлеклась каллиграфией.

«Пиши сам!» – написала учительница под предложением. Мне стало стыдно. А с другой стороны, мне больше не нужно делать

русский. Ура!

Раз в неделю сын устраивает себе выходной – забывает тетради в школе. Разыгрывает целый спектакль. Каждую неделю наслаждаюсь. С каждым спектаклем Вася играет все убедительнее.

– Ой, мама, – говорит он, – я, кажется, тетрадь в школе забыл. Как же я теперь уроки делать буду? Значит, придется не делать. А сегодня я бы их сделал. Вот прямо сейчас бы сел и сделал. Там целую страницу написать надо. Как жаль, что мне негде писать. Придется играть в дракона или пойти мультики смотреть вместо уроков. Как же я мог забыть? Я же так люблю делать домашнее задание. Я расстроился.

– Да, Васенька, как же тебе плохо сегодня будет без уроков. Даже не знаю, как тебя утешить, – отвечаю я, удерживаясь от аплодисментов.

– А ты мне разреши на компьютере поиграть. Тогда я не буду расстраиваться.

– Да, ничего не поделаешь. Придется разрешить.

Он, конечно, талантливый мальчик. Напугал тут меня до смерти.

Пришел из школы, переоделся. Я пошла разогревать обед. Возвращаюсь, чтобы позвать. Вася лежит на кровати, сложив руки на груди. И смотрит на меня жалобно.

– Васенька, тебе плохо? – кинулась к сыну я.

– Нет, мамочка, хорошо. Только я устал очень. Пять уроков было.

– Голова не болит? Живот не болит? Температуры нет? – щупала его я.

– Голова немножко болит и есть пока не хочется. Я полежу немножко. Отдохну, а потом встану и игрушки уберу.

– Не надо, Васюша, лежи, я сама сейчас уберу быстренько. Может, тебе чайку принести?

– Да, мамочка, принеси. С медиком.

– У тебя горло болит?

– Нет, кхэ-кхэ, не болит. Я полежу, попью чаю, может, засну.

– Да, мой золотой, сейчас, сейчас. Тебе сказку включить на диске?

– Да, включи.

Значит, я бегу на кухню, завариваю чай, ставлю на поднос, на тарелочке печенье, вафли, несу Васе прямо в кровать. В аптечке ищу профилактическое лекарство от простуды. Смотрю на ребенка и думаю: да, глазки больные. Бедненький. И бледный, уставший.

– Ты, иди, мамочка, иди, работай, – говорит Вася, откусывая маленький кусочек от печенья, – я тут сам. Тебе же работать надо.

– Ладно, если что – зови, – говорю я, укрываю его пледом и тихонько прикрываю за собой дверь.

Через десять минут я все-таки нахожу лекарство и на цыпочках заглядываю в комнату к сыну – вдруг заснул? И что я вижу?

Вася, совершенно здоровый и веселый, сидит в кровати, пережевывая печенье, и приговаривает: «Вот тебе, вот тебе». На коленях он держит запрещенный мной к использованию дома геймбой. И радостно в него рубится.

Вот что после этого делать? Дальше вообще хуже было.

Геймбой я экспроприровала, велела сыну спать, как он и собирался, и ушла в комнату. Сказала ему, что буду работать. Открыла этот гейм, чертов бой, буквально на секунду. Просто посмотреть и понять наконец, что там такого интересного. Чтобы в следующий раз, когда буду отбирать игру и совать сыну в руки книгу, говорить более аргументированно.

В картридже было четыре игры. Я включила, по моим представлениям, самую интеллектуальную – «Принц Египта». Там такой дядька полуголый бегаёт по дворцу, прыгает по столбам. Столбы непростые, шипованные. Надо перепрыгнуть. Как перепрыгивать, я не знала. Мой принц упорно на них натыкался, звучало «хрясь, а-а-а», и он падал, раскинув руки. Там еще летали какие-то фиолетовые птицы. Я думала, что птицы хорошие и летают для красоты, а оказалось, что они плохие и забирают силу. Одну я случайно срубила мечом и добавила себе очков. Потом я присмотрелась и поняла, что это не птицы, а летучие мыши. С пауками я тоже быстро разобралась. А вот как перепрыгивать через такую железную фиговину, похожую на насадку для фарша из кухонного комбайна, которая туда-сюда ездит, так и не могла понять. Мой принц с распоротым животом, раскинув руки, падал вниз. «Ну давай же, давай, – говорила я тупому принцу, – перепрыгивай». Уж очень хотелось войти в дверь и взять свиток.

– Мам, надо подождать, а потом прыгать, – услышала я голос сына. Он, оказывается, пришел ко мне в комнату, сел рядом и смотрел на мои мучения. Я и не заметила. В этот момент я поняла учительницу.

– Светлана Александровна, пожалуйста, запретите им приносить в школу геймбои и пи-эс-пи, – просила я ее, – они от них тупеют. Хоть

кричи, не реагируют.

– Да, я тоже против, – сказала учительница, – но на перемене очень удобно. Они не бегают, а сидят на диванчике в рекреации. Хотя не покалечатся. А звонок они слышат, не волнуйтесь.

16 ноября

Кораблики и паровозики

Докатилась. Стала завистливая и ревнивая. Вот увидела письмо, которое написал Деду Морозу сын нашего друга. Сын – ровесник Васи, тоже первоклассник. Да, мы так писать не умеем – ровненько по клеточкам, без ошибок, с четким построением предложений. Васины сочинения на свободную тему только я могу понять да учительница. Муж считает сына гением. Только пока непонятым. Недавно показала ему записку, которую Вася, как обычно, написал на обороте разлинованного листка – «помощницы». Сидим, рассматриваем, пытаемся понять.

– Почему он точки после каждого слова ставит? – спросил муж.

– Понятия не имею. Ты мне лучше скажи, почему он слово «взял» справа налево написал?

– А это я ему про арабскую письменность рассказывал.

– Вопросительный знак вверх ногами...

– Как в испанском...

– А это что? Запятая?

– Может быть, это апостроф?

– Сам ты апостроф.

– А кто такой подводлаз?

– Может быть, водолаз?

А еще я недавно встретила знакомого мужа. У него младший сын тоже в первом классе.

– Как вы учитесь? – спросила я.

– Ой, замечательно. Тут Сеня заболел и даже плакал, что в школу не пойдет, – ответил знакомый.

– Васе тоже нравится в школу ходить, – сказала я.

– Нет, Сене больше нравится, – похвастался знакомый, – он даже внеклассное чтение вперед прочел.

Я промолчала, потому что у нас нет внеклассного чтения.

– А еще, – продолжал папа сознательного Сени, – он после Нового года будет во втором классе.

– Как это?

– Ну, у них система такая – начальная школа за три года. Вот они полгода учились в первом классе, а полгода – во втором.

– Интересно...

– Да у них такой класс сильный. Их всех можно сразу в третий отправлять. А про Сеню говорили, что он мог эти полгода не учиться – и так все знает. Ну так вот, Сеня рано пошел в школу, а еще через класс перепрыгнет, в шестнадцать уже закончит и в институт поступит.

– Он же не перепрыгивает. Просто система такая.

– Формально нет, но по сути перепрыгивает, – обиделся папа, – а вы не перепрыгиваете?

– Нет, по-моему.

– Хм, ну ничего, бывает.

Он это так сказал, как будто Вася на второй год остается.

Я, конечно, внутренне возмутилась. Я тоже хочу перепрыгнуть. Почему мы не перепрыгиваем? Мы тоже все знаем. Рассказала про Сеню мужу.

– Здорово, – сказал муж.

– А чего ты так радуешься?

– А что я должен сказать?

– Ну что все дети – идиоты, а наш Вася – самый умный.

– Маш, ты чего? Совсем уже?

С другой стороны, я не знаю, потяну ли программу третьего класса. Пока я еще хоть что-то соображаю. Проблемы чаще всего возникают с уроком «Окружающий мир». Вася его называет окружмир. Так и говорит – окружмир. По-моему, он даже не знает, как расшифровывается окруж.

Кто придумывает такие вопросы? Например: «В городе Москве протекает река Москва. Она впадает в Оку. Если в Москве пустить кораблик, сможет ли он попасть в Каспийское море?» Я думала, что нет, потому что Ока – это рядом, а Каспийское море – далеко. В школе на уроках географии максимум чего я достигла – правильно обвела границу СССР на контурной карте.

Позвонила однокурснице, окончившей школу с серебряной медалью. Задала вопрос. «Нет, не доплывет, – ответила она. – Бумага по дороге размокнет». В принципе логично, но сомнения оставались. Вася, кстати, ответил «Да, доплывет», аргументируя это тем, что иначе бы не спрашивали, если бы не доплыл. Также логично. Позвонила

мужу, который долго не отвечал – думал. Сказал, что до Оки точно доплывет.

– Узнай у коллег, – попросила я.

– Не буду, – ответил муж, – дай я подумаю.

Дала подумать. Муж сказал, что доплывет, потому что Ока где-то точно должна впадать в море. Не исключено, что в Каспийское.

Или другой вопрос: «Ворона, грач и галка – близкие родственники. Чем они похожи?» Что нужно ответить? Клювами?

Еще было задание найти на вечернем небе ковш Большой Медведицы. И где я Васе в московском небе Медведицу найду?

Меня, как всегда, успокаивает мой редактор Ася. Ее сын Миша, с моей точки зрения, гениальный мальчик, учится уже в четвертом классе. Я звоню Асе и спрашиваю про кораблик, который должен попасть в Каспийское море. Ася отвечает, не задумываясь. Она это уже проходила.

– А вы что делаете? – спрашиваю я ее.

– Морфологический разбор слова, – отвечает она.

Я замолкаю, преклоняясь перед ее знаниями.

– Что же дальше будет? – шепчу я в трубку.

– Ничего, Маша, – успокаивает меня Ася, – с уравнениями, которые нужно решать через икс, мы справимся. Я разобралась. Объясню. Дальше, конечно, сложнее...

Про близких родственников ворон я как-то постеснялась у нее спросить.

Меня предупреждали, чтобы я не рассказывала в школе про таланты родителей. Но я не удержалась. У нас в классе есть папа-сантехник, который чинит раковину. Есть папа с руками, который чинит все остальное. Есть папа с деньгами, который больше всех сдает на нужды родительского комитета.

– А мой муж замечательно рисует. Профессионально, – сказала я Светлане Александровне, когда она благодарила за помощь папу с руками.

Вот, нам тоже дали задание. Нужно склеить два листа ватмана и художественно написать «1 «А». «Моя семья». А потом туда вклеят фотографии детей с родителями, братьями-сестрами, дедушками-бабушками и вывешат на первом этаже школы. У какого класса будет

лучше, тот и победит. То есть все зависит от того, как мой муж напишет и оформит заголовок. Он еще не знает, какая ответственность на нем лежит. К тому же сдать нужно быстро, времени искать другого папу-художника нет. Параллельный класс, как подслушала одна из бабушек, нанял профессионального художника-оформителя. И это нечестно, если они победят. И кто меня за язык тянул?

Муж пришел поздно. Мы на ковре разложили ватман. Он нарисовал буквы и паровозик.

– Давай я тебе помогу раскрасить, – предложила я.

– Нет, ты все испортишь. Не трогай. У нас есть плакатные перья? Почему нет? В доме должны быть плакатные перья. А маркер толстый есть? Тоже нет? И как я должен рисовать? Пальцем? – возмутился муж.

– Что ты так нервничаешь? Можно красками раскрасить.

– А вдруг не понравится? И Васе скажут, что его папа плохо нарисовал? Он же расстроится.

– Знаешь, тут только два варианта. Или к нам больше не обратятся, или ты будешь рисовать стенгазеты до пятого класса.

– Смотри, какой я шрифт придумал.

– Да, замечательно. Только букву «А» по-другому нарисуй.

– Ты ничего не понимаешь. Это же в стилистике «Нью-Йоркера» шестидесятых годов.

– А-а-а. Так учительнице и передать?

– Так и передай.

Я все-таки решила помочь. Стала стирать ластиком карандашные наброски. Задела краску и слегка размазала.

– Что ты делаешь? Уйди лучше! – закричал муж и чуть ли не закрыл ватман своим телом.

Он нарисовал замечательный паровоз с вагонами, которые везли буквы – как заголовок. А подзаголовок – «проектная работа» написал прямо на вагонах, как на табличках в настоящих поездах. Было очень красиво.

– Нет, не оценят, – держа кисточку и рассматривая свое творение, сказал муж, – не поймут.

– Ну что ты. Так здорово.

Легли поздно, встали рано. Муж кинулся обводить буквы фломастером.

Сдавать работу отправили няню. Она вернулась расстроенная.

– Светлана Александровна сказала, что все хорошо, только паровоз не нужен. Нужно только название написать и все. Переделать. Я позвонила мужу. Сказала, что работу зарубили.

– Я так и знал.

– Не расстраивайся.

– Я и не расстраиваюсь. Она хоть объяснила, почему паровоз не нужен?

– Ну, у них свой паровоз.

– А что значит – «оформить»? Что они имеют в виду, когда просят «оформить»?

– Надо, наверное, рамочку нарисовать, – высказала предположение я.

– Я не буду рамочки рисовать. Это же примитивно! – кричал муж в трубку.

– Хорошо, не надо. Мы сами что-нибудь придумаем.

– Да, вы придумаете. Конечно...

– Чего ты обижаешься?

– Я не обижаюсь. Паровоз им мой не понравился... Да никто до такого оформления не додумался бы. Это же идея. Настоящая.

– Там еще многоточие нужно было поставить.

– А у меня вместо многоточия труба и дым из трубы. Неужели это не понятно? Три точки любой дурак нарисует. А я дым придумал.

– Мне очень твой паровоз понравился. Я его сохраню.

– Нет, выброси, чтобы я и не видел. Порви и выброси.

– Ну перестань. Ты самый талантливый, самый умный.

– Не надо меня уговаривать.

– Я не уговариваю.

– И успокаивать меня не надо. Ты специально так говоришь.

– Нет, не специально. Я правда так думаю.

– Все, пока, мне работать надо. Паровоз им мой не понравился...

Рамочки им нужны...

19 ноября

Как запылесосить и намылить тетрадь

Вася пришел из школы сумрачный.

– Как дела? – спросила я.

– Нормально, – буркнул он. – Хватит меня спрашивать, ты каждый день спрашиваешь, как дела. Какие в школе могут быть дела? Я что, каждый день должен придумывать, как у меня дела?

– Что-то случилось? – спросила я няню.

– Да нет, все нормально, – пожалала плечами она и ушла на кухню.

Позвонил муж.

– Как у вас дела? – спросил он.

– Нормально, – ответила я.

– А поподробнее?

– Ну какие у нас могут быть дела? Не могу же я придумывать каждый день, – буркнула я.

– Что случилось-то?

– Ничего. Вася сердитый пришел и не рассказывает. Знаешь, я тут по телевизору услышала совет психолога – нельзя спрашивать ребенка про школу в первые сорок минут после его возвращения из учебного заведения. Как ты считаешь, это осмысленно?

– А-а? Через сорок минут позвонить? – Муж пытался говорить и работать одновременно.

– Нет, не надо. Все в порядке. Пока, – сказала я.

Вася тем временем достал из шкафа пылесос и приделывал щетку к шлангу.

– Вась, ты чего? – спросила я.

– Я буду пылесосить, – ответил ребенок, – в своей комнате. Только ты дверь закрой. Не мешай.

– Какой ты у меня молодец, – сказала я, помогла ему прикрепить щетку и вышла, аккуратно прикрыв дверь.

Няня варила суп, я работала, мирно гудел пылесос.

– Что-то он долго возится, – сказала няня.

– Наверное, хочет, чтобы было чисто.

– Может, посмотреть? – предложила она.

Мы зашли в комнату. Вася сидел над разобранным до последней трубы пылесосом.

Пакет с мусором был вывален на ковер. Рядом аккуратной стопкой лежали тетради.

Вася внимательно разглядывал внутренности пылесоса.

– Вась, ты чего? – спросила я.

– Тетрадь не пролезает. По русскому, – ответил ребенок, – наверное, потому что пылесос маленький. А бывают большие?

– Бывают. А зачем ты тетрадь в пылесос зачихнул? – ахнула я. Из одной трубы торчала скрученная в трубочку тетрадка.

– Она все равно дальше не проходит. Застряла, – объяснил ребенок.

– Зачем?

– Да надоели мне эти домашние задания. Пишешь, пишешь, а тетрадь не заканчивается.

– А ты думаешь, что если тетрадь закончится, то и домашние задания не надо будет делать?

– Ну да.

– Нет, Васенька. Когда одна тетрадь заканчивается, заводят новую.

– Правда?

– Правда.

– Какой ужас.

Так я обычно говорю: «Какой ужас». В устах ребенка это звучит действительно впечатляюще.

Тетрадь вытащили. Пылесос убрали. Вася сел за уроки. Зашла через некоторое время. Он сидел за столом, держал в руках фигурки рыцарей и долбил одного рыцаря другим.

– Почему ты уроки не делаешь? – спросила я.

– Ручка не пишет, – ответил он.

– Возьми другую.

Согласно требованиям учительницы, у Васи в пенале всегда лежат две ручки и на письменном столе еще три. Сын взял другую ручку и склонился над тетрадью. Я вышла. Захожу еще через пять минут. Рыцарь продолжает долбить копьем недруга.

– Вася, ну в чем дело?

– Опять не пишет, – ответил он.

– Не может быть. Что ты выдумываешь?

– Сама попробуй.

Я взяла ручку. Попробовала на листочке – правда, не пишет. Другая писала, но плохо.

– А эти?

– Тоже не пишут.

Ручки писали замечательно.

– Ничего подобного.

– Дай мне другую ручку. Папину.

Спорить мне не хотелось – проще было дать ручку.

– Она неудобная. Толстая, – сказал Вася.

Дала свою.

– А этой нельзя. Она как фломастер. Светлана Александровна не разрешает.

– И что ты предлагаешь?

– Ну, раз ручки не пишут, значит, я не могу сделать домашнее задание. Я же не виноват, что у нас в доме нет нормальной ручки. – Вася картинно показал на гору сваленных перед ним ручек, взял рыцарей и продолжил сражение.

– Они пишут, – сказала я, – делай уроки. Вот смотри, пишет, и эта тоже, и эта.

– Они на твоём листочке пишут, а в моей тетради не хотят. Вот, смотри.

Вася взял ручку и начал выводить букву «Ч». Ручка не писала. Наконец до меня дошло. Это же мой способ! Любимый! Кусочком мыла намылить тетрадь!

– Вася, признавайся, ты мылом намылил? – спросила строго я.

– Мылом? – искренне удивился сын. – Нет. Я руки мыл без тетради.

Еще через минуту меня осенило. От ладони, не отмытой после котлет, блинов или конфеты, тетрадь засалилась.

– Отступи и пиши рядом, – сказала я, – и подложи под руку другой листик. Тогда все будет писать.

Вася со стоном опять принялся за букву «Ч». Я вышла из комнаты.

– Вася, ты пишешь? – крикнула я из кухни, чтобы лишний раз не вставать.

– Нет, тетрадь мою, – ответил сын.

Вставать все-таки пришлось. Вася сидел и с усердием тер тетрадь мылом. До этого он ходил в ванную, но я не придавала этому особого значения.

– Мама, ты правду сказала. От мыла ручка не пишет, – с восторгом доложил ребенок. – Я сначала не понял, почему ты про мыло спросила, а теперь понял.

– Хорошо, что хоть не доску в школе и не свечкой, – сказала я и прикусила язык. Но, по-моему, было уже поздно.

21 ноября

Искали ботинок, нашли девочку

Пошла забирать сына из школы. Все вышли, а его нет.

– Можно, я найду мальчика заберу? – попросила я охранника.

– Забирайте любого, – ответил он и показал на мальчишек, бегающих по вестибюлю.

Вася сидел на лавочке перед раздевалкой и никуда не спешил.

– Вася, я тебя уже полчаса жду. Почему ты не одеваешься? – спросила я.

– Я один ботинок потерял, – сказал он.

– А я юбку потеряла, – пожаловалась девочка в колготках, сидящая рядом на лавочке.

– Ладно, сейчас найдем.

Ползла под лавочку. Там было несколько ботинок без пары.

– Что вы тут ползаете? – спросила меня уборщица.

– Ботинок ищу, – ответила я ей, выглядывая из-под лавки.

– Что ж за люди пошли? – возмутилась уборщица. – То под лавками ползают, то в туалет школьный ходят. Как будто дома сходить не могут. Я же не хожу к ним в квартиры в туалет, а в школе, значит, можно.

– Я в туалет не ходила, – сказала я, вынырнув и ударившись головой.

– Вы не ходили, а другие – ходят.

В школе я всегда чувствую себя виноватой и из-за этого тупею и теряюсь. Под лавкой было много обуви, причем стоял или только правый, или левый сапог, ботинок или кроссовка. Все ботинки казались мне одинаковыми, и приходилось брать по одному, подносить к Васиной ноге и сравнивать.

– Это мой ботинок! – закричал на меня мальчик постарше.

– Ты уверен? – уточнила я. Уж очень он был похож на наш.

– Да, отдайте!

– Извини. Вася, где ты видел свой ботинок в последний раз? – выползла я из-под лавки.

– Не помню. Здесь, – ответил он.

– А моя юбка? – спросила девочка в колготках.

– Что твоя юбка?

– Вы ее не нашли?

– Нет, а ты где ее видела в последний раз?

– Не помню. Здесь.

– Ладно, сидите, пойду в раздевалке посмотрю.

Я зашла в раздевалку. Сверху на вешалке лежали утерянные вещи – одна синяя перчатка, серый шарфик, черная шапка и спортивные штаны. Ни юбки, ни ботинка.

– Нету, – сказала я, выходя.

– Конечно, нету, – хмыкнул сын, – это не наша раздевалка. Наша соседняя.

– А что ж ты раньше не сказал? – Мне уже было жарко и хотелось домой.

– Ты не спросила.

Зашла в соседнюю раздевалку. Получила сменкой по попе от мальчика. Хороший мальчик – натянул куртку на голову и, размахивая мешком, крутился на месте.

– Больно же, – обиделась я.

Он даже не остановился. Пришлось уворачиваться, чтобы не получить еще раз.

– Не знаю я, где ваши вещи, – вышла я из раздевалки. Вася с девочкой были заняты разговором.

– А я нашла юбку, – сказала девочка, – я на ней сидела.

– И на моем ботинке, – подхватил Вася, – ботинок в юбке оказался.

– И почему вы не одеваетесь?

– Мама, иди, не мешай. Видишь, мы разговариваем, – заявил сын.

Правда, девочка стала послушно натягивать юбку.

– Давайте одевайтесь и пошли, – велела я.

– И я тоже? – спросила девочка.

– И ты тоже. Тебя уже заждались, наверное. Кто тебя забирает – мама, бабушка или няня?

– Бабушка.

– Пойдем найдем твою бабушку.

– Только мы сначала на кучу-малу пойдем, – заявил сын.

Куча-мала – это у них традиционное послешкольное развлечение. Маленькая ледяная горка во дворе, с которой они скатываются друг на друга.

– Ладно, только недолго, – разрешила я.

Мы оделись и вышли. Вася с девочкой – так я и не спросила, как ее зовут, побежали на горку и съехали в обнимку. Даже не в обнимку, а в обжимку.

– Где твоя бабушка?! – крикнула я вслед девочке. Но она меня не услышала. Я стояла с двумя портфелями и двумя сменками. Замерзла.

– Вася, пойдем домой! – позвала я через десять минут.

– Сейчас! Последний раз! – крикнул он и скатился, метясь ногами в голову новой подружке.

Они прибежали запыхавшиеся.

– Где твоя бабушка? – спросила я девочку.

– А? – переспросила она, еще плохо соображая после удара ногами по голове.

– Бабушка, – терпеливо напомнила я, мысленно кляня эту бабушку, которая не бегала по двору, не кричала: Леночка или там Светочка.

– А она меня после пятого урока забирает, – объяснила очухавшаяся девочка.

– Так ты урок прогуляла? – ахнула я, потому что забирала Васю после четвертого.

– Да, – сказала девочка.

– А что же ты в раздевалке делала? – все еще не верила я.

– После ритмики переодевалась. А вы мне сказали, чтобы я собиралась быстрее и выходила.

– Понятно. Значит, я виновата.

– Нет, мне понравилось, – стала успокаивать меня девочка, – приходите за мной еще. А то мне бабушка никогда не разрешает в кучу-малу играть. И сразу домой ведет.

– Да, – вступил в разговор Вася, – здорово я в тебя врезался?

– Здорово, – ответила девочка и потерла рукой голову.

– Ладно, иди в школу и жди бабушку, – велела я.

– Нет, я пойду в кучу-малу. Хочу накататься надолго. Навсегда.

23 ноября

Тест на мокрую голову

– Мама, мне нужно подстричься, – сказал Вася, когда пришел из школы.

– Зачем? У тебя хорошая стрижка.

– Нет, мне нужно все отрезать. Здесь и здесь. – Сын показал на челку и затылок.

Мне, видимо, пора рожать девочку. Косы сыну я пока не отрачиваю, но волосы у него достаточно длинные. Скажем так, длинноватые. Стричь кудри жалко. Но Вася сказал, что, пока я не отведу его в салон, он не сядет делать уроки. Пришлось вести.

– Сделайте то же самое, только чуть-чуть короче, буквально на сантиметр, – попросила я мастера, оставила Васю и побежала в аптеку. Когда вернулась, передо мной сидел маленький Федор Бондарчук. Ну, или Гоша Куценко.

– О Господи, – сказала я, – ладно, отрастут. Не зубы.

– Мама, мне очень нравится, – сказал Вася, – и ты все перепутала. Это зубы отрастут, а не волосы.

Он прямо сиял, и только поэтому я заподозрила неладное.

– Так, скажи мне, зачем тебе понадобилась такая стрижка?

– Понимаешь, мама, мне надоело, что меня Светлана Александровна наказывает. Я уже два дня сижу на перемене в классе.

– А почему наказывает?

– Потому что я ношусь. Она, даже когда не видит, все равно знает, кто носится, а кто – нет. Знаешь как? Угадай.

– Не знаю. Сдаюсь.

– У кого голова мокрая – тот бегал, а у кого сухая – тот нет. А у меня, даже если я не бегал, волосы мокрые. А если волос не будет, то Светлана Александровна и не узнает. Здорово? У нас уже все подстриглись, только я один такой ходил. А мне скучно сидеть наказанным одному. Вот раньше нас с Антоном в классе оставляли, мы с ним по классу бегали. А мне что, одному бегать? Это все Антон придумал. Про то, чтобы волос не было.

– Васенька, ты был такой красивый...

– Мама, ты в красоте ничего не понимаешь. Вот Светлана Александровна говорит, что красота не снаружи, а внутри. Только я забыл, где именно. Может, в животе?

– Нет, Вась, в душе.

– А это в каком месте?

– Где сердце.

– Слева?

– Слева.

– Только вот я не пойму. Почему девочкам можно бегать, а мальчикам нельзя?

– Девочек не наказывают?

– Ни разу. Вот, представь, в последний раз я совсем не бегал. Я убежал от Насти. Это она бегала и тянула меня за рукав. А я от нее убежал. А Светлана Александровна все равно только меня наказала.

– За то, что бегал?

– Нет, за то, что Настю толкнул.

– А зачем ты ее толкнул?

– Понимаешь, она тоже была мокрая. Светлана Александровна спросила: «Настя, ты почему такая мокрая?» Настя сказала, что испачкала лицо ручкой и умывалась в туалете. И ей ничего не было. Вот я за ней побежал и толкнул. Чтобы больше не придумывала. Девочки они тебе что хочешь придумают. Ты это знаешь?

– Догадываюсь.

26 ноября

Пушкин – дурак

Постепенно я перестала вставать по утрам. Не сразу, конечно. Сначала я еще делала попытки встать. Садилась на кровати, шла на кухню, сбивая углы, видела, что муж уже отнес завтрак в комнату, где Вася завтракает и смотрит детскую утреннюю зарядку по каналу «Спорт». Сыну очень нравится смотреть, как бодрые мальчики и девочки наклоняются и приседают.

– А ты чего зарядку не делаешь? – спросила как-то я.

– Мама, я даже стоять сейчас не могу, – ответил Вася.

Вася одевался, муж уносил остатки завтрака на кухню.

– Подойди, я тебе помогу пуговицу застегнуть, – говорила я сыну и считала, что ребенка в школу отправила.

Потом я уже не вставала. Просто открывала глаза и подавала реплики, когда муж с сыном переходили с шепота на крик.

– Вася, ты заснул? Одевайся. Мы опоздаем, – говорил муж, видя, что ребенок застыл с одной колготиной на ноге.

– Не кричи на него, – говорила я из комнаты, – я тоже всегда засыпала, когда колготки натягивала. До сих пор такой рефлекс.

Это чистая правда. Успокаивает только то, что не я одна такая. Моя приятельница Маринка призналась, что до сих пор «зависает» с одной колготиной или чулком на ноге, сидя на кровати.

– Вася, ешь, мы уже только ко второму звонку успеваем, – призывал муж.

Ребенок вздрагивал над тарелкой и запихивал в себя йогурт.

– Вася, не спи, доедай, – муж приходил в комнату, – ну что это такое? Только я выйду, как ты засыпаешь.

Вася действительно научился дремать, не брякая ложкой о тарелку. По этому звуку мы раньше определяли, что он заснул. Муж уже не выходил из комнаты и следил, чтобы наш школьник не закрыл глаза.

– Папа, ну чего ты меня все время дергаешь? – сердился Вася, понимая, что вздремнуть больше не удастся.

– Что вы там ругаетесь? – подавала я голос из спальни.

Несколько дней я даже голоса не подавала. Спала как убитая. Как они там собирались, не знаю и знать не хочу. А одним утром почувствовала, что Вася забрался ко мне в кровать. Я его обняла, укрыла одеялом и стала досматривать сон.

– Что это вы тут делаете? – ворвался в спальню одетый муж.

– Ничего. – Я очнулась, резко села в кровати, дико озираясь по сторонам.

– Вы спите! – гневно кричал муж.

– Нет, я не сплю, – неуверенно сказала я.

Вася, одетый в школьную форму, сладко посапывал под одеялом.

– Вася! – заорал муж.

Вася дернулся и встал с закрытыми глазами по стойке «смирно».

– Господи, как же с вами сложно, – закатил глаза муж, – неужели нельзя нормально в школу уйти?

В этот день я сына не спросила, что у него новенького.

– А у нас новенькое, – сказал он, когда вернулся.

– Что?

– Писателей повесили.

– Как это?

– На стены. Знаешь, такие картины, как портреты. Пока мы были на изо, их повесили.

– И кто там висит?

– Пушкин, Чуковский, Шишкин...

– Шишкин – это не писатель, а художник.

– Ну, он тоже там висит. Над Настей.

– А вам про них рассказывали?

– Нет, я сам ходил и подписи читал.

– А кто еще висит?

– Не помню. Тот, который надо мной, мне не очень нравится.

– А кто над тобой?

– Я забыл, как его фамилия. Смешная. Такой дяденька толстый.

Я стала вспоминать толстых детских писателей и не смогла.

– У него еще фамилия есть, – тоже вспоминал Вася, – то ли Толстиков, то ли Толстяк...

– Толстой?

– Да, точно. Толстый.

– Не Толстый, а Толстой.

– Он мне не нравится. Так смотрит... как моя бабушка, когда хочет рассказать мне страшную историю. А почему его львом прозвали?

– Не прозвали, его звали так. Имя. Лев. Лева. Ты – Вася, а он – Лев.

– Такие имена у всех есть людей или только у писателей?

– У всех. Раньше было популярное имя.

– Все равно странно. Как могут мальчика львом звать? Да, еще Дима сказал – бедный Пушкин. Он под ним сидит. Почему, интересно?

– Наверное, потому что Пушкина на дуэли убили.

– А что такое дуэль?

– Ну, это такой способ выяснения отношений. Кто-то кого-то обидел, и тот, кто обиделся, вызвал обидчика на дуэль.

– Мам, ты сама поняла, что сказала?

– Ладно. Тогда так. Вот, например, Дима твой толкнул тебя, или обозвал, или наябедничал учительнице, а ты вызываешь его на дуэль.

– И что?

– И вы выбираете, на чем драться – на пистолетах или на шпагах, – и деретесь.

– И кто победил?

– Тот, кто не умер. А еще бывали дуэли из-за женщины. Вот тебе нравится Настя, а Дима ее обидел. Ты его вызываешь за это на дуэль.

– Нет, из-за Насти не буду вызывать. А Пушкин победил?

– Как тебе сказать... В принципе победил. Но он все равно умер от полученных ран.

– А из-за чего дуэль была?

– Из-за женщины.

– Из-за Насти? Во дурак...

– Нет, не из-за Насти. И Пушкин не дурак.

– А потом что было?

– Потом дуэли запретили.

– И все стали драться, как мы с Димой?

– Приблизительно.

– А та девочка?

– Какая девочка?

– Ну, женщина. Из-за которой Пушкин бедным стал.

– Она осталась одна с детьми. Она была его женой.

– Как ты папе?

– Да.

– Знаешь, я понял, Пушкину нужно было быть мушкетером. Мушкетеры всегда побеждают. Хоть сто человек.

– Мушкетеры были во Франции, а не в России.

– Тогда Пушкину нужно было во Францию поехать, там потренироваться у д'Артаньяна, и тогда бы он был жив-здоров. Только я не понял, за что его на стенку повесили?

– За то, что он – великий русский писатель. Написал много хороших сказок.

– Хороших, но длинных. Мы про царя Салтана уже третий урок читаем. Надоело. Я же знаю, чем она кончится. Зачем мне середину читать?

30 ноября

Переписка с учительницей

Решила проверить Васины тетради. При этом у него и мысли не возникает, что мне может не понравиться результат.

За математический диктант стояла «см». Это у них такая система. Светлана Александровна пишет «умница», если пятерка, «хорошо», если четверка, «старайся», если тройка. «См», то есть «смотрела», соответственно два балла. Считается, что детей это не так травмирует, как оценки. То есть они не понимают, что это оценки. Ха. Все они понимают, но то, что это их не травмирует, – точно.

– Вася, а почему у тебя «сэмэ»? – спросила я.

– Потому что четыре ошибки, – терпеливо объяснил ребенок.

– Я вижу, что четыре ошибки. Я спрашиваю: почему?

– Ну не могу же я все время быть умницей. И вообще, даже Оля «сэмэ» получила.

– А Оля у вас главная отличница?

– Нет, она главная умница. А Диме вообще в первый раз «хорошо» написали. А до этого только «сэмэ» писали. Он даже плакал, потому что не понял, почему ему «хорошо» написали. Он же к «сэмэ» привык.

– А кто у вас лучше всех учится?

– Я, что ли?..

Да, с самооценкой у нас все в порядке. Как была завышенная, так и осталась.

В прописях я сначала ничего особенного не заметила. Они уже пишут внятные словосочетания. Главное Васино достижение – он уже может уместить «Саша ел кашу» на одной строчке, а не на трех, как раньше.

Следующее предложение я увидела случайно. Светлана Александровна написала: «Не выходи за пределы рабочей строки». Вася пишет размашисто, не обращая внимания на косую линейку, конец страницы, поля и прочие ограничения. Сын честно переписал пожелание учительницы строчкой ниже, как раз после Саши и его каши.

– Вась, ты хоть читал, что здесь написано? – спросила я.

– Нет, я переписывал. Читаю я в азбуке, а в тетради пишу, – ответил он.

– Прочти, пожалуйста. Светлана Александровна специально для тебя написала.

– «Не заходи за пределы рабочей строки», – прочел Вася.

– Пределы строки, – поправила я.

– И что это значит?

– То и значит. Не вылезай за линейку и за все остальное, – перевела я.

Сын так и не понял, чего хотела от него Светлана Александровна и что пыталась объяснить я.

– Так это не нужно было переписывать? – уточнил он.

– Нет, не нужно.

– Столько времени зря потратил! – огорчился ребенок.

В портфеле обнаружился детский журнал.

– Откуда журнал?

– Из библиотеки.

– Ты ходил в библиотеку? Какой молодец! Надо папе сказать, он обрадуется.

– Да, только его сдать надо, чтобы другие могли взять.

– Конечно. А почему ты выбрал именно этот?

– Антон сказал, что там есть игры, которые можно скачать.

Просто набрать номер и все. Тебе игру пришлют.

– Куда пришлют-то?

– На мобильный.

– Вася, у тебя нет мобильного телефона.

Сын застыл с журналом на коленях.

– Нет, – кивнул он, – и как же я играть в них буду?

– Значит, не будешь играть. Ты журнал хоть полистай – там про кенгурят и про щенков истории. Смотри, какие смешные фотографии.

Но Вася мог думать только о телефоне.

– А ты мне обещала телефон купить, когда я во второй «А» пойду.

– Да, я помню.

– А знаешь, когда я пойду во второй «А»?

– Знаю, на следующий год. Осенью.

– Нет, учительница сказала, что мы пойдем во второй класс, когда выучим все тридцать три буквы. Нам осталось семь. Я считал. Так что придется тебе покупать мне телефон.

– Ладно. Все понятно.

– Кстати, мама, у тебя же есть мобильный телефон.

– Нет, Вася, даже не думай. Я не собираюсь себе скачивать твои игры.

– А ты не себе, ты мне скачай.

Вася часто приносит что-нибудь из школы. В основном что-нибудь съестное. Говорит, что его угощают. Я понимаю, почему его подкармливают Лиза с Настей – прокладывают путь к сердцу, но чтобы мальчики... На днях сын принес пакет с баранками. Не две, не три, а целый пакет.

– Это мне Денис дал, – сказал Василий.

– Целый пакет? Может, он всех хотел угостить?

– Нет, весь пакет мне отдал. Два дня его уже ношу. Надо вытащить.

Отнесла баранки на кухню. Вечером пришел с работы муж.

– Баранки? – обрадовался он и цапнул сразу две.

– Это Денис для Васи принес. Дай мне одну.

За чаем мы слопали весь пакет. Баранки оказались вкусными, маковыми. В хлебнице у нас лежали свои баранки, правда, без мака, но их мы не ели. Чужие ведь всегда вкуснее.

– Может, стоило оставить? – спросил муж, хрустя последней баранкой.

– Вовремя ты об этом подумал. Если что, отдам Васе наши.

Третья четверть

25 января

На лыжне

Сегодня у Васи день рождения. Нужно нести в школу угощение – проставляться, как сказал муж. Все носят. Торт нельзя, жвачки тоже – прилипнут, конфеты раздать вроде как несолидно.

– Вася, а чем вас угощали, когда у других детей были дни рождения?

– Ну, чупа-чупсами всякими, мишками, которые печенье...

Заранее купила двадцать пять чупа-чупсов.

– Мама, ты сок забыла купить! – вспомнил вечером накануне сын.

– Какой сок?

– Ну, надо еще двадцать пять соков с трубочкой принести. Все приносят.

Побежала в магазин, купила двадцать пять соков.

Утром первым уроком физра. На лыжах. Так уж совпало, что первые в этом сезоне. Я еще с вечера решила, что смотреть на эти утренние сборы-уходы не буду. Прикинулась спящей. Но все подготовила – выставила с вечера в коридор два пакета с соками, пакет с чупа-чупсами, лыжи, палки, ботинки...

– Он что, пойдет в лыжных ботинках? – удивился муж.

– Нет, давай я ему положу сменку и сапоги на обратную дорогу. Еще положу специальный лыжный костюм, помимо верхней одежды. Интересно, в чем он пойдет на лыжах, а в чем вернется... – съехидничала я.

– И как я все это понесу – лыжи, палки, сок?

Этот вопрос я отнесла к разряду риторических.

Утром муж возвращался дважды – сначала за палками, потом за сменкой. Я не удержалась и смотрела из окна, как они идут. Сонный, еле плетущийся Вася, которого портфель клонил к земле – муж туда догадался положить чупа-чупсы. Ногами ребенок скреб по земле – лыжные ботинки я купила ему на два размера больше. И собственно муж, роняющий то палки, то пакеты с соком.

– Осторожно! – закричала я с тринадцатого этажа, когда муж наклонился поднять палку и лыжами чуть не выколол глаз идущему

сзади ребенку с мамой. Но та мама тоже не промолчала. Ее даже я на тринадцатом этаже услышала:

– Да что вы делаете, мужчина! Что ж вы ему палкой в глаз тыкаете? А если я вашему тыкну? Как же можно лыжи без мешка носить? – Мамаша тоже несла палки и лыжи, аккуратно упакованные концами в мешочек, как из-под сменки.

– Ну что? – спросила я, когда вернулся взмыленный муж.

– Отвел, угощения положил рядом с его партой.

– А почему не разложил по столам?

Другой бы обматерил, а мой интеллигентно обозвал душой.

Я, конечно, обиделась, нацепила куртку и пошла на балкон – смотреть, как проходит физра. Школьный стадион у нас виден куском из окна, а с балкона – целиком.

Физрук отобрал у всех палки – очень вовремя, я сразу успокоилась, но зачем он их отобрал – непонятно. Дети выстроились в шеренгу и потопали гуськом по стадиону. Без лыжни и без палок. Мне кажется, что это тяжело, хотя я и с палками недалеко бы ушла.

Детишек было жалко. Бедные – ковыляют, размахивая руками, по кругу. Никакого веселья. Два мальчика вырвались вперед. Третий – Антон – стал нагонять. Вася шел четвертым. Антон наконец догнал второго и упал прямо на товарища. Второй взмахнул руками в попытке зацепиться, схватил за куртку первого, и они дружно свалились, намертво переплелась лыжами. Вася врезался в эту гору с торчащими лыжами, следом наскочил еще кто-то. Дети лежали и даже не делали попыток расплестись. Первый лыжник дал Антону в бок кулаком, думая, что это второй. Антон обиделся и пнул первого, попав Васе по спине. Так они друг друга и мутузили.

«Где же физрук, куда он смотрит?» – подумала я и высунулась с балкона поглубже. На лыжне на расстоянии нескольких метров друг от друга лежали дети в ярких комбинезонах. По-моему, Настя лежала на спине, задрав к небу лыжи, и ловила ртом снежинки. А Лиза, наоборот, лежала на животе, сложив лыжи юртой, и плакала. Еще одна девочка тоже упала вперед, но не плакала, а подперев подбородок руками, весело качала ногами, как будто она на пляже лежит. Физрук коньковым ходом подъезжал к лежащему ребенку, хватал под мышки, ставил на лыжню и спешил к следующему упавшему. Настя постояла

для приличия немного, дождалась, когда физрук примется распутывать клубок из четырех лыжников, и опять легла на снег. К ней подъехал Федя, остановился и что-то спросил. Настя что-то ответила. Федя лег рядом и тоже уставился в небо. А потом подъехал физрук и поставил обоих на ноги. Они стояли, задрав головы к небу. Расцепленные ребята к тому времени кинулись обгонять друг друга на лыжне – кто первый – и пошли на третий круг. Круги, кстати, становились все меньше и меньше. Наконец до Антона дошло, что можно не бежать, а постоять, пока другие бегут. Он так и сделал. Когда до Васи дошло, что Антон его обхитрил, он не стал бить друга, а подошел к физруку и сказал, что «он уже все». Те, кто «всё» или устал, как плачущая Лиза, снимали лыжи и играли в догонялки. Настя с удовольствием ела снег.

– Вася пришел первый! – крикнул физрук и засвистел в свисток.

Антон от такого коварства упал в снег лицом и стал зарываться, как сапер. В результате его обогнал мальчик и пришел вторым, срезав, правда, кусок лыжни, на которой лежал Антон.

Что было дальше, я не знаю. Надеюсь, что Вася откупился чупа-чупсами. Кстати, он пришел домой злой, бросил с грохотом лыжи в коридоре и сказал, что больше на физру на улице не пойдет.

– Почему?

– Потому что мы как дураки по кругу бегали, – объяснил Вася, – это не-ин-те-рес-но. Я буду на свои, горные, лыжи ходить.

– Вася, но горные – это секция, а беговые – уроки.

– Ну и что?

– А то, что уроки нельзя прогуливать, как секцию.

– Лучше бы наоборот.

– А чего ты такой злой? Из-за лыж?

– Нет, из-за Дениса.

– А при чем тут Денис?

– При том, что он упал на уроке вместе со стулом и партой в проход. И нам задали целых две страницы по математике доделывать.

– Не поняла, какая связь...

– Ну, мама, что тут непонятного? Один за всех и все за одного. Денис упал, а мучаются все. Только я пока не понял, почему так несправедливо все придумано.

– Ну, потому что вы дружный класс, потому что одному Денису было бы обидно делать две страницы... может, он случайно упал.

– Мама, ты говоришь без выражения.

– Это как?

– Ой, без выражения – это про другое. Ты говоришь невыразительно, то есть неубедительно. А Денис всегда падает. На третьем или четвертом уроке. Только обычно без парты.

– И что, лежит?

– Да, лежит.

– И что, в прошлые разы вас не наказывали, а в этот наказали?

– Да, в этот раз он не просто упал. Он других первоклассников повалил.

– Весело у вас там.

– Да уж. Пять минут веселья, а потом весь вечер математику делать.

28 января

Синяя птица

– А ты знаешь, что случилось? – спросил вернувшийся из школы сын.

– Что?

– Нам теперь нельзя приносить в школу чупа-чупсы.

– Почему?

– Понимаешь, сегодня был день рождения у одной девочки, я забыл, как ее зовут. Она тоже принесла всем чупа-чупсы.

– Повезло вам.

– А ты знаешь, что они как клей?

– Нет, не знаю.

– Сейчас покажу.

Вася полез в портфель и достал чупа-чупсину. Сдернул обертку, засунул в рот, за одну щеку, за другую, вытащил и приклеил к своему столу.

– Круто? – посмотрел он на меня.

– Круто, – сказала я.

Чупа-чупсина постояла немного и свалилась. Я решила, что на этом фокус закончен, но как бы не так. Вася опять запихнул ее в рот и опять приклеил.

– Вась, ты с ума сошел? Зачем ты грязную конфету в рот берешь? Хочешь, чтобы у тебя живот заболел?

– Ничего, мам, у нас все так делали сегодня, и ни у кого живот не болел.

– Как вы делали?

– Ну, слюнявили и приклеивали к партам.

– Совсем уже?

– Почему совсем?

– И кто это придумал?

– Не помню, может, Антон, а может, Лиза.

– И как на это отреагировала Светлана Александровна?

– Как, как? А то ты не знаешь. Она сказала, чтобы все парты мыли.

- И что, мыли?
- Я – нет.
- Почему?
- Потому что у меня парта чистая была. Я же домой чупа-чупс принес.
- Значит, ты не приклеивал?
- Нет. Я смотрел. А лучше всего знаешь к чему приклеивается?
- Ну...
- К тетради. Антон к своей прилепил. Мы эксперимент проводили. Как ученые.
- Ученые, – автоматически поправила я.
- Ну да. Настя прилепила к юбке – тоже хорошо. А Лиза – к рюкзаку. Только они потом плевались. Шерсти наелись, когда облизывали.
- О Господи. Вам там заняться больше нечем?
- Почему нечем? Для тебя, кстати, тоже есть занятие.
- Какое же?
- Сменку мою помыть. Учительница по рисованию велела.
- А что со сменкой?
- Достань и посмотри.
- Мешок и кроссовки стали красные.
- Что это?
- Правда, на кровь похоже? – Вася обрадовался, что его обувь произвела на меня впечатление.
- Краска, что ли?
- Ну, мама, как ты догадалась?
- У вас сегодня изо по расписанию, чего тут догадываться? Ты что, ногами рисовал?
- Нет, руками. Просто Дима случайно опрокинул свою краску мне на кроссовки.
- А почему в краске штаны и свитер?
- Мама, ну что ты все почему да почему спрашиваешь? Мне надоело рассказывать. Что тут непонятного? Мы играли в футбол. Я был вратарем. Как я мог поймать банку с краской и не испачкаться, ты мне скажи? Как такое возможно?
- Да... Кого хоть рисовали? – спросила я, глядя на синее пятно на листе бумаги.

– Птицу, кажется, – ответил Вася, внимательно посмотрев на свой рисунок.

– Ты рисовал синюю птицу – символ счастья?

– Мама, ты иногда как Настя бываешь, даже глупее. При чем тут счастье? Объяснил же – красная краска на футбол пошла, осталась синяя. Не белой же ее рисовать.

– Красиво, – похвалила сына я, – а где у нее хвост, а где голова?

– Мама, пораскинь мозгами, где ты тут птицу видишь? Это я с пола краску вытирал. А рисунок учительница забрала.

1 февраля

Прогуливаем через раз

«Понедельник – день тяжелый». Муж в один из понедельников произнес эту сакраментальную фразу, и Вася потребовал объяснений. Почему тяжелый? Почему именно понедельник? Мы объяснили. Вася кивнул и теперь каждый понедельник подтверждает эту истину. Мало того что вставать после выходных тяжело, так еще первым уроком стоит физра. Это еще можно было бы пережить, если бы не лыжи. Дело в том, что Вася еще с вечера стал готовить почву:

– Мама, я ведь занимаюсь спортом?

– Занимаешься.

– Ты же знаешь, что я хожу на горные лыжи.

– Знаю.

– Тогда объясни, зачем мне еще одни лыжи?

– Ты не хочешь идти на урок в школе?

– Ну наконец догадалась!

– Давай утром решим. Вдруг у вас в зале будет. В зал пойдешь?

– Пойду. А кто решает, когда на улице, а когда в зале?

– Учитель.

– Это как ему захочется?

– Нет, если снега нет, или дождь идет, или холодно, то в зале. А если погода хорошая, то на улице.

Весь вечер Вася клацал пультом от телевизора.

– Вася, мультиков сейчас нет, выключи, – просила я.

– Я не могу. Мне нужно знать, будет ли завтра дождь, ветер и холодно.

Прогноза погоды, как назло, не было. Посмотрела в компьютере. Около нуля. Ветер. Сказала сыну.

– Ну и что это значит?

– Не знаю. Учитель решит.

– Получается, как ему захочется... Вот интересно, а если ему хочется, а нам, ученикам, нет. То что?

– Ничего. Он же учитель.

– А мы люди.

Утром меня разбудили. Мужчины выясняли отношения.

– Не-е-е-е-т! – кричал Вася, увидев в коридоре свою лыжную экипировку.

– Что случилось? – перепугался муж.

– Не пойду на лыжах! Мама сказала, что их не будет!

– Лыж не будет? – спросил у меня муж.

– Не знаю. Я же не физрук. Я бы не пошла. – Я села в постели, надеясь, что, когда они уйдут, лягу опять.

– Так, Вася, берем лыжи, если будете в зале, я отнесу домой.

– Я не понимаю! Ничего не понимаю! – стонал ребенок.

– Вася, в чем вообще проблема? – не понимал муж. – Опаздываем!

– Проблема-а-а-а! Не хочу-у-у-у! Не могу-у-у-у! – Вася зарыдал уже натурально. – Как я пойду-у-у-у?

– Пойдешь в лыжном костюме, если не будет лыж, я все заберу, – сделал еще одну попытку муж.

– Аа-а-а-а! – Вася стоял у входной двери и бил по ней лыжным ботинком. Звучало это так: «А-а-а, у-у-у, бум-бум, а-а-а, бум».

– Маша, вставай и сама с ним разбирайся! – зашел ко мне в комнату муж. Надежда лечь испарилась.

– Васенька, ты только на лыжи не хочешь или вообще в школу не хочешь? – спросила я.

– Что это вообще за разговоры по утрам?! – закричал муж, размахивая лыжной палкой.

Дальше мы с Васей шептались под звук ударов ботинком по двери.

– В школу хочу, мне на лыжах неинтересно. Холодно и ноги не ходят. Идешь по кругу, а зачем – непонятно, – хлюпал ребенок.

– Ладно, иди так, в классе посидишь, договорились? Будешь через раз прогуливать, ладно? Сегодня прогуляешь, а в следующий раз пойдешь.

– Мама-а-а-а! – уже радостно взвыл сын. – Обещаю! Буду прогуливать через раз.

– Ну вы вообще... – Муж от возмущения выронил палку.

Ушли. Муж вернулся, скрипя зубами.

– Все дети с лыжами, одни мы – без, – сообщил он мне с порога, – учительница была очень недовольна, что Вася остался в классе. Мне было так стыдно! Как ты можешь? А что будет потом? Он вообще все

прогуливать начнет? Что из него вырастет? Как он в институт поступит?

– Ему что, завтра в институт поступать? – Я сделала попытку пошутить. Шутка не прошла.

– Ты! Ты делаешь из ребенка прогульщика! Чтобы этого больше не повторялось! Сама его води в школу – мне стыдно после этого учителю в глаза смотреть!

– Иди на работу, а?

Муж в гневе наткнулся на лыжи – грохот стоял такой... Я быстренько убежала в душ.

Пошла забирать Васю. Встретила на выходе Илью.

Илья очень самостоятельный мальчик. Он сам ходит в школу, сам возвращается. Единственный из всего класса. Он не ляпает себе на рубашку оладьями за завтраком, не выходит из туалета с незаправленной рубашкой и расстегнутой ширинкой, быстро переодевается на ритмику и физру и половине мальчиков помогает завязать шнурки на кроссовках. Очень серьезный. Правая рука Светланы Александровны. На него смело можно класс оставлять – он за всеми присмотрит, приглядит. Потом отчитается по пунктам – кто что делал. Разговаривает со взрослыми, как с детьми неразумными. По-моему, он уже родился взрослым. Но мама Антона мне сказала, что у Ильи – два младших брата. Поэтому он такой самостоятельный. Не от хорошей жизни.

– Привет, – поздоровалась я, – лыжи были?

– Здравсьте. Конечно, были, – строго окинул меня взглядом Илья, – по погоде надо смотреть. Прогнозом интересоваться. А то потом начинается: «Ой, я забыл, ой, я не знал». Стыдно.

– Стыдно, – согласилась я.

Илья кивнул и потопал домой.

Этот мальчик как скажет что-нибудь, так хоть стой, хоть падай.

Дети носились по коридору после уроков. Илья чинно шел к раздевалке.

– Что ты орешь? – поймал он за руку одного мальчика. – Что, на базаре?

А когда Вася однажды потерял портфель, Илья глубокомысленно заметил: «Да, если бы у детей головы отвинчивались, они бы их давно потеряли...»

Как-то Илюша шел и разговаривал сам с собой: «Новую пачку бумаги для рисования сегодня взял. Всего два листа осталось. Тому дай, с этим поделись... что они, едят эту бумагу, что ли? Взял лист – нарисовал. Ничего сложного. Просят и просят...»

– Вась, тебя учительница ругала? – спросила я сына, когда он вышел.

– Нет, а почему она должна меня ругать? – удивился сын. – Знаешь, мама, мне так понравилось уроки прогуливать! Нас в классе пять человек осталось. И мы весь урок в геймбой и пи-эс-пи играли. А я еще с Настей болтал. И рисовал. И даже домашнее задание в прописях написал. Так что мне почти ничего не осталось дома делать. Давай всегда на физру не ходить!

– Нет, Вась, мы же договорились – в следующий раз идешь.

– Ладно, ладно, я понял. Прогуливаю через раз. Я уже и физрука предупредил.

3 февраля

Девочка, которая прикидывается девочкой, и ее пес-каратист

Сын пришел, сдерживая рыдания. Лег на диван, укрылся пледом и начал тихо страдать.

– Вась, что случилось-то?

– Ничего, – уронил он скупую слезу.

– Расскажи. Я же переживаю.

– Трое на одного! Это же нечестно! Они на меня накинулись! Просто так! Ни за что!

– Кто накинулся?

– Антон с Димой.

– А кто третий?

– Алиса!

– И что? Ты подрался?

– Нет! Не успел! Не смог! Опоздал! Я приготовил десять снежков, чтобы им отомстить, а их забрали! Все, завтра в школу не пойду. Никогда больше не пойду.

– Так, Василий, давай сначала рассказывай. Я ничего не поняла.

– Мы в снежки играли. И я случайно попал Алисе в лицо. А она на меня как накинется. А потом Антон с Димой накинулись. А Алиса меня снежком умыла. Вот, видишь? След остался! Травма!

На щеке действительно была маленькая царапина.

– Васенька, вы же с Антоном и Димой друзья. А с девочками драться нельзя.

– С другими нельзя. А с Алисой можно. Она знаешь какая? Как ты.

– В каком смысле?

– Она одна Антона поднять может. А если бежит, то сразу двух мальчиков опрокидывает.

– А что за Алиса такая? Я что-то не помню.

– Из параллельного класса.

– Все равно нельзя с девочками драться. С ними договариваться нужно.

– Мама, с девочками нельзя договориться. Бесполезно. Но с Алисой можно попробовать... Она только прикидывается девочкой. И собака у нее только прикидывается собакой.

Да, про эту собаку я слышу ежедневно. И даже видела. Только не знала, что она Алисина. В породах я ничего не понимаю. Но этот пес такой же, как был у Джима Керри в фильме «Маска». Зовут собаку Брюс Ли. Отзывается он также на Шварценеггера, Джеки Чана, Джима Керри, Ван Дамма и Турчинского. Даже непонятно, какое имя ему больше подходит. Зимой в комбинезоне пес похож на Шварценеггера в костюме губернатора. Комбинезончик жмет ему во всех местах, и выглядит это очень смешно. Когда он летит за палкой, то в полете отставляет лапу точно как каратист Джеки Чан. Он даже команду знает: «Карате» – и поднимает заднюю лапу, как каратист. Правда, я видела такой же трюк в исполнении другой знакомой собаки, и тогда это называлось «балет». Так вот, улыбается этот пес-каратист – один в один Джим Керри. Да, эта собака умеет улыбаться, точнее, скалиться. Ну а на Турчинского он похож в редком и недолгом состоянии покоя. Турчинским его окрестил как раз физрук. Только на Ван Дамма я не знаю, чем пес похож. Поскольку у собаки клички не собачьи, наверное, Вася поэтому решил, что пес только прикидывается псом.

Если Алиса сносит мальчиков на бегу, так же как ее собака сносит все на своем пути, то я этим мальчикам не завидую. И если у Алисы такие же бицепсы и икры, как у псины, то, пожалуй, Васю стоило пожалеть и отсоветовать давать сдачи – здоровье дороже.

– Я, мама, снежки в тайное место положил. Завтра им засаду устрою, – хлюпнул решительно сын.

– Ты же решил в школу не ходить...

– Нет уж. Пойду, закидаю их снежками и больше не пойду.

Но на следующий день Васин план рухнул. Алиса подошла к нему и сказала, что у него красивая шапка. То есть повела себя как самая-наипресеяная девочка. А потом взяла Васину шапку и отдала Брюсу Ли. Брюс Ли схватил ее зубами и стал мотать из стороны в сторону. Вася покатился со смеху. Он был совершенно счастлив: такой чести – отдать шапку на растерзание Брюсу Ли – еще никто не удостоивался. Вася с Алисой теперь боевые товарищи. Они друг с другом готовы идти в разведку. Они и ходят – на Антона с Димой. Брюс Ли их надежный

тыл. Когда эта троица появляется на школьном дворе после уроков, дети прикидываются деревьями.

Кстати, шапку пришлось выбросить.

5 февраля

Пугливый спринтер с медвежьей болезнью

Новостей много – Вася перескакивает с темы на тему. Я киваю, не пытаюсь разобраться в хронологии и действующих лицах.

«Антон и Лиза у нас главные запаздыватели. Они всегда после третьего звонка приходят. А те, кто после второго, – тоже запаздыватели. А еще у нас мальчик в классе есть, Сережа Боков, он очень пугливый. Вот учебник, например, упадет – Сережа вскакивает и бежит. А еще к нему на перемене можно подкрасться и сказать в ухо: «У-у-у». Он тоже сразу убегает. Мы его все пугаем. Мне завтра пакет целлофановый в школу надо принести. Я его надую и хлопну. Интересно, как Сережа испугается? Он даже школьного звонка боится. Светлана Александровна не знает, что с ним делать. Он даже ее голоса боится. Она говорит: «Сережа, сдавай тетрадь». А он убегает. Но больше всего он боится свистка. Физрук сегодня свистнул, чтобы мы строились, так Сережа рванул с места и убежал. Физрук его назвал пугливым спринтером. А кто такой спринтер? Светлана Александровна просит нас его не пугать и даже предупреждает: «Сережа, я сейчас к тебе подойду. Не пугайся». Или: «Боков, сейчас звонок будет, приготовься». Светлана Александровна сказала, что в нашей школе все должны учиться на четверки и пятерки. У кого будут тройки, во взрослую школу не перейдут. Мне надоело, что у меня все берут клей и ножницы. Из-за этих девочек я ничего не успеваю. Лучше бы с одними мальчиками учиться. А еще нам надо идти на представление. В школу приходили две женщины и приглашали в театр. Завтра билеты будут. Мама, мы пойдем обязательно. Все наши сказали, что пойдут. Это такое представление про кота Гарфилда. Там еще будут всякие фокусы и песни. Денег дашь? Да, я знаю, что тебе эти представления не нравятся. Но я подумал и решил – ты можешь не ходить. Довезешь нас с папой до нужного места и иди себе кофе пей. И жди нас. А мы с папой будем веселиться и все смотреть. А ты будешь волноваться – где мы застряли, почему не идем?»

Судя по тетрадям, у Васи сегодня был день проверочных работ сразу по всем предметам. Хорошо, что он еще этих дней не научился

бояться и прикидываться смертельно больным. Впрочем, пока их и не предупреждают о проверочных, чтобы не успели испугаться. По математике Вася получил «четыре» – не смог решить пример, в котором надо было посчитать летучих мышей. Там одни улетали, другие прилетали... Вася всех отнял, чтобы не мучиться, а не сложил. Проверочная – на отдельном листочке. Таких листочков у сына в портфеле оказалось три. И главное, во всех одна и та же ошибка и соответственно одна и та же оценка.

– Вася, а какой из этих твой? – обалдела я. Просто я их собираю и сохраняю на память в отдельной папочке.

– А выбирай, какой тебе больше нравится. Они же одинаковые, – разрешил ребенок.

– Нет, но судя по почерку, вот этот твой. Или вот этот, – начала сравнивать я, – а эти чьи?

– Да не помню я. Вот этот мне Настя на память подарила. А этот я не знаю.

– Ладно, но ты верни неопознанный листочек учительнице.

– У нее и так этих листочков завались. Весь стол. Зачем ей еще один?

– Хорошо, тогда я его выброшу.

– Нет, нельзя. На память оставь. Светлана Александровна говорит, что это результат наших трудов, а ты его в мусорку хочешь!

– А почему у вас у всех одна и та же ошибка? Вы что, списывали друг у друга?

– Нет, советовались. Я дал плохой совет. Хотя у Насти совет был еще хуже. Светлана Александровна сказала, что она – заячья подруга.

– Чего?

– «Чего-чего»! Ну это когда ты говоришь кому-то неправильно и тот, кому ты подсказываешь, получает плохую оценку.

– Медвежья услуга это называется.

– Точно. Это понос – я знаю.

– Какой понос?

– Ну мама! Я когда был у бабушки в деревне, мы в заповедник ходили, и там главный лесник рассказывал про медведя.

– Понос – это медвежья болезнь, а услуга – это ваш случай.

– Бедный медведь. А почему его именем все называется?

– Не помню. Не знаю, – замямлила я.

– Садись, два! – воскликнул радостно сын.

Еще они писали диктант. Вася получил «три-пять». «Три» – за грамотность, «пять» – за разбор предложений.

– Тройка – это плохо. Ты разве не знаешь, что имена пишутся с большой буквы?

– Знаю, конечно. Мам, я вообще не понял, почему две оценки.

– Потому что «три» за ошибки, «пять» – за теорию.

– Ну и поставила бы сразу «четыре».

– Нет, смысл в том, чтобы ты понял – за что тройка, за что – пятерка.

– Ой, да ладно, все равно Светлана Александровна говорит, что у меня голова светлая. Только она так и Антону говорит, а у него голова – черная.

– Вася, светлая голова – это не цвет волос, а содержимое головы. Светлая, значит, умная, сообразительная.

– А у кого рыжие волосы, у того какая голова?

8 февраля

Такой футбол нам не нужен

– Мама, это не физкультура, а цирк, – заявил Василий. – Лыж не было, но был футбол! И знаешь, как мы играли? Так никто не играет! Одиннадцать девочек против шести мальчиков! Кто так играет? Скажи мне, кто? Эти девочки бегают туда-сюда и толкаются. Финты делать не умеют, что такое пас не знают. Мы им восемь голов забили, а они даже не расстроились. Вот если бы нам восемь голов забили, мы бы очень расстроились.

– И чего ты возмущаешься?

– Так наш учитель по физкультуре – он же мальчик – расстроился за девочек. И стал играть в их команде. И сразу нам три гола забил.

– И кто победил?

– Мы, конечно. Восемь-три. Но физрук – он же учитель. Вот Антон хотел ему подсечку сделать и не попал. Сам свалился. Мы втроем у него мяч пытались отнять – Антон держал за футболку, а мы с Димой отнимали. Нет, я в такой футбол играть больше не буду.

– А ты знаешь, что есть женские футбольные команды?

– Знаю. Так они же девочки с девочками играют. Вот и пусть играют. Бегают, визжат и толкаются. С мальчиками им нечего делать. Их только физрук может спасти. Они даже не понимают, что руками играть нельзя. Три пенальти мы били. Три! А они все равно руками играют. А наша новенькая девочка – она вратарем была – вообще мяча боится. Он летит, а она не ловит, а отскакивает.

– У вас новенькая девочка в классе? И когда она пришла?

– Ну, не помню, через неделю после нас. Тогда, еще вначале.

– Какая же она новенькая? Она старенькая. И как ее зовут?

– Не знаю. Ее все новенькой называют. Она вообще странная какая-то.

– Почему?

– Ну вот мы рисовали, что хотели. Так она нарисовала на весь лист сердечко. А наверху – трактор. Где она видела, чтобы трактор в небе летал? Где?

– Может, это облако в форме трактора?

– Сама ты, мама, облако. Ты что, тоже новенькой была?
– Была. Несколько раз.
– И такая же странная?
– Наверное. Ты мне лучше скажи, почему у тебя опять тройка по русскому?
– Потому что у меня по математике пятерка.
– Какая связь?
– Никакой. Кстати, у нас Никита болел, а его мама не приходила за домашним заданием.
– И что?
– Ты тоже не приходи, когда я заболēju.
– Ладно, садись делать уроки.
– Нет, не сейчас! Я еще поиграть не успел!
– Сейчас, потом нужно будет на тренировку собираться.
– Нет, не хочу сейчас!
Как мне это надоело, если бы кто знал! Буду – не буду.
– Вася, всему свое время. После тренировки уроки поздно делать. У тебя есть сейчас сорок минут. Садись и быстро все сделай!
– Нет, не хочу.
– Тогда вечером не будешь смотреть мультики.
– Ну и пусть. Не буду.
– Вася, вечером ты будешь кричать, что хочешь смотреть мультфильмы.
– Это будет вечером.
– Сколько можно? Почему ты все время споришь? Уже давно бы сел и все сделал. Больше времени на разговоры тратим.
– Ты же работаешь по вечерам, когда я спать ложусь, почему я не могу поздно делать уроки?
– Потому что у тебя голова будет болеть.
– Не будет.
Это замкнутый круг. Я произношу гневные речи – про то, что сын уже взрослый и должен уметь рассчитывать свое время. Сыплю любимыми сыном пословицами: «Сделал дело – гуляй смело», «Делу – время, потехе – час». И что? И ничего. Не буду, и все.
Я не знаю, как он соображает в школе, но дома сын не соображает. Особенно тяжело с тетрадью по математике – с уже написанными заданиями, «на печатной основе». Вася не понимает, что от него хотят.

«Начерти отрезок короче данного на два см».

– Мам, я не понимаю, – зовет он.

– Начерти на два сантиметра короче этого, – перевожу я.

– А где?

– Под ним.

– Точно?

– Точно.

Мне так все равно, где он начертит – хоть сбоку. Но в школе другие требования – надо отступать от полей на две клеточки, а не на три. Не делать больших пропусков в тетради. У Васи вся тетрадь – в вопросительных знаках на месте пропусков.

9 февраля

Педикулез, или Как наслать на родителей санэпиднадзор

Ребенок опять принес домой вшей! Мало того, еще целый день скандалил – уроки делать не буду, ошибку исправлять не буду, читать не буду, вообще ничего не буду. Экспроприировала геймбой. Вечером намылила ему голову специальным шампунем и велела сидеть ровно, руками голову не трогать, к диванной подушке не прислоняться. Заодно решила ногти сыну подстричь. Но у Васи зачесалась голова. Отложила ножницы, стала чесать. Все, больше не чешется. Помыла руки и опять взялась за ножницы. Вася, пока я бегала в ванную, успел-таки прислониться к подушке. У него опять все зачесалось. Я начала тихо подвывать. Отложила ножницы, сижу – чешу ему голову.

– Левее, правее, нет, сюда немножко, выше, мама, я говорю левее, а не правее, – командует ребенок.

В этот момент – звонок в дверь. Муж пришел. Я с мыльными руками, Вася кричит, что у него опять чешется...

– Что это такое? У нас что – война? Мы – в окопах? Иди срочно в школу! – закричал муж, оценив мизансцену. – Пусть они школу на карантин закрывают, пусть проводят дезинфекцию, пусть найдут того ребенка, от которого это идет! Нет, надо менять школу! Найти такую, в которой нет вшей! Вы какое полотенце брали? Надо все прокипятить!

– Может, сразу все сжечь? – пошутила я.

– Ура! – поддержал ребенок. – И тетради, и мой портфель! Нет, портфель не надо, он мне нравится.

– У нас еще есть этот шампунь? Что-то я тоже чешусь, – сказал муж.

– Ты же только вошел.

– Я Васю в школу отводил! А у тебя голова не чешется?

– Нет.

– Помой для профилактики.

– Сомневаюсь, что вши поддаются профилактике. Это же не грипп.

– Нет, в школу надо сообщить. Второй раз за год!

– Мама, давай смывать, у меня тут в глаз попало! – закричал Вася.

– Надо что-то делать. Так нельзя это оставлять, – заладил муж.

Пришлось пересказать ему, что говорили на общешкольном собрании.

Выступала врач. Сначала говорила о проблеме гриппа и необходимости прививок. Мол, все понимаем, поликлиники, врачи частные, центры медицинские, но принесите хоть карту нам для отчетности. Все кивали и слушали без особого интереса.

– А теперь давайте поговорим о проблеме педикулеза, – сказала врач, и все оживились, – такая проблема есть. Я вас сейчас научу распознавать вошек. Если волосы светлые, то вошка темная, и наоборот. Если вы стряхиваете волосы и гнида не падает, то стоит обратить на нее внимание. Значит, это не перхоть. Вот купаете ребеночка – смотрите вошек. Мы тоже смотрим – от родителей сигналы поступают. Тактично смотрим. Детки же они смышленные. Мы же никогда не скажем, что что-то нашли. Вызовем из класса под любым предлогом. Всегда стараемся, чтобы аккуратно было. Но вы, родители, тоже нам помогите. А то ведь вот какой случай был. Бабушка одного мальчика написала жалобу. В санэпиднадзор. Санэпиднадзор пришел и нас оштрафовал. А протокол составил на ребеночка. Разве ж так можно? И вам, и нам неприятности. Ну, нашли вошку, подойдите, скажите тихонечко. Мы вашего ребеночка почаще посмотрим. А то сразу жалобу. Бабушка та говорит: «Доктор, я вас посажу». И ведь бабушка такая приличная с виду. Теперь любой может доктора посадить. Но ведь мы с вами одна большая семья. Зачем же сажать члена вашей семьи? Я старый доктор, многое видела. Но такого никогда не было. Так вот, мы смотрим деток по графику. После каникул обязательно. Сегодня лично все головы пересмотрела. Ни одного случая не выявлено.

– А почему вы школу не дезинфицируете? – встала с места одна родительница. – А если в классе три-четыре случая? Надо же как-то мыть?

– Мы моем, и раздевалки, и коридоры. Все делаем.

– Так, может, на карантин закрыть? – спросила другая мама.

– Если пятнадцать случаев выявлено, то тогда закрываем.

– Тогда надо чаще обрабатывать! – крикнул с места папа.

Завязалась дискуссия. Врач рассказывала про графики и приказы.

– И что с тем мальчиком стало? И я не поняла про протокол, – тихо спросила меня мама, сидящая рядом.

– А что такое педикулез? – повернулась к нам другая родительница. Совсем молоденькая. Испуганная. – Я ничего не поняла, о чем она говорит.

– Я из «Артека» вшей привезла, – подключилась к нашему шепоту еще одна мама.

– Да раньше детям головы уксусом мыли. В советское время такой проблемы не было, – сказала бабушка.

– Что вы такое говорите? Всегда было. И никаким уксусом не мыли.

– Если вы считаете, что мы поступаем не деликатно, – продолжала тем временем врач, – то вы не правы. Мы, между прочим, имеем право вызвать вам на дом санобработку из ДЭЗа. Мы же этого не делаем. А вы даже не представляете, что это такое. И потом – ну ничего такого страшного. Каждый год бывают эпидемии. То мыши разводятся, то крысы, то тараканы, теперь вот – вши. На следующий год еще кто-нибудь разведется.

– Что, у них мыши в школе бегают? – спросила шепотом мама рядом со мной. Ей никто не ответил.

Вот все это я и рассказала мужу. Он кивнул и больше не требовал что-то делать. Видимо, испугался ДЭЗа с доставкой на дом или решил, что вши – меньшее зло по сравнению с мышами.

25 февраля

Народный хорал

Позвонили из родительского комитета. Спрашивали, нужно ли нам классное родительское собрание. Я сказала «да», потому что варианта «нет», судя по голосу звонившей бабушки, не предполагалось.

Ничего не могу с собой поделатъ – волнуясь, хотя волноваться должен был Вася. Тот, наоборот, был настроен решительно.

– Мама, скажи Светлане Александровне, что эти девчонки мне надоели.

– Какие девчонки?

– Все. Они меня замучили.

– Чем же?

– Все время все болтают, говорят всякие глупости и пристают. Надоели.

– Ладно, я пошла.

Собирались тяжело и долго. Светлана Александровна проверяла тетради и с каждой минутой мрачнела. Я ее понимаю. Вставать ни свет ни заря, а времени уже полседьмого. Родители вряд ли разойдутся раньше восьми. Еще кто-нибудь задержится, чтобы в индивидуальном порядке спросить: «Как там мой?» Я забила на Васину последнюю парту и уткнулась в учебник по развитию логики. Из трех задач решила одну. И ту – чисто случайно.

– Так, давайте начинать, – встала из-за стола Светлана Александровна. Ее тон не предвещал ничего хорошего. Я сползла поглубже под парту. На всякий случай.

– Вот так вы относитесь к вашим детям. – Светлана Александровна грозно обвела взглядом собравшихся. Нас сидело человек восемь. – Вот и дети так же на уроки ходят. Два дня ходят, неделю – нет. Все, без справки от врача пускать не буду! У нас же темы новые. Сумма, разность, числительные. Я же не могу на одном месте топтаться.

– А разность – это что? Я уже не помню, – спросил тихо папа.

– Это вычитание, – подсказала ему мама.

– Значит, что я хочу сказать – все плохо. Конец первого класса, – продолжила Светлана Александровна, – осталось учиться два месяца. На следующей неделе начинается русский язык. По математике переходим на второй десяток. А как мне все это начинать? Скажите! Половина класса читают по слогам. Все, ну почти все считают на пальцах. У них от зубов уже должно все отскакивать, а они еще думают. Месяц висят карточки – «ча-ща», «чу-щу». И что? Пишут через «я» и «ю». Про «жи-ши» я вообще не хочу вспоминать. Сколько можно писать «шишка» через «ы»?

– Что, все? – пискнула со второй парты мама.

– Все! – отрезала Светлана Александровна.

Мама опустила голову.

– А что делать с тестами? Ведь элементарного не знают. У нас олимпиады пойдут. А они не знают, кто написал «Красную Шапочку».

– Андерсен? – спросил с места тот папа, что не помнил про разность.

– Сами вы Андерсен! – окончательно разозлилась Светлана Александровна.

Мы все с ухмылкой посмотрели на этого папу.

– Я знал, просто забыл. После работы же, – оправдывался он.

– Учите авторов и произведения! Так, пошли дальше. Портфели не собраны! Что это такое? Спрашиваю: «Где твоя тетрадь?», и что, вы думаете, они мне отвечают? «Мне мама не положила!» Научите их собирать портфель! Вот у нас тут Катя сидит. Она же не канцелярский магазин! Да, у нее всегда все есть про запас. Но пол-урока – «дай линейку, дай карандаш!». Куда это годится? Да, и на нас все жалуются – самый недисциплинированный класс. Пока не забыла – сейчас прочитаю список хорошо танцующих детей. Они будут танцевать на празднике танец ромашек.

Ромашкой нас не выбрали. Я совсем поникла.

– Вот что я вам скажу. В классе нет ни одного отличника. Если с математикой хорошо, то с русским плохо, или наоборот. Вы работаете, времени нет. Но если бы вы посидели с ребенком первый класс, во втором было бы легче. А вы будете пожинать плоды. Я даже думать боюсь, что будет во втором классе с успеваемостью! Там же таблица умножения!

– Я начиная с шести уже не помню, – сказала мама, сидящая передо мной, – придется учить?

Светлана Александровна ее услышала.

– Да, придется. А вы как хотели? Всю школу дважды два – четыре? А дециметры сейчас пойдут...

– Это по физике? Не рановато ли? – сделал еще одну попытку папа, получивший «два» за разность и Андерсена.

– Нет, это по природоведению, – пошутила одна мамаша. Вот подлиза.

– Так, еще один вопрос, – посмотрела в листочек с записями Светлана Александровна, – нужен номер к Восьмому марта. Ребенок с родителем должен выступить вместе. Есть желающие?

Желающих не нашлось.

– Вот в другом классе и на гитаре мама играть будет, и сценку по ролям разыгрывать, а у нас желающих нет! Что, никто на гитаре играть не умеет?

– Я на пианино могу. Собачий вальс, – сказал неугомонный папа-двоечник.

Все посмотрели на него уже с жалостью.

– Вот рисунки задавала на каникулы, – нарушила тягостное молчание Светлана Александровна, – шесть человек сдали.

– А нужно, чтобы ребенок сам рисовал или родители могут помогать? – спросила еще одна мама.

– Можете помогать, конечно. Но вот смотрите – вдруг ваша девочка попадет на конкурс...

– Это вряд ли, – сразу же оговорила мама.

– На школьный, потом на районный и пошлют на городской... И отправят ее участвовать. Там ее посадят и скажут: «Рисуй». И что она нарисует? Так что смотрите...

– А вот скажите, как бы нам наладить информационный обмен? – взял слово папа, которого я раньше не видела.

– Нет, лучше скажите, как объяснить, какую цифру в квадратик писать, если одна пропущена? – спросила с задней парты бабушка.

– Нет, – перебил ее папа, – про информационный обмен сначала. Был конкретный случай – отменили урок, и мой Гоша плакал, потому что не увидел бабушку.

– А чё он плакал? – не поняла бабушка с задней парты.

– Потому что он чувствительный мальчик и не бегаёт после уроков, как некоторые, – терпеливо объяснил папа.

– А то пусть бы побегал. На воздухе. Все бегают, – недоумевала бабушка. – Бабушка-то ваша небось моя ровесница. Так я вам расскажу: пока с больными ногами до школы дойдешь, а еще назад идти... Вы вон молодые и то за сердце хватаетесь, а мы? Нам что – в гроб ложись и помирай?

Папа закатил глаза.

– При чем тут гроб? Вы вообще о чем? У нашей бабушки ноги не болят, – сказал он.

– Скоро заболят. Не ноги, так сердце, не сердце, так давление.

– Ой, подождите вы со своими болячками, – возмутился папа, – меня интересует, почему в школу перестали пускать?

– Про болячки ему неинтересно, – буркнула бабушка, – мой зять такой же – эгоист.

– В школу пускают по предъявлению паспорта, – объяснила Светлана Александровна, – перепишут ваши данные, и проходите.

– А если я не хочу показывать свой паспорт?

– А вам есть что скрывать? – подключилась к разговору мама рядом со мной.

– Дело же не в этом! Я предлагаю написать коллективную жалобу директору. Пусть прекратит этот беспредел. Почему я должен отчитываться перед этим охранником? У него вообще четыре класса образования.

– А ты больно грамотный, как я погляжу, – перестала сдерживаться бабушка, – жалобу он напишет. Да я сейчас тебе такую жалобу устрою. Правда, женщины? – Бабушка оглядела родительниц. Мы закивали головами.

– Нет, когда собирается больше четырех человек, собрание превращается в народный хорал, – завелся папаша.

– Сам ты хорал! – уже кричала бабушка.

– Все это сделано из соображений безопасности, – взяла слово активистка родительского комитета. Светлана Александровна погрузилась в проверку тетрадей.

– У нас демократическая страна. Так давайте пользоваться нашими законными правами. – Папа уже встал и повернулся лицом к собравшимся. – Я предлагаю решить вопрос конструктивно. Давайте

сделаем личные пропуска с фотографиями детей и родителей. Не пропускать в школу – прямое нарушение основных прав и свобод человека.

– Ты что, на работе не наговорился, соколик? Тебе больше пообщаться не с кем? Иль тебя никто больше слушать не хочет? – ласково спросила бабушка.

– С вами я вообще не собираюсь поддерживать беседу, – отрезал папа.

– Знаете, такие правила действуют и в других школах, – сказала активистка, – и в Америке жесткая система.

– Меня не интересуют другие школы! – сорвался на нервный фальцет папа. – И не надо рассказывать мне про Америку! Вы там хоть были? Вы вообще, кроме Турции, что-нибудь видели?

– А вот это вы зря, – сказала активистка и посмотрела как-то недобро.

– Ну, вспомните «Норд-Ост», Беслан, – тихо сказала еще одна мама. – Показать паспорт не так сложно.

– Ой, начинается, дешевый популизм, – вздернул плечами папа, – я говорю о том, что мой Гоша плачет, когда бабушка не может его встретить в раздевалке. И хочу это решить.

– Так, может, ему валерьяночки попить? – сказала бабушка. – И тебе заодно?

– Женщины, вас это интересует, или мы сменим тему? – спросила активистка.

Папа встал, сдвинув животом парту, и, оскорбленный, пошел на выход.

– Пятьсот рублей на охрану сдайте! – крикнула ему вслед активистка.

– А что здесь за стих лежит на парте? – спросила мама передо мной. – Его надо выучить? Когда сдавать?

– Два дня назад, – оторвалась от тетрадей Светлана Александровна.

– А я ничего не знала, – расстроилась мама.

– А я Лену спрашивала, почему она стих не выучила, – сказала учительница. – Она сказала, что у нее времени не было.

– И чем же она была занята? – спросила мама Лены.

– Это вы у меня спрашиваете? – удивилась Светлана Александровна.

Собрание подошло к логическому концу. Все стали сдавать деньги и подходить к учительнице для личной беседы.

– Что, совсем плохо? – спрашивала родительница.

– Совсем, – отвечала Светлана Александровна, и родительница отходила понурая.

– Хотя что-то отвечает? – спрашивала следующая.

– Если спросишь – отвечает. И то неправильно, – выносила приговор учительница.

– Скажите мне что-нибудь хорошее, – подошла я, когда дождалась своей очереди.

– Он у вас математик. Не гуманитарий. По русскому тройки.

– Странно.

– Вот и я удивляюсь. Ничего, дойдем до дециметров, там посмотрим, может, и не математик, – обнадежила меня учительница.

– И все? Совсем больше никаких знаний?

– Ну, он единственный знал, кто построил Санкт-Петербург, – сказала, подумав, Светлана Александровна.

26 февраля

Теория вероятности в действии

Не удержалась и устроила сыну проверку знаний, помня о вчерашнем позоре.

– Вася, кто написал «Красную Шапочку»?

– Ты?

– При чем тут я?

– Ты все пишешь и пишешь, за это время могла и «Шапочку» написать.

– Вася, подумай, ты же знаешь, – заламывала я руки.

– Пушкин?

– Нет, зарубежный писатель.

– Не знаю.

– Знаешь. Подумай. Вспомни.

– Не помню.

– Шарль Перро.

– Да? – искренне удивился Вася.

– А кто придумал Чебурашку? – сделала я еще одну попытку.

– Пушкин?

– Нет, не Пушкин.

– Шишкин?

– Какой Шишкин? Вася, нет такого писателя. Точнее, он есть, но не детский и вы вряд ли будете его в школе проходить.

– А почему тогда его портрет висит?

– Это портрет художника. Он картины рисовал. А кто Чебурашку придумал?

– Шарль Перро?

– Васенька, ты издеваешься? Успенский, помнишь?

– Нет, не помню.

– А кто про старика и золотую рыбку написал?

– Успенский?

– Нет. Вася! Не пугай меня.

– Шишкин?

– Сам ты Шишкин. Пушкин написал!

– Мама, ты издеваешься, что ли?

– Это ты издеваешься. Ты в четыре года знал больше писателей, чем сейчас.

– У меня в четыре года мозги были моложе. Скоро я вообще ничего помнить не буду.

– Ладно, а кто написал «Винни-Пуха»?

– Мам, скажи сама, а то время теряем.

– Алан Милн.

– Чё?

– Ничё!

– Дисней.

– Что – Дисней?

– Не знаю. Просто Дисней. Не подходит? Я вспомнил случайно.

– Дисней мультик создал. И не он сам, а его студия.

– Ну вот. Значит, я угадал.

– Надо знать, а не гадать!

– Нет, мама, есть такая теория, не помню, как называется. Короче, можно угадать правильно.

– Нет такого слова – «короче». А теория называется вероятности. Кто написал сказку о мертвой царевне и семи богатырях?

– Пушкин.

– Правильно.

– Теория вероятности в действии.

– О Боже!

28 февраля

Девочки совсем ку-ку

– Мама, а ты знаешь, что есть такой праздник, когда только девочек поздравляют? – сказал мне мой сын-первоклассник Вася. – Приходи в пятницу в школу к третьему уроку – я тебя вместе с девочками поздравлю.

– И что вы будете делать?

– Я точно не помню. Но учительница сказала, что надо поздравить мам, бабушек и девочек. Открытку сделать красивую и рисунок. Сделаешь?

– Я?

– Ну да. Я же сам не смогу всякие цветочки клеить и бабочек из бумаги рисовать, как нам сказали. Я же мальчик.

– Но рисунок хоть сам нарисуешь?

– Мама, ты подумай. Я что тебе нарисовать могу? Рыцарей, сражение, дракона.

– Хорошо.

– Нет, для праздничного рисунка плохо. Нам учительница по изо сказала, что нужно маму нарисовать. Красивую. А тебя я рисовать не могу. Ты же не рыцарь.

– Ну, нарисуй солнышко, дом, дерево...

– Мама, я что – младенец?

– А девочек вы как будете поздравлять?

– Так же, как они нас на Двадцать третье февраля.

Всем мальчикам тогда подарили пеналы и календарики, что они расценили как плевков в душу. Девочки читали стихи. По очереди. Несколько девочек забыли на партах напечатанные листочки со своими словами, и за них пришлось читать учительнице. А Лиза, у которой был самый главный и самый большой кусок текста, вообще заболела.

– Мам, может, вообще не пойдем в школу на этот праздник? – подумав, спросил Вася. – Там делать будет нечего. Физру же отменят. А что там делать без физры? Да и еще учительница велела тебе подумать.

– О чем?

– Понимаешь, там нужен номер для концерта. Чтобы ученики вместе с родителями выступали. Например, ты играешь на гитаре, а я пою. Или наоборот.

– Но ведь ни ты, ни я не умеем играть на гитаре!

– Вот и я про то же. Значит, мы подумали и решили, что не будем участвовать. Я так и передам.

– Подожди, подожди. Но мы можем на фортепиано сыграть в четыре руки.

– Да, только отбирать номера для концерта будет учительница музыки. Ты думаешь, ей понравится, как мы с тобой играем «У козы рогатой»? – с явным намеком на неминуемый позор спросил Вася. – Та мама, которая на гитаре умеет, про ежика с дырочкой в правом боку сыграет. А их папа будет свистеть. Наш папа будет свистеть про козу?

– Боюсь, что не будет.

– Вот и я так думаю. Ну все, мы решили – я тебя рисовать не буду, открытку ты мне для школы сделаешь, коза в полете, в школу не идем. Отлично мы, мама, с тобой придумали!

– Вася, что значит «в полете»? Кто так говорит?

– Учительница по танцам учительнице по музыке. Нас отбирали для танца ромашек. Кого не взяли – те в полете.

– А тебя взяли?

– Нет, конечно. Какая из меня ромашка? Никакая! – Вася не скрывал своего счастья.

– Скажи прямо – ты не хочешь поздравлять девочек?

– Не хочу. Потому что эти девчонки – совсем ку-ку. – Вася покрутил пальцем у виска.

5 марта

Пицца для мозга

– Вася, садись делать уроки, – прошу я.

– Не сейчас. Я сейчас занят, – отвечает сын.

Невозможно засадить ребенка за уроки. При этом он раскусил, что если сидит и валяет дурака, то я начинаю злиться, а если занят делом – то с уроками можно подождать. Сын рассматривает энциклопедии, собирает магнитный конструктор – не придерешься. А тут неудачно плюхнулся на диван и ударился головой об стену. Звонко и больно.

– Не могу уроки делать, у меня голова болит, – сказал он мне.

– Уже прошла давно.

– А ты попробуй так стукнуться, а потом садись работать. Много ты напишешь? – обиженно заявил ребенок.

Мне в последнее время тоже работать не хочется, о чем я всем сообщаю. Лежу на диване и читаю книги. Вася делает то же самое. И говорит, что у него тоже «не пишется» русский. Тогда, после удара головой, я ему разрешила не делать уроки. Жалко все-таки. Так на следующий день Вася занялся членовредительством. Шел по коридору и вмазался плечом в угол.

– Рука болит. Писать не могу, – доложил он.

– Ты же левой ударился, а пишешь правой, – не поддалась я.

– А, понятно, – понял свой просчет сын, – значит, надо правой.

Вася пошел по коридору, вдруг вскинул руки и шлепнулся на попу.

– Ой, ай, моя рука, – схватился он уже за правую руку.

– Вася, перестань, ты же на попу свалился. Я видела.

– Жаль, – сказал сын, бодренько вставая, – я, между прочим, есть хочу.

– Ладно, пойдем, накормлю. А после этого – уроки.

– Хорошо.

Вася съел две котлеты с картошкой, салат, выпил сок.

– Что-то я не наелся, – заявил он.

Принесла булку. Вася съел булку.

– А яблочко?

Принесла яблоко. Съел яблоко.

– Все? Наелся?

– Нет. А что еще есть?

– Вася, ты сейчас лопнешь.

– Нет, не лопну. Хочу греночек.

Принесла гренок. На второй гренке сын сломался.

– Нет, мама, я решил, что это не выход.

– Какой выход?

– Ну, есть, чтобы уроки не делать. Не могу больше.

– Конечно, не выход. Иди уроки делай.

– Не могу. У меня мозг пищу переваривает. Я отупел.

– Вася, ну сколько можно? Почему как делать уроки, так проблема?

– Это у всех так, мам, – философски заметил сын.

– Я не хочу, как у всех. Я хочу, чтобы ты быстро делал уроки и получал хорошие отметки.

– Мама, это же скучно. Нам с тобой тогда и поговорить будет не о чем.

7 марта

Мальчик-колокольчик

Все, у меня проявился синдром обиженной родительницы. Я уверена, что Васе занижают отметки. Например, уравнение он решил правильно, а записал не так, как нужно. Ставят «четыре». Или по русскому. Да, не может ребенок написать «класная работа» с двумя «с». Да, я понимаю, что уже в двадцатый раз не может. Но ведь он же исправляет. Ему вообще нравится искать ошибки и исправлять их. Наверное, это моя вина. У нас игра такая – я пишу слова неправильно, а он ищет ошибки и ставит мне оценки. Так мы выучили написание «чн», «чл» и мягкого знака. Так вот в тетради он тоже пишет сначала неправильно, а потом исправляет. Вся тетрадь в зачеркиваниях. За это ему ставят в лучшем случае тройку. Конечно, сложно прочитать, что он там понаписал, если не видеть перед этим текста в учебнике. Но я это списываю на почерк. Мой почерк тоже никто расшифровать не может.

Или в проверочной Вася делает даже то, что не нужно, – не только чертит отрезки, а еще и решает, насколько один больше другого. А это ошибка. Никто же не просил вычислять, просили только начертить. Две поправки – четверка. А у нас их пятнадцать. Ну и что? В общем, я считаю, что оценки нам снижают ни за что. И вообще Вася самый умный. Муж сказал, что это несправедливо и нужно идти к учительнице разбираться. Иногда мне кажется, что он в школе не учился.

Зато у Васи обнаружилась фотографическая память. Им задали выучить наизусть стихотворение «Весна недаром злиться». Вася прочел его два раза и рассказал без ошибки. А я поняла, что старею – память ни к черту. Вася заставил и меня учить, а потом исправлял ошибки. На третьем куплете меня заклинило.

– Вася, я не помню, – призналась я.

– Да, мама, тяжело тебе жить с такой памятью, – пожалел меня сын.

Вечером муж на радостях подсунул сыну Пастернака – «Снег идет». Вася прочел, но учить отказался. Муж расстроился.

А еще они готовятся к празднику прощания с букварем. Вася сказал, что он ничего делать не будет, а только звонить в колокольчик. Потому что ему не дали петь песню, читать стихи и танцевать. Причем он совершенно не расстроился. Даже обрадовался.

– А ты в школе что делала? Тоже в колокольчик звонила? – спросил Вася меня.

Свой праздник букваря я хорошо помню. Надо было дома сделать корону из картона на голову. Мне досталась буква «К». Делать должна была мама. Маме корона никак не давалась. Буква «К» была похожа на что угодно, только не на букву. А я хотела красивую, яркую. А мама мне сделала кривенькую, косенькую и зеленую – другой краски в доме не нашлось.

А еще нужно было выучить любой детский стих. Маме было неинтересно учить про первую учительницу или первую книжку. Поэтому она выучила со мной Есенина «Дай, Джим, на счастье лапу мне». Я прочитала стих, поправляя корону, которую мама закрепила мне на голове с помощью канцелярской скрепки, а в конце залаяла и завыла на луну, как Джим. Хлопала мне только моя мама. Собственно, это ее была идея – полаять в конце. Чтобы добавить драматизма. Поскольку все сидели с застывшими улыбками и молчали, я решила, что выступление не закончено и надо заполнить паузу. «Есенин пил и гулял, – громко сказала я, – у него было много женщин. Без этого стихов не напишешь. Одна из них – балерина Дункан – умерла. Ее шарф попал под колесо кареты, и она задохнулась. Это стихотворение про собаку. Некоторые люди любят собак больше, чем людей. Их можно понять. Люди – сволочи». Я поклонилась, потеряв корону, и медленным шагом спустилась с лестницы. Про Дункан и людей-сволочей мне мама рассказала. Так, для общего развития. Ярче меня выступил только мой одноклассник Женька, который одновременно бубнил стих, ковырял в носу и переминался с ноги на ногу, потому что хотел в туалет. И все гадали – успеет он стих добубнить или нет. Не успел – на середине куплета убежал за кулисы.

В общем, после того праздника мне не доверяли выступать с сольными номерами. Зато ставили объявлять, чему я была очень рада. Не нужно ходить в дурацкой короне, а можно завязать огромные банты. Я себя ощущала главным человеком на концерте – у меня была специальная красная папочка, в которой была записана очередность

номеров. Мне казалось, что все зависит только от меня – если объявлю, то они выступят, а если не объявлю, то нет. Кстати, мои одноклассники считали так же и подхалимничали напропалую, что добавляло мне радости.

Может, Вася тоже сказал что-то не то, после чего его назначили мальчиком-колокольчиком?

Да, тут выяснилось, что на музыке его просят не петь. Он не поет, а гудит. Это очень странно, потому что Вася занимается музыкой два раза в неделю и слух у него, если верить преподавателю по музыке, абсолютный. Дома Вася поет чистенько, а в школе гудит. Все на одной ноте. А еще он сказал учительнице, что она фальшивит, когда играет. Заявил уверенно. Боюсь, что он был прав, но учительнице было, наверное, не очень приятно. С урока его выгнали в два счета. Если так пойдет дальше, то мы в школу не будем ходить. До этого его выгнали с дополнительного урока развития логики. Что он там заявил – не знаю, а Вася не признается.

14 марта

«Знинае сали»

Вчера вечером, часов в семь, Вася сказал, что завтра у него праздник – прощание с букварем. Родители приглашены.

– Мне нужен колокольчик, – сказал Вася, – я же буду звонить. Учительнице я сказал, что у нас есть.

Колокольчик у нас был, но Вася так активно им пользовался, что у него отвалилась эта фиговина, которая звонит. Язычок.

– Вася, он же не звонит, – сказала я сыну.

– Надо найти колокольчик. Я же не могу без него, – строго сказал Вася таким тоном, что было понятно – вынь да положь ему колокольчик, – а еще мне нужны костюм и галстук. Учительница велела.

Я выпучила глаза.

– Она сказала, что хотя бы галстук, – добавил сын.

Позвонила мужу на работу. Звоню я ему редко, поэтому он испугался.

– Что случилось? – спросил он.

– Нам срочно нужны галстук и колокольчик, – сказала я таким тоном, что мужу стало сразу понятно – вынь да положь.

– Но я не могу прямо сейчас, я на работе, – замямлил муж.

– «Детский мир» работает до девяти. Успеешь.

– И где я там колокольчик буду искать?

– Спроси у продавщиц.

– Вообще-то Олег собирает колокольчики. Может, ему позвонить?

Олег – друг мужа. Он-то и подарил нам колокол из своей обширной коллекции.

– Нам нужно к завтрашнему дню.

– А почему ты раньше не сказала?

– Потому что только что об этом узнала.

Муж выдохнул и сказал, что сделает все возможное.

Весь вечер я обзванивала знакомых и спрашивала, нет ли у них случайно под рукой колокольчика. Знакомые дружно тупели. Первый вопрос: «Какого колокольчика?» Приходилось объяснять, что это такая

штука, которая звонит. Второй вопрос: «А тебе зачем?» Я рассказывала, что Вася у нас на празднике мальчик-колокольчик, только без колокольчика. Знакомые офигевали окончательно и говорили, что чего-чего, а колокольчика нет. В результате я за вечер поговорила даже с теми людьми, с которыми не созванивалась примерно год. Уже потеряв надежду, я позвонила Кате, которая у нас убирает. Катя обладает редким даром – она из подручных средств может сделать нужную вещь. Последний раз она оторвала от шкафа ручку и привинтила ее к холодильнику, у которого ручка оторвалась, решив, что ручка на холодильнике важнее. А еще Катя не задает лишних вопросов, за что я ее особенно люблю.

– Катя, у тебя нет колокольчика? – спросила я.

– У тебя стоит на полке, – ответила Катя будничным тоном, как будто каждый вечер в одиннадцать ей звонят и спрашивают про колокольчики.

– Там оторвалась эта штуковина, – заныла я.

– Я знаю. Она лежит в корзинке в коридоре. Что ты ноешь? Возьми и привинти.

– Нет в корзинке.

– Ну, возьми гвоздь или шуруп, проволоку и сделай новый язычок.

– Катя, ты – гений.

– Я знаю. Давно страдаешь?

– Весь вечер.

– Ну и дура.

Когда я приделала к колокольчику конструкцию из шурупа на проволоке, нашелся настоящий язычок. Он лежал там, где сказала Катя, только я его не заметила. Отвинтила шуруп и прилепила язычок.

– Вася, у тебя будет колокольчик! – закричала от восторга я. – Самый лучший, самый громкий!

– Спасибо, мамочка, – чуть не расплакался от счастья сын.

С работы пришел муж.

– Галстук купил, еле успел, – сказал он.

– Ну слава Богу.

Утром Вася стоял в белой рубашке, синем новом галстуке в тонкую полоску под джемпером и белой рубашке. Муж им явно любовался.

– Может, все-таки надо было костюм купить? – спросила я. – Все буду в костюмах.

– Это кембриджский стиль. Классический, – обиделся за ребенка муж.

– Вася, не забудь, колокольчик у тебя в портфеле, – напомнила я.

Праздник начинался в одиннадцать. Пошла пораньше, чтобы занять место. Взяла фотоаппарат.

Наконец на входе в актовый зал появились дети. Их построили по парам. Вася стоял первый, с Лизой. Все девочки были в красивых бальных платьях, туфельках, с цветами в волосах. Вася себе не изменил. Белая рубашка торчала из штанов, на рукаве – пятно. Я не удержалась, вскочила с места и побежала поправлять.

– Я же тебе говорила, заправься, – сказала Лиза и помогла мне запихнуть рубашку в брюки. – Галстук поправь, – велела она и сама стала поправлять ему галстук, как родному мужу.

Зашли под музыку, стали рассаживаться. Вася сел с Димой наискосок от меня – впереди. Прямо передо мной села завуч начальной школы с учительницей. Мальчик, сидевший рядом, испугался такого соседства и стал отползать. Но его не пустили одноклассники. Мальчик стоял и в панике искал свободное место.

– Садись, начинается, – дернула его за руку завуч и усадила рядом с собой. Мальчик сел и затих.

Начинали с песни. Певцы выстроились на сцене и с серьезными лицами начали петь. Учительница музыки знаками показывала, что надо крутиться, улыбаться и качать в такт головой.

– Улыбаемся! – крикнула с места завуч.

Дети дружно заулыбались.

– Ручками машем, все дружно! – крикнула опять завуч.

Дети замахали руками, кто как мог.

– Ты тоже маши и пой, – сказала завуч своему несчастному соседу.

Мальчик лихорадочно замахал руками.

На сцене тем временем мальчик пихал локтем девочку. Поскольку они размахивали руками, кто вправо, кто влево, девочка заехала мальчику по голове. Тот, продолжая петь, как бы случайно, врезал ей в ответ. Девочка пихнула мальчика локтем, мальчик наступил ей на ногу. Так они и пихались до конца песни.

Следующими вышли чтецы.

– Вася, Вася, иди скорее, – зашептала ему Лиза.

– Вася, где твой колокольчик? – спросила громким шепотом учительница.

– Я его в портфеле забыл, – с ужасом осознал ребенок.

– Ну, иди так, без колокольчика, – велела учительница, – просто по сцене пробежишь.

Вася с ногами забрался на стул, свернулся клубочком и зарыдал. Не в голос. Сотрясался плечиками. Я пыталась прорваться к сыну через ряд родителей, но на моем пути вырос папа с фотоаппаратом. Завуч была ближе. Она кинулась успокаивать Васю. Я замерла. Надеялась, что Вася, который не любит, когда его успокаивают чужие люди, не даст ей рукой в живот. Но сын еще крепче свернулся и продолжал рыдать.

– Что вы стоите, ничего же не видно, – сказала мне мама.

Я села, потому что над Васей стояла завуч, подружки Настя, Лиза и друзья Антон с Димой. Настя гладила Васю по голове, завуч что-то говорила, а Антон отрывал Васиные руки от лица. Спереди Илюша, который у них самый послушный и рассудительный, тоже не удержался и стал успокаивать:

– Что ты расстроился? Подумаешь, номер... Вышел на сцену, прошел один раз с колокольчиком, и все. Нашел из-за чего плакать. У тебя еще столько таких выходов с колокольчиками будет. Учителя опять какой-нибудь праздник придумают. Сиди и смотри, как другие мучаются. А ты зритель – тебе хорошо.

Вася продолжал тихо рыдать. На сцену никто не смотрел. Все смотрели на Василия, и всем его было жалко.

– Ну дали бы ему другой колокольчик, тоже проблема, – пожалела его чья-то бабушка.

– Точно. И вообще, почему одни дети участвуют в нескольких конкурсах, а другие – нет? – поддержала ее та мама, которой я мешала смотреть. – Моя дочка тоже еще на сцену не выходила. А она и танцует, и поет. Почему ее не отобрали? Где справедливость? Все дети должны участвовать.

– Вот-вот. Да где вы справедливость в этой жизни видели? – поддакнула бабушка.

Чтецы читали стихи без выражения – им тоже было интересно, что там случилось в зале. Наконец девочка со сцены громко сказала: «И прозвенел веселый звонок». Все замолчали и посмотрели за кулисы. Девочка сказала еще раз, громче и задорнее: «И прозвенел веселый звонок». С двух сторон на сцену выбежали мальчишки, человек пять, с колокольчиками. Пронеслись, трезвоня что есть мочи, и скрылись. Номер закончился. Видимо, Вася должен был тоже так пробежать. Сын сполз под стул от страдания.

Потом опять вышли певцы и стали петь про буквы.

– Смотри, смотри скорее, – сказал Антон Васе и буквально выдернул его из-под стула.

Антон показывал пальцем на сцену. Дети вокруг тоже зашептали: «Смотри, смотри», – и стали показывать пальцами.

Вася выполз и заулыбался. У одной из девочек задралось бальное платье. Мальчишки дружно хихикали. Девочки с мест кричали: «Платье, платье поправь!» Певцы, которые пели алфавит, перепутали буквы и пели вразнобой – кто «эл», кто «эн». Все девочки на сцене судорожно поправляли платье. Только та, у которой подол застрял в колготках, ничего не поправляла.

Антон обрадовался, что ему удалось успокоить и развеселить друга, и, когда на сцену вышли танцоры-ромашки, стал все комментировать:

– Смотри, а Никита в девчачьей шапке. Во дурак. Сейчас точно буквы перепутают, как на репетиции.

Дети действительно держали буквы и в конце танца выстроились в линейку и подняли буквы над головой. «Знинае сали», – прочитала я.

Антон с Васей валялись на полу и держались за животы от хохота.

– Буквы, поменяйтесь местами! – крикнула с места завуч. Дети, толкаясь, стали меняться. Опять не получилось.

– Абракадабра, – хохотал Антон.

– А что там должно быть написано? – спросила у всех мама.

– Знание – сила, – перевела бабушка.

Дети все еще пытались составить фразу. Девочка, которая держала букву «И», пыталась впихнуться хоть куда-нибудь. Но дети ее отгоняли – «Тебе не сюда, туда, ты там стоишь».

– Уходите, уходите, – махала им из зала завуч.

Потом все встали на заключительную песню. Вася тоже пошел на сцену и занял место в первом ряду. Эту песню даже я знала наизусть, потому что Вася ее распевал дома на все лады. Но на сцене он так и не раскрыл рот. Ни разу. Просто стоял и молчал. Впрочем, Антон тоже не пел. Он выкрикивал окончания слов. «Школа любимая», – пели дети. «Ла», «Мая», – выкрикивал Антон.

На выходе из актового зала Васю с Антоном ждал их друг Денис.

– А тебя почему в зале не было? – спросила я его.

– А я не в костюме и в водолазке пришел, – равнодушно ответил мальчик. – Чего я там не видел? И песни мне не нравятся. Там рифмы нет.

– Давайте я вас сфотографирую, – сказала я.

Фотографировать пришлось всех. Отдельно Настю с Лизой, которые не могли решить, кто будет первый фотографироваться с мальчишками. Мальчики продолжали позировать и в раздевалке. Картинно били друг друга сменкой, обнимались, садились друг на друга, тянули девчонок за платья.

– Васенька, – сказала я, когда мы вышли, – ты у меня самый лучший.

– Я знаю. Пошли подарок покупать, чтобы я не расстраивался из-за колокольчика.

– Пошли.

– Ура! Настя, пока, мы с мамой идем подарок покупать.

– Несправедливо, – сказала Настя, – я пела-пела, а мама не смогла прийти, и подарок мне не купят. Больше не буду петь.

– Хочешь, в снежки поиграем, снег же выпал, – остановился Вася, пожалев свою подружку.

– Хочу, пока за мной няня не пришла, – обрадовалась Настя.

– Настя, ты в платье, – пыталась остановить ее я.

– Да ну его. Оно все равно прошлогоднее, – махнула рукой девочка и залепила Васе снежком.

Настя была совершенно счастлива в заляпанном грязным снегом бальном белом платье и с цветком, который болтался у нее около уха.

– Настя, пошли! – крикнула ей няня.

– Не могу, мы с Васей прощаемся, – строго сказала девочка.

Они стояли голова к голове и шептались. Только когда из школы вышли Антон с Димой и Денисом, Вася нехотя отлепился от Насти и

кинулся к друзьям.

– Несправедливо, – выдохнула девочка.

17 марта

Преимущества галерки

– Мама, я все-таки решил, что меня нужно пересаживать, – сказал Вася.

– Тебе опять девочки мешают?

– Нет. Меня никак стих не спросят. Очередь не доходит.

Вася сидит на самой последней парте в самом последнем ряду, у стеночки. Выучить наизусть стихотворение им задали давно. Сын его выучил и был готов отвечать. Но все рассказывали друг за другом – с первого ряда.

– Спрашивали сегодня? – интересовалась я.

– Нет, еще полряда осталось, – отвечал обиженный ребенок, – хочу, чтобы меня пересадили. Антона ведь пересадили и Лизу – тоже. Они друг другу мешали.

– И куда ты хочешь? На первую парту?

– Нет, только не туда. У нас там Илья сидит. Прямо напротив учительницы. Так Светлана Александровна все время ему в тетрадь заглядывает и поправляет. А когда по рядам ходит, то до меня вообще редко доходит. Я же далеко.

– Где ты хочешь сидеть?

– Ну не знаю. Может, в середине?

– Ладно, тогда я схожу в школу и попрошу, чтобы тебя пересадили.

Но до школы я так и не дошла, а Вася, похоже, забыл про пересадку. Стих он благополучно рассказал, получил пятерку, и необходимость что-либо предпринимать вроде бы отпала.

– Нам опять стих наизусть задали, – сообщил он.

– На когда?

– Светлана Александровна сказала, что в четверг или в пятницу будет спрашивать. Я успею.

– Конечно, успеешь.

Но оказалось, что Вася все перепутал, – стих нужно было выучить к следующему уроку. То есть к завтрашнему дню.

– Я пятерку с плюсом получил, – объявил сын.

– Ты же дома не учил, – удивилась я.

– Я вообще больше дома учить не буду. Пока до меня очередь дошла, пришлось этот стих двадцать раз слушать. Вот я и выучил. Он мне даже надоел. Теперь я понимаю, почему Светлана Александровна много стихов наизусть знает. Она их столько раз слышала, что выучила бы, даже если бы не хотела. Как я. Да, мама, ты не ходи в школу, мне мое место уже опять понравилось.

– Ну слава Богу.

– А тебе твое место нравилось, когда ты училась? – спросил сын.

– По-разному. Я на разных партах сидела, то с мальчиками, то с девочками...

– Это как?

Нынешние первоклассники не знают, что такое сидеть по двое. У них одиночные парты. С одной стороны, хорошо, удобно. С другой – они не знают того, от чего у нас замирало сердце. Они не пихаются локтями, деля парту ровно надвое и устанавливая границы. Мы рисовали черту, отгораживались учебниками. Они не чувствуют плечо и ногу соседа, не пинаются под партой с криками «Ты первая мне наступила!», «Нет, ты первая!». Не закрывают ладошкой тетрадь и не загибают тетрадные листы, чтобы сосед помучился, – он не знает ответ, а ты знаешь, но не дашь списать. Не рубятся в «Морской бой» и «Виселицу». Не мечтают сидеть за одной партой с самой красивой девочкой или самым красивым мальчиком. У них нет одноклассника, к которому могут посадить только в наказание, потому что по доброй воле никто к нему не сядет. Они не знают этой сосущей обиды – твой сосед по парте передал записку, а наказывают тебя. И нет у них этого захватывающего чувства: сосед по парте – твой лучший друг на всю жизнь! Вы всегда будете вместе! Можно забыть, как звали географичку или физичку, забыть имена и лица половины класса, но соседа по парте будешь помнить всю жизнь.

Может, позже, в старших классах, они будут сидеть по двое...

19 марта

Робот Вася

По телевизору показывали «Приключения Электроника». Все серии подряд. Мы с Васей случайно наткнулись на фильм в середине второй. Сели смотреть. Я рассказала ему, что фильм про мальчика-робота, который захотел стать человеком, и про его друзей.

– А это робот? – спрашивал все время сын, показывая на экран.

– Нет, это Сыроежкин.

– А это робот?

– Да, это Эл, сокращенное от Электроника.

Эл как раз получал пятерки в школе, а Сыроежкин катался на мотоцикле.

– Вот бы и мне такого мальчика-робота. Чтобы вместо меня в школу ходил, – размечтался сын.

– Да, только Электроник вместо Сыроежкина и дома был – ужинал, спал. Его даже мама за родного сына принимала. А Сыроежкин в сарае жил. Ты тоже хочешь в сарае жить?

– Нет, не хочу. Хочу, чтобы робот только в школу вместо меня ходил и домашнее задание делал.

– Вот Сыроежкин тоже так хотел, а потом ему пришлось доказывать, что он настоящий.

– И все уроки делать?

– Да, экзамены по всем предметам сдавать.

– Да, не повезло. А это правда?

– Что – правда?

– Что были такие роботы, как люди? Фильм же старый.

– Нет, не правда. Это придумали.

– Но ведь изобрели моего динозавра на пульте управления, и еще я читал в журнале, что есть собаки-роботы и другие игрушки, которые как настоящие. А на прогулке я видел девочку с куклой, и эта кукла писать умела и плакать.

– Да, но все равно они не настоящие. На батарейках. И настоящих никто не заменит. Даже те, кто умеет писать.

– А кто придумал Электроника? – спросил через некоторое время Вася.

– Профессор. Ученый.

– Когда я вырасту, тоже ученым буду. И что им за изобретения дают?

– В каком смысле?

– Ну, хоть медаль мне дадут, если я что-нибудь изобрету?

– Дадут. Только ученые не за медали изобретают. А ради интереса. Есть даже такие ученые, которые от денег отказываются.

– Они что, сумасшедшие?

– Люди думают, что да.

– Я от денег точно не откажусь, – подумав, заявил сын, – а много дадут?

– Не знаю. Бывает, что много.

– А на мои кукурузные палочки хватит? Которые у нас в школьном буфете продаются и которые ты не разрешаешь мне есть до обеда?

– Точно хватит. И что ты хочешь изобрести?

– Не знаю. Например, пишущую машинку. Чтобы за меня писала русский.

– Уже изобрели. Только на ней печатают. Как на компьютере.

– Жаль. А такую машинку, которая числа считает по математике?

– Калькулятор. Тоже уже придумали.

– А которая зубы чистит?

– Электрическая зубная щетка, как у тебя.

– Так мне ничего не останется изобретать!

– Не волнуйся. Придумаешь что-нибудь.

– А мне больше ничего не надо! Все остальное я и сам могу сделать! Но все-таки хорошо, если бы был такой мальчик, который за меня в школу ходил. Хотя бы два раза в неделю... Я бы его назвал Васей, и никто бы не догадался, что это не я.

20 марта

Женщина-врач

Вечером Вася долго не вылезал из ванны.

– Ты тут утонул? – зашла я к нему спустя сорок минут. – Вылезай, а то у тебя скоро жабры вырастут.

Вася деловито тер себя мочалкой, чего за ним раньше не водилось.

– Мама, уйди, не мешай, я завтра должен быть чистенький. Нам в школе сказали, – ответил ребенок, выливая себе на голову полфлакона шампуня.

– А так ты грязненький все время ходишь, – пошутила я. – А что у вас завтра?

– Медосмотр, – торжественно ответил сын.

– Понятно. И что смотреть будут?

– Все. И кровь брать. Но можно сказать, что ты боишься или не хочешь, тогда не будут.

– А ты боишься или не хочешь?

– И то, и другое. У нас Настя даже заплакала, когда про кровь услышала, и ей разрешили не сдавать. Я Настю успокаивал, поэтому тоже не буду сдавать.

На следующий день муж забыл сменку, не нашел чистый свитер и одел ребенка во вчерашний. Расчесываются они вообще кое-как, да и насчет зубов я не уверена. Вася тяжело вставал, вполне мог заснуть над раковиной. В общем, на медосмотр явился грязненьким.

– Ну и как? – спросила я.

– Да ерунда, – махнул рукой Василий, – только сказали, чтобы ты мне уши почистила.

Я заглянула Васе в ухо – вполне себе чистое.

– А еще что проверяли?

– Да ничего. Буквы надо было прочитать одним глазом. Я Антону подсказывал, а он мне. А врач, которая уши смотрела, смешная. У нее такой диск на голове, как фонарь. Я ей рассказал, что есть такие животные, которые едят ушную серу у других животных. Только я забыл, как они называются. А та врач этого не знала. А зубному

доктору я рассказал, как мне зуб пломбировали, как нужно укол делать обезболивающий и как состав смешивать. Она так меня слушала, как будто этого не знала. Странно, правда?

– А в рот она тебе заглянула?

– Нет, забыла. Я ее уболтал.

– Больше никого не уболтал?

– Нет, только врача, которая сердце слушала. Она не как другие, она почти девочка. Я ей рассказал, где сердце находится и как кровь по венам бежит и заставляет сердце работать. А еще я ей свои родинки показал. Даже ту, которая под мышкой. Ей понравилось. Только у меня времени мало было, а то бы я ей еще что-нибудь рассказал. Она была красивая, как Лиза. У нее на столе молоточек лежал, которым по коленке надо стучать. Я ей стукнул. Представляешь, у нее не только нога подскочила, она вся сама подскочила. Такая смешная. – Вася засмеялся.

– Как прошел день? – спросил муж, вернувшийся с работы.

– Вася клеился к врачнице. Бил ее молотком по ноге. Вырастет, женится, будет свой врач в доме, – пошутила я.

– Почему на врача? Не надо на врача, – испугался муж, – каким молотком?

– Не волнуйся. У них медосмотр в школе был.

– И что? – опять перепугался муж.

– Ничего, только уши грязные. Велели почистить.

– Боже, Маша, почему Вася с грязными ушами в школу ходит? – впал в панику муж.

– А почему ты сменку утром забыл?

– Какой я идиот! Как я мог забыть?

– Ты все будешь так всерьез воспринимать? Ну, походил один день в грязных ботинках, ты, что ли, не ходил...

– Я никогда сменку не забывал, – торжественно заявил супруг.

– Вот зануда.

– Хм, женщина-врач, в этом что-то есть, – сказал муж.

21 марта

Не хотим учиться – хотим жениться

– Мама, скажи, а с какого возраста люди женятся? – спросил Василий.

– С восемнадцати лет. Но обычно попозже – лет в тридцать, – на всякий случай уточнила я, – а что?

– Да так, ничего. Я не для себя спрашивал, а для Антона. Он в Машу влюбился. Только я не понял, в какую. У нас две Маши в классе, две Лизы и два Никиты.

– А твой Антон Маше об этом сказал?

– Нет пока. Еще не решился.

– А он за ней ухаживает?

– Ну так.

– Как?

– Так, как Маше не нравится. Ей не нравится, когда ее дергают и толкают.

– Понятно. А тебе кто-нибудь нравится?

– Не знаю. Я пока выбираю.

– Из кого?

– Из девочек, конечно.

– А кто у вас самая красивая?

– Антон говорит, что Маша – самая красивая, а я думаю, что Настя. Хотя когда Лиза пришла на праздник в зеленом платье, то я подумал, что она самая красивая. Она была как принцесса леса, потому что у нее платье было зеленое. А это мой любимый цвет, как у Ослика из «Винни-Пуха». Она мне очень в этом платье понравилась.

Вася замолчал, оторвался от математики и уставился в окно. Видимо, вспоминал Лизу в зеленом платье.

– И что надо делать, чтобы жениться? – вернулся он к теме разговора.

– Сначала нужно дружить, потом ухаживать, потом встречаться...

– Так долго? – удивился Вася.

– Конечно. А вдруг ты девочку разлюбишь и влюбишься в другую?

– Да, со мной такое запросто может случиться, – кивнул Вася, – а Антон не такой. Он как в Машу сразу влюбился, так до сих пор не разлюбил. Он сам мне сказал.

– А Маша в кого влюблена?

– Не знаю. Антон тоже волнуется, потому что не знает. Зато мы точно знаем, что не в Лешу. Лешу никто не любит. С ним никто не дружит. Он сам сказал, что ни с кем не хочет дружить.

– А ты со всеми дружишь?

– Да. Но с Антоном мы крепко дружим. Мы даже кукурузные палочки из одного пакета вместе едим, по очереди. Только вчера Антон с Машей их ел. Но я не обиделся. Потому что он в Машу влюблен. Он ко мне подошел и предупредил. А потом знаешь, что было?

– Что?

– Антон со мной всю математику не разговаривал.

– Это же хорошо, что вы на математике не болтали.

– Нет, не из-за этого. Понимаешь, Маша меня угостила палочками. А Антон обиделся. Я не понял, почему на меня? Пусть бы на Машу обижался. Но на перемене мы опять стали разговаривать. Палочки кончились. А почему меня Маша палочками угостила?

– Может, потому что ты ей нравишься?

– Нет, только не это! А как же Лиза и Настя? Я же между тремя не выберу, если я между двумя не могу, – перепугался Василий.

– А как же влюбленный Антон? – напомнила я.

– Да, – кивнул Вася, – еще и с Антоном разбираться. Нет, не хочу я влюбляться.

– Влюбляться – это замечательно.

– Ничего замечательного. Антона уже и так все дразнят. Его сказку спрашивали на пересказ, а он на учительницу не смотрел, а смотрел на Машу, поэтому не услышал, что его спрашивают. А Светлана Александровна ему сказала: «Ты что, влюбился?» Он же даже про футбол не говорит, про пи-эс-пи – ни слова, только про Машу. Я же не могу все время про нее говорить, я же в нее не влюблен.

– Раз ты его лучший друг, должен терпеть.

– Я тут подумал. Может, Маше все рассказать, чтобы они уже разобрались со своими любовями. Заодно скажу им, что нужно ждать до тридцати лет, чтобы пожениться... – задумался Василий.

- И что тогда?
- Тогда мы с Антоном хоть поговорить сможем, как мальчики. По-мужски. Про пи-эс-пи.
- Не знаю, Вася, я считаю, что Антон должен сам признаться.
- Он тоже так считает и мучается. Тогда я знаешь, что сделаю?
- Что?
- Влюблюсь в Лизу и тоже буду мучиться. Антон же мой друг. А когда мы с Лизой поженимся, мы в нашей квартире будем жить?
- Нет уж. Будете жить отдельно.
- Ура, тогда я влюблюсь в Лизу, мы будем жить отдельно, и ты не будешь заставляя меня делать уроки.

25 марта

Машка-какашка

Пошла забирать сына из школы. Звонок прозвенел, перемена началась. Все дети выходят, а Васи нет. Уже звонок на следующий урок прозвенел, а он все не выходит.

– Можно, я зайду за ребенком? – спросила я охранника.

– Заходите, – кивнул он.

Ни в раздевалке, ни в вестибюле сына не было. Хотела покричать: «Вася, Вася», но подумала, что неприлично стоять так и орать на всю школу. Мимо прошла Светлана Александровна.

– Здравствуйте, – кинулась я к ней, – а Вася не в классе?

– Нет, все вышли. Класс я закрыла, – ответила она, – а что?

– Потеряла.

– В раздевалке смотрели?

– Смотрела, нету.

– Тогда он на улице. Наверняка в футбол играет. Идите на поле.

Я сбегала на поле. Никто не играл. Но мальчишки бегали. Мне показалось, что даже Вася бегал. Стою, рассматриваю – он или не он. Куртка вроде похожа. Мальчишки меня увидели и тоже стали рассматривать, пытаюсь угадать, чья я мама. Наконец один побежал мне навстречу.

– Ну что? Я играю! – кричал он, пока бежал. – Ой, – застыл он на месте, когда увидел, что я не его мама.

– А Васи с вами нет? – спросила я.

– Вася с нами есть? – крикнул мальчик товарищам.

Те переглянулись, вспоминая имена, и дружно замотали головами. Они не были Васями.

– Ладно, пока, – сказала я мальчику.

– Пока, – ответил он, – вы за школой посмотрите, там мальчишки собираются, – посоветовал мальчик.

Сбегала, посмотрела, вернулась назад в здание. У них на первом этаже стоят стенды – с рисунками, объявлениями и награждениями. Так вот за этим стендом я Васю и обнаружила. Он сидел на скамеечке

с девочкой, голова к голове. Девочка что-то пылко ему шептала, а Вася кивал.

– Вася, – подскочила я к ним, – я тебя потеряла.

Дети с перепугу разъехались по лавочке в разные стороны и сделали вид, что друг с другом не знакомы. Девочка стала натягивать шапку задом наперед.

– Ты шапку не так надеваешь, – сказала я ей и поправила шапку.

– Красивая? – с надеждой спросила девочка.

– Очень, – ответила я.

– У меня еще есть, с помпончиками.

– Здорово.

– Васе тоже нравится.

– Так, прощайтесь, – сказала я. Потом поняла, что фраза звучит некрасиво, и поправилась: – Вася, нам пора, я тебя подожду около выхода.

Дети быстро съехались по лавочке друг к другу. Так сидели и молчали. Потом Вася первый встал и пошел. Девочка смотрела ему вслед и дергала шнурок от шапки.

– А кто это? – спросила я Васю. – Твоя одноклассница?

– Да, новенькая, – ответил сын.

– А как ее зовут?

– Новенькая.

– Она тебе нравится?

– Ну, так. Она мне рассказывала, почему в нашу школу перешла.

А то ей больше некому рассказать.

Наконец вышли из школы. Вася побежал прощаться с друзьями. Друзья сидели на дереве. Под деревом стояли девочки.

– Лизка-крыска! – кричал с дерева Антон.

– Антошка-картошка, – отвечала снизу Лиза.

Дети общались. Вася залез на дерево и тоже крикнул: «Настя...»

Рифму подобрать не смог и замолчал.

– Чего вы обзываетесь? – спросила я, задрав голову.

– Мы не обзываемся, – ответил Антон, – мы шутим.

– И вам нравятся такие шутки? – спросила я у девочек.

– Нравятся, – ответили девочки.

– А моя невеста уже ушла, – сообщил Антон и чуть не свалился с ветки. Я поймала его за попу и подтолкнула вверх. – Спасибо, а вас

как зовут?

– Маша.

– Как мою невесту, – ласково сказал Антон, – Машка-какашка.

– Сам ты какашка, – сказала я, – лучше обзывайся Машка-промокашка.

– А это что такое? – заинтересовались и девочки, и мальчики.

Я объяснила, как могла. По-моему, они ничего не поняли.

– Нет, Машка-какашка, – сказал Антон.

27 марта

Иван-царевич во время Крестовых походов

Весна наступила рано. Дети бросают на школьном крыльце куртки, шапки, портфели и бегают по двору, как ошалевшие от свободы щенята. Мне подруга рассказывала, как вывезла своего подросшего пса-лабрадора на дачу. Пес наматывал круги вокруг куста смородины, пока не свалился. Вася с друзьями носятся вокруг деревьев или вокруг девочек. Потом все вместе валяются на землю. С девочками все понятно, но как эти дети умудрились свалить дерево перед школой – я не знаю.

Все все теряют. Вася потерял спортивную куртку. Нашел через три дня, постиранную и сильно севшую. На следующий день потерял сменку. Нашел через два дня. Я боялась, что ботинки за эти два дня тоже уменьшатся на несколько размеров, но ничего, обошлось. Им дают тесты на листочках на дом. Они или не доносят их до дому, или уносят сразу пачку. Вася принес три распечатки, а потом кто-то унес его задание. Родители разводят руками. Светлана Александровна считает дни до конца учебного года.

Учиться не хочет никто, судя по разговорам родительниц. А как раз сейчас пошли сложные темы. Делали задание на предлоги-антонимы. Весь вечер объясняла сыну сначала про антонимы, потом про предлоги, потом про все вместе. Василию было одинаково все равно – на столе, под столом, за домом, перед домом. Он крутился на стуле, смотрел в окно и думал о чем-то своем.

Я тем временем звонила мужу с вопросом: во всех ли случаях «через» считается предлогом?

У меня вообще много вопросов. Я не то что не умнее пятиклассника, я тупее первоклассника. Спасает только мой редактор Ася, которая терпеливо, два раза и медленно объясняет мне правила.

– Ася, в предложении «Внучок Петя сел на стул» что считается подлежащим? Петя или внучок? Или и то и другое? – спрашиваю я, даже не здороваясь. Потому что мне нужно быстро, хочется спать и поскорее закрыть тетрадь. Ася это понимает, как никто другой, потому

что именно в этот момент пишет сочинение про дружбу для своего сына.

– И то и другое, – отвечает она, – это как Иван-царевич. Приложение.

– Спасибо, – отвечаю я, – а как ваше сочинение?

– Уже восемь страниц. Мише останется только сократить до двух и наляпать ошибок для правдоподобности.

– А у меня еще предлоги-антонимы недоделаны, – делюсь я.

– А у меня контурные карты по Крестовым походам, – зловеще шепчет Ася.

Я понимаю, что мои проблемы по сравнению с ее – фигня, первый класс, детский лепет.

– Какой ужас! – искренне говорю я. – Я вам еще позвоню.

– Не сомневаюсь.

Васю, как, наверное, и Мишу, совершенно не пугают ни Крестовые походы, ни антонимы с подлежащими. Миша читает Лема, а Вася – «Денискины рассказы». В школе он сказал, что его папа знаком с самим Дениской. Ни Дима с Антоном, ни Лиза с Настей про Дениску ничего не знали, поэтому радость не разделили. Тогда Василий пересказал им содержание своего любимого рассказа про кашу. Дети спросили – а это правда или как в сказке? Теперь этот вопрос очень волнует и Васю. Это катастрофа. Сейчас объясню почему.

Дело в том, что Денис Викторович отвечает на этот вопрос уже лет сорок. И он ему порядком надоел. Он рассказывал нам, как читал лекцию студентам то ли по политологии, то ли по еще какой-то важной науке, и в конце спросил, есть ли вопросы. Студент поднял руку и спросил про кашу. Даже на светских мероприятиях находится барышня – чья-нибудь жена, которая после «очень приятно, рада познакомиться» с восторгом вспомнит про кашу.

Мы купили Васе диск, где рассказы читает Денис Драгунский. В коротком вступлении он здоровается с юными слушателями и минуты три говорит, что книга не про него, что кашу он не выбрасывал, а папа – писатель, а писатели многое придумывают. Но Вася, который прослушал это вступление раз пятьдесят, все равно не поверил.

– Папа, пригласи Дениску в гости, – просит сын.

– Хорошо, приглашу, – соглашается муж. – Давай мы попросим его подписать тебе книгу?

– Давай, – соглашается Василий, – только сначала я его про кашу спрошу.

– Нет! – кричим мы с мужем в один голос.

– Но мне же нужно знать. И я обещал Антону с Димой рассказать.

– Васенька, но я же тебе говорил, что это не правда, а художественный вымысел, – объясняет в очередной раз муж.

– Это ты мне говорил, а Дениска мне другое скажет. Он же не может всем про кашу рассказывать. Антон тоже не всем про Машу рассказывает. Только мне.

– Васенька, Денис уже не мальчик, а взрослый мужчина, – говорю я.

– Ну и что? – не понимает сын. – Он же помнит, как был мальчиком.

– Ладно, Вася, только давай договоримся, – предлагаю я, – мы сначала Дениса Викторовича накормим, напоим, а потом ты у него будешь про кашу спрашивать.

– А спать мы его уложим?

– Зачем?

– Ну, как в сказке...

– Нет, мы его просто накормим и напоим, – говорю я, – а потом опять напоим.

Перед приходом Дениса Викторовича Василий заметно волновался.

– А его Дениской нельзя называть? – спросил меня ребенок.

– Нет, лучше Денис Викторович. У вас что, опять тесты?

– Да, надоели.

Одним из тестовых заданий была задача на сообразительность: «Если меня зовут Елена Сергеевна, а моего дедушку – Иван Петрович, то как зовут моего папу?»

Вася никак не может понять эту родственную связь. Я уже и так, и сяк ему объясняла на примере близких родственников.

– Мама, я не понимаю!

– Смотри, – я решила сделать еще одну попытку, – вот Денис Викторович потому, что его папу звали Виктор.

Вася подошел к полке, взял книгу и проверил.

– Понимаешь?

– Понимаю.

– Если ты Вася, а твоего папу зовут Андрей, то у тебя какое отчество?

– Андреевич.

– Правильно.

– А если твоего дедушку звали Владимиром, то у папы какое отчество?

– Викторович.

– Почему? Владимирович!

– А почему не Викторович?

– Аа-а-а! Вася! Я больше не могу!

– Я тоже.

Денис Викторович пришел. Вася вышел его встречать и замер с открытым ртом.

– Здравствуй, Вася, – поздоровался Денис.

Вася улетел в свою комнату и поставил диск – видимо, сверял голос.

– Точно, он, – выдохнул ребенок.

Он вытащил все имеющиеся в наличии книги Виктора Драгунского и понес на подпись. Но так и не произнес ни слова. И не спросил про кашу.

На следующий день он торжественно понес книги в школу. Вернулся счастливый. За тест получил двойку. Во всех задачах на имена-отчества писал «Викторович».

Четвертая четверть

7 апреля. Зазубрины

Вася пошел в школу после недельных каникул. Естественно, каникулярное задание делал в последний день. Естественно, вечером. Что самое удивительное – сделал быстро, «уложив» неделю в сорок минут.

– Ну, как вы встретились? – спросила я сына после школы.

– Нормально. Как всегда.

– Ты был рад видеть друзей?

– Времени порадоваться не было.

– Почему?

– Потому что нас проверяли.

– Как?

– По-всякому. Сначала вшей искали, а потом читать на время заставили. У меня вшей не нашли, а прочитал я девяносто четыре слова.

– Это хорошо или плохо?

– Нормально. Только нечестно. Понимаешь, вот у нас кто-то прочел тридцать слов, кто-то сорок пять. Это двойка. У тех, у кого меньше шестидесяти, – тройка.

– Значит, у тебя пятерка? А кто больше всех прочел?

– Лиза. У нее сто пятьдесят слов.

– Значит, ты хуже Лизы читаешь?

– Нет, я не такой везучий, как она. Как раз когда она читала, Антон напугал Сережу, и он свалился со стула. Светлана Александровна пошла его ругать и забыла про секундомер. Вот Лиза сто пятьдесят слов и начитала.

– А Антон сколько прочитал?

– Девяносто шесть. На два больше, чем я. Я бы его кусок вообще на двести слов прочел. Ему легкотня досталась.

– Все ясно.

– Мама, это так тяжело...

– Что именно? Читать на скорость?

– Да, особенно после какао.

– При чем тут какао?

– Нам на завтрак какао давали. Мы с Антоном вместе выпивали. Кто больше. Я победил – три стакана выпил. На третьем чуть не лопнул. А Антон только два с половиной выпил. И вот после этого мы читали. Я чуть не описался. Хотя Антон еще раньше меня в туалет убежал.

– Да, смешно.

– Нет, смешно было, когда нам актимэль давали. Дима взял бутылочки у меня с Антоном и хотел ими из рукава выстрелить, как в рекламе. Ты видела?

– Видела.

– Вот, Дима одной рукой стрельнул, но у него не получилось. Почему-то не выстрелило. Так только фокусники могут делать. А потом он Насте в ухо прокричал, чтобы она проснулась. У него трубы не было. Настя актимэль на себя пролила. Было весело. Да, я забыл тебе сказать – ты за тест по русскому тройку получила.

– Почему я?

– Потому что ты проверяла и сама отметила мягкие согласные.

– Ты же рядом сидел и вообще ничего не знал!

– Я знал, только не хотел тебя расстраивать. Ты, мама, – троечница.

– Очень хорошо. В следующий раз сам все делай.

– Ну, мама, не обижайся. Ты поучи правила и в следующий раз на пятерку напишешь. У нас в классе много мам-троечниц. Даже одна двоечница есть.

– Ты хочешь сказать, что все мамы за вас тесты делали?

– Да. У Антона и Димы – точно. Нет, у Димы бабушка делала.

– Хорошо вы устроились...

Я, кстати, так и не поняла, почему правильным считался не мой вариант, а вариант учительницы. Обложила учебниками и пыталась разобраться, чтобы объяснить Васе, – без толку. Только еще больше запуталась.

– Мама, что ты делаешь? – спросил сын, когда у меня уже мозги закипали.

– Пытаюсь понять логику.

– Нет там логики. Надо просто наизусть выучить, и все. Нам Светлана Александровна так сказала – не можете понять, зубрите. А зубрите от слова «зубр»?

– Нет.

– А от какого слова? А что это значит?

– Это значит выучить наизусть. А от какого слова – не знаю.

– Потому что ты троечница. Светлана Александровна говорит, что отличник должен все знать, а не говорить – не знаю, не помню, забыл.

– Ой, я вспомнила, зубрить или зазубрить – это от забора. Раньше на заборе зазубрины ставили, когда хотели что-то запомнить или отметить. Мне кажется, от этого произошло.

– А это, мама, называется сочинять на ходу. Вот я в стихотворении забыл одну строчку и придумал свою, в рифму. А Светлана Александровна сказала, что я на ходу сочиняю. Так и ты со своим забором.

– А почему ты стих плохо выучил?

– Мама, ну ты точно как первоклассница. Вот когда меня спрашивают про то, что я не знаю, я про другое начинаю рассказывать – про то, что знаю. Это, мама, называется уходить от темы. Ты мне про зазубрины не можешь объяснить и спрашиваешь про стих.

10 апреля

Разлуки и трудности

– Мама, я ведь с Лизой первого сентября в паре стоял?

– Да, а что?

– Ничего. Я на ней женюсь.

– Скоро?

– Это не важно. Главное, что я женюсь, а не Дима. Раз я с ней первый познакомился, значит, я и женюсь.

– Ясно. А Лиза за тебя замуж пойдет?

– Раз она первого сентября со мной пошла, то и замуж пойдет. А что?

– Нет, ничего.

Боюсь, что Лиза точно за него замуж пойдет. Во всяком случае, из школы они выходят вместе, держась за руки, и убегают в кусты. Правда, Вася косится на друзей, играющих в футбол, но от Лизы не отходит. Он даже с девочками в жмурки играет – чтобы лишний раз, поймав, обнять свою «невесту».

– Я решил, что жить мы будем здесь, в моей комнате, и у нас будет шестеро детей, – продолжал рассуждать Василий.

– А поменьше нельзя?

– А что? Папа же любит детей! Он будет с ними гулять. А ты будешь их кормить?

– Нет.

– Ты не хочешь быть бабушкой?

– Не хочу.

– А придется... – философски заметил сын.

– А ты что будешь делать?

– Я буду археологом. Буду приезжать, все проверять, привозить вам всякие сокровища и редкие камни и опять уезжать. А вы будете по мне скучать и ждать.

– Вась, может, ты не будешь уезжать надолго?

– Буду. Так надо. Мы в школе проходили – настоящая дружба познается в трудностях и в этой, как его, ну когда не видишь друг друга?

- Разлуке?
- Точно. Только я еще трудностей не придумал.
- И не надо, пожалуйста.
- А как же я познаю, что вы меня по-настоящему ждете?
- Я тебе обещаю – без всяких разлук и трудностей буду тебя ждать и любить!
- А Лиза?
- Что – Лиза?
- С ней-то что делать? – задумался Василий.
- А что делать с Настей? Она ведь тебе тоже нравилась...
- Про Настю я забыл... Слушай, а девочки сами могут выбрать?
- Могут. Обычно так и бывает.
- А как они выбирают? Как понимают, кто им нравится?
- Ну, обычно девочкам нравятся умные, красивые, добрые мальчики. Да, еще спортивные. Которые говорят девочкам приятные слова, ухаживают за ними, помогают...
- И все? В этом весь секрет?
- Как тебе сказать... Бывают исключения, конечно.
- Мама, тогда меня все девочки выберут. Ты же сама говорила, что я умный, добрый и красивый. И спортом занимаюсь.
- Еще девочкам нравятся скромные мальчики. Которые не хвастаются.
- Я не хвастаюсь, я констатирую. Тогда я пока не буду на Лизе жениться. Вдруг Настя меня выберет?
- Какие еще новости? – Я решила сменить тему разговора.
- Сережа теперь сидит рядом с кулером. В углу.
- Почему?
- Потому что он жалуется и пугается. Или сначала пугается, а потом жалуется. А завтра, представляешь, он будет в коридоре сидеть.
- Почему?
- Светлана Александровна так сказала. Что в следующий раз Сережа будет в коридоре учиться, если нажалуется.
- А если не нажалуется?
- Мама, ты не знаешь Сережу. Он не выдержит. Вот повезло! Я тоже хочу рядом с кулером сидеть: захотел – водички попил. А в коридоре тоже здорово – пошел поиграл или на диванчике посидел, на

улицу сбегал погулял. И чего Сережа расплакался? Не понимаю. Радоваться надо. Я бы радовался.

– Надеюсь, ты ничего не сделал для того, чтобы тебя в коридор отправили?

– Нет, а надо? Что?

– Не надо.

– Хм, спасибо, мама. Хорошая идея. Надо подумать...

– Не надо! – закричала я.

15 апреля

Тест для родителей

Все, я больше не могу делать тесты. В смысле проверять их. С математикой еще куда ни шло – в пределах двадцати считаю уже вполне прилично, но русский – это мрак. Словарь Ожегова и энциклопедию уже на полку не ставлю – под рукой держу. Особенно мне тяжело с согласными – мягкими, твердыми, глухими и звонкими. Никак не могу запомнить, а в учебнике про это не написано. Вот, например, «ч» – это какая согласная? Залезаю в учебник, открываю тему, а там вопрос-загадка: «Скажите, дети, «ч» – мягкая или твердая?», а отгадки нет. Я себе уже и карточку сделала, куда из словаря всю информацию выписала. Хотя они тоже молодцы. Пишут: «твердые согласные «д», «б», «в» и др.». А меня как раз эти др. интересуют. Мне нужен полный список. И хоть кто-нибудь мне может объяснить, куда относится буква «й»? Она вообще какая – согласная или гласная?

Муж смотрит, как я пытаюсь разобраться с тестами – Вася не пытается, он быстро все отмечает кружочками и не вникает.

– У тебя в школе что было? – спросил муж.

– «Пять». Я, между прочим, в олимпиадах городских побеждала! – чуть не закричала я.

– Странно, что ты так мучаешься. Это же первый класс.

– На, сам проверь, – бросила я в него листочки с тестами.

Муж ушел в другую комнату и затих.

– Ну как?

– Они странно формулируют вопрос. Я не понимаю, чего они хотят.

– Лучше признайся, что не знаешь.

– Почему? Знаю. Просто не понимаю вопрос.

– Тогда проверь математику. Я больше не могу.

Муж взял листы.

– А что такое выражение? – спросил он.

– Пример.

– А разность?

- Когда вычитают.
- А замкнутая ломаная?
- Замкнутая ломаная.
- Кошмар какой-то.
- Не говори. Но я уже привыкла.
- Слушай, принеси мне калькулятор, я так не могу считать.
- Не подавай плохой пример ребенку. Надо в уме считать. А то ему понравится...
- И что? Двадцать первый век. Ты сама много в уме считаешь?
- Признайся, что не можешь проверить быстро, и все.
- Могу, но не быстро. И почему родители должны проверять? Пусть учитель проверяет.
- Она и проверяет. Только после меня все равно ошибки есть. Вон, сплошные тройки. А представляешь, если так сдать? Будет кол.
- Они вообще не должны в первом классе оценки ставить. Чтобы желание не отбить.
- Поздно, уже отбили. Нам, родителям, еще надо табличку заполнить. Оценить аккуратность, любознательность, усидчивость. Как ребенок относится к природе, опрятен ли он в одежде, любит ли учиться и делать домашние задания. По пятибалльной шкале. Потом учитель оценит и выведет средний балл.
- Ну и поставь все пятерки. Чтобы балл повыше был.
- Нужно честно отвечать.
- Хорошо, ты поставишь ему тройку, учительница – двойку, и что получится в результате? Он будет считать себя грязным нелюбознательным идиотом.
- Вот и я не знаю, что делать. Но пятерки ставить тоже нечестно.
- Как вообще можно оценивать человека по каким-то параметрам? Невозможно!
- Послушай, сходи в школу и расскажи там про параметры... Мне иногда кажется, что ты учился в частном пансионе для благородных девиц.
- А почему они перекалывают все на родителей? Что, они тесты на уроке не могут сделать?
- Ты сам говорил, что настоящее образование ребенок может получить только дома, в семье. Вот теперь сиди и проверяй тесты.
- Тесты – это не наш метод.

– Ага, про это ты тоже в школе расскажи.

Я ушла на кухню и вернулась в комнату к мужу минут через пятнадцать. Муж сидел на диване и смотрел прямо перед собой – на книжный шкаф. На коленях у него лежали листочки с тестами.

– Ты чего? Уснул? – спросила я.

– А? Что? Нет, – встрепенулся муж.

Все-таки они очень похожи. Вася тоже так сидит и смотрит в стену, забыв про все на свете. В частности, про домашнее задание. Потом очухивается, как алкоголик, после нервного короткого сна и долго пытается понять, что он делал до того, как отключился. Русский? Точно.

20 апреля

Цепь трагических обстоятельств

Новостей нет. Делать ничего не хочется. На стене в Васиной комнате висит календарь – мы с ним отмечаем дни до окончания учебного года. Я уже не очень настойчиво напоминаю про уроки, Вася вяло отбрыкивается. На столе уже неделю валяется очередная пачка с годовыми тестами. Никто не помнит, когда их нужно сдавать и нужно ли вообще сдавать. И вообще – кому это все нужно?

Вася играет в футбол после школы. Это, по-моему, единственное, что его там еще держит. Нельзя подвести команду. В последние дни все было как-то подозрительно тихо и мирно. Я ждала подвоха. Дождалась.

Василий попросил разрешения пообедать в своей комнате. Он нашел «Детское радио» и слушает его круглосуточно. Решила не связываться. Принесла на подносе тарелку со щами. Через пять минут раздался грохот. Сын опрокинул поднос. Щи были везде – на кровати, на полу, на стуле. Но самое ужасное – на портфеле и на листах с тестами.

– Вася, тесты! – закричала я.

– Мама, моя любимая тарелочка! – зарыдал ребенок.

– Они промокли!

– Она разбилась!

Портфель я отмыла, хотя он все равно пах щами. Что было делать с тестами – непонятно. На листах остались пятна в форме нашинкованной капусты. Бумага тоже пахла щами. Вася продолжал оплакивать разбитую тарелку, а я лихорадочно соображала. Пойти к учительнице, признаться, что тесты утонули в щях, и попросить заменить? Оставить все, как есть, наплевав на пятна? Придумать другое объяснение? Например, что листы описал кот, или что наш папа пролил на них кофе, или что бабушка затушила в них окурков? Гнилые отмазки, как говорят старшеклассники. Или уже не так говорят? Кота нет и никогда не было, а если бы он и был, то, учитывая страсть главы нашего семейства к чистоте, несколько раз подумал, прежде чем вообще писать. Глава семейства никогда не будет пить кофе в

неположенном для этого месте, а когда видит, как я пью кофе над компьютером, смотрит так, что я рискую поперхнуться. А бабушка – она, конечно, курит, но в ее характере скорее сжечь надоевшие всем тесты вместе со школой.

– Что теперь делать? – спросила я сына.

– Ничего не делать, – ответил Вася.

– В каком смысле?

– Тесты не делать.

– А что ты скажешь Светлане Александровне?

– То и скажу. Скажу, что я сидел и делал тесты, никого не трогал, а ты принесла мне обед, а стул у меня крутящийся, потому что ты никак не купишь нормальный, хотя всем известно, что первоклассники должны сидеть на нормальных стульях, ты плохо поставила поднос, он и упал.

– То есть я во всем виновата?

– Нет, цепь трагических обстоятельств.

– Че-го?

– Это я по телевизору слышал. Когда ты вроде бы хочешь все сделать, а не получается, то это не ты виноват, а обстоятельства. Вот смотри. Ты сварила щи, а если бы не сварила, то ничего бы и не было.

В общем, мы решили отложить тесты и подождать, пока они высохнут.

25 апреля

Нервов нет. Кончились

Нашла в портфеле ребенка распечатку со сметой на ремонт туалета – демонтаж дверей, навес дверей, вывоз мусора, плитка для стены, стяжка пола – и косметический ремонт в классе. Взнос за одного ученика – 5 тысяч. Ремонт будут делать летом. Приписка к смете гласила: «Сдайте указанную сумму в срок или предложите свою смету и организуйте ремонт». Гениально. Речь шла, как я выяснила у чьей-то бабушки, о ремонте учительского туалета и перекраске стен в классе. Видимо, цвет персика потребовалось освежить. Или они в другой цвет стены покрасят?

– Ладно, кому сдавать? – спросила я бабушку.

– Активистке. А вон, видите, женщина на джипе уезжает? – показала рукой бабушка.

– Вижу.

– Она отказалась сдавать. Сказала, что не может – ее мальчик... кстати, чья она мама – не знаете?

– Нет.

– Так вот она, видите ли, много тратит на секции. Как будто мы мало тратим! А еще на джипе, – возмущалась бабушка. – Ой, устала я. Скорей бы все уже закончилось.

– Да, мы уже тоже на последнем издыхании. Сейчас хоть майские праздники будут.

– Лишь бы ничего не задавали на эти праздники. Мои – дочка с мужем и внуком – в Египет уезжают. На десять дней. Как они там задание будут делать? Его же не засадишь! Здесь-то не делает, а там вообще книжку не откроет.

– У нас то же самое. А где они, не знаете? Должны были уже выйти...

– Выйдут, куда не денутся. Наверняка на факультатив убежали.

Вася вышел откуда-то из-за школы. Грязный, с синяком на носу, уставший.

– Ты где был? Я не видела, как ты вышел!

– Да я тут давно. Мы камни таскали.

– Какие камни?

– Для очага. А до этого я на факультатив пошел.

По дороге домой я узнала подробности. Оказывается, у них есть специальные занятия с психологом для желающих. Из Васиного класса ходят три человека – две девочки и мальчик.

– Понимаешь, мы у них спрашивали, что они там интересного делают, а они не отвечают. Как только мы их не просили рассказать – молчат! Вот Дима и решил сходить и узнать тайну этих занятий. А я с ним пошел. Вдруг бы он узнал и не рассказал!

– И что выяснили?

– Да ничего интересного. Надо на всякие вопросы отвечать, рисунки рассматривать. Скучота. Больше не пойду. Учительница там странная. Она Диму по голове погладила и засмеялась, хотя никто не шутил.

Ну, так вот. После этого они с Димой решили придумать себе более интересное занятие и придумали – устроить кострище и зажечь костер. Дима сказал, что надо собрать камни для кострища. Костер так и не сложили, зато стали метать камни, как гранаты. На дальность. Хорошо еще не на точность.

Они к концу года стали совсем неуправляемые – кричат, носятся, врезаюсь друг в друга, дерутся. Не только мальчики, но и девочки.

– Совсем с цепи сорвались, – сказала та знакомая бабушка, глядя, как две девочки мутузят друг дружку сменками.

– Наверное, нервное истощение, – ответила я.

– Это у меня скоро будет нервное истощение! – воскликнула бабуля. – Нервов уже нет, кончились!

– И не говорите...

12 мая

Нервов нет, кончились.

15 мая

Нервов нет, кончились.

20 мая

Чистый лист

Родительское собрание по итогам года. Боюсь ужасно. Иду как на плаху.

Той бабушки с «хоралом», жаль, не было. Не было и папы, которому бабушка советовала валерьяночки попить. Зато пришла мама, обеспокоенная межличностным общением. На партах у детей уже не было учебников и тетрадей – конец года, многое уже закончили.

– Не вижу учебного материала на столе! – села она за парту дочери.

Светлана Александровна сказала, что год закончился, тройки есть, но в целом – нормально.

– А у кого какие оценки? – спросила мама.

– Знаете, мне неудобно называть пофамильно, – сказала учительница, – это как-то непедагогично. Тем более что оценки я для себя ставила. У нас безоценочная система в первом классе.

– Очень даже педагогично! – не успокоилась мама. – Называйте прямо по партам. Интересно же!

– Ладно, – согласилась Светлана Александровна и стала называть.

«Хорошо, пятерки и четверки, хорошо, хорошо...»

– Что, у всех одинаково? – расстроилась мама.

– У кого-то чуть лучше, у кого-то чуть хуже... Вот Лизе я могу поставить смело пятерки.

– Ой, в нее мой Леша влюблен, – сказала мама Леши.

– И Илюша, и еще полкласса, – ответила Светлана Александровна, – так, дальше... у вас хорошо, но никакой самодисциплины. Внимание – пять минут, максимум. Так, Вася, – учительница дошла до меня, – четверки, пятерки, но вы потом, после собрания задержитесь. Я с вами поговорю.

– Не пугайте меня, – прошептала я.

– Дисциплинка, дисциплинка хромает, – сказала мне с соседнего ряда мама-отличница и погрозила пальцем, – а еще расскажите про детей, – попросила она учительницу.

Светлана Александровна тяжело вздохнула.

– Фонетика как хромала, так и хромает. Дисциплина тоже оставляет желать лучшего. Домашние задания не делаются или делаются, но не сдаются. Не могу же я к ним в портфель лазить. На следующий год давайте договоримся – никаких игр и телефоны должны лежать в портфеле. Отключенными на время урока.

– А у них где? – спросила чья-то бабушка.

– На шее или в кармане.

– Ой, это ж вредно, – запричитала бабушка, – это ж радиация. Особенно мальчикам. Сейчас по телефонам говорят, а потом у них детей не будет.

– Да нет, я о другом. Я понимаю – вам спокойнее, безопаснее, но бывают вопиющие случаи. Вот есть ученик, не буду называть фамилии, знаете, что он сделал на контрольной?

– Что? – выдохнула мама-отличница, готовая слушать страшилку.

– Он вставил наушники в уши и как ни в чем не бывало через телефон стал слушать музыку. Ну что прикажете мне делать?

– Какой ужас! – воскликнула мама.

– Вундеркинд! – сказала другая.

– Болящий он, – подвела итог бабушка, – точно вам говорю. Болящий.

– Зато мы писали годовую контрольную, – сказала учительница, – другие классы по полтора часа писали, а наши сдали через тридцать – тридцать пять минут.

– Гарвард! – сказала мама-отличница.

– Интересно, какие в вашем Гарварде результаты будут, – хмыкнула бабушка.

– И еще, – продолжала Светлана Александровна, – нам с вами еще четыре года учиться, нет, уже три, слава Богу, очень вас прошу, если вам что-то не нравится или ваш ребенок не тянет нагрузку, подойдите, мы с вами все решим. Спокойно. Нельзя же сразу... – Учительница замолчала.

– А что такое? Что такое? – засуетилась мама-отличница.

– Да опять кто-то настучал в министерство, – сказала активистка родительского комитета.

– Кто? А что сказал? Мужчина или женщина? А по какому поводу?

Светлана Александровна молчала.

– Аноним, – ответила активистка, – сказал, что в классе поборы и невыполнимые, не по программе тесты. А когда его попросили представиться, он сказал, что «боится – его ребенка будут прессинговать».

– Кажется, я догадываюсь, кто это, – задумалась мама-отличница.

А чего тут догадываться? Наверняка это тот папа-«хорал». Это в его стиле и слово из его лексикона.

– А давайте мы вычислим этого родителя и поговорим. Если ему не нравится, пусть уходят в другую школу, – сказала активистка.

– А я хотела уточнить по поводу ремонта. Почему мы должны сдавать на ремонт? Мы же уже сдавали. Пусть другие родители первоклассников делают, которые в этом году придут... – сказала мама, до этого молчавшая.

Мама-отличница посмотрела на нее с подозрением.

– Это не я, я не писала в министерство, – испугалась родительница, – просто если мы сделаем туалет, то пусть наши дети туда ходят. А другие не ходят.

– И как вы себе это представляете? – спросила активистка.

– Давайте лучше о школьной форме поговорим, – подключилась еще одна мама, – опять будет синяя?

– Нет, серая, – сказала активистка.

– Фу, почему серая? Мне не нравится.

– В этом году серый был в моде, – сказала активистка.

Мама поникла.

Светлана Александровна в момент обсуждения туалетов и формы вышла. Я выскочила за ней в коридор.

– О чем вы хотели со мной поговорить? – спросила я, вытирая мокрые от волнения ладони о джинсы.

– Нет, все в порядке, просто пусть Вася будет поактивнее. А то я его вызываю, он на меня такими глазами смотрит... Как будто я его ругать буду. А ведь он все знает... Нам на следующий год в олимпиадах участвовать, в концертах... Надо, чтобы он был поактивнее.

– Хорошо, постараемся, спасибо... Он же и музыкой год занимался, и эрудированный...

– Вот и я о том же. А то некого было на конкурс самодеятельности выставить...

В классе тем временем разбились по интересам и перешли на личности. Стоял крик.

– У меня четверо детей! – перекрикивала всех мама.

– У меня тоже четверо детей! – отвечала ей другая.

– Давайте разделим полномочия! – взывала активистка. – Вот вы конкретно будете отвечать за сбор на охрану? – обратилась она к родительнице.

– Почему я? Я не могу! – испугалась та.

– Никто не может!

– Все-таки давайте решим с ремонтом!

– А нельзя внести предложения по форме?

– Из-за одного родителя, которому нейдет, весь класс страдает...

– Да точно этот папаша настучал. Он мне сразу не понравился, еще первого сентября. И по утрам вечно скандалит. А жену я его никогда не видела.

– Да вы вообще молчите, не можете сдать – не сдавайте!

– А вы со мной так не разговаривайте! Я вам не подружка!

– Я не могу за экскурсии отвечать, я же работаю!

– Да вечно везде туалеты ломаются. Они же дергают и дергают...

– А мальчики еще и писают мимо. Дома они тоже мимо писают?

– Это уж как приучили.

– Вот я и говорю. Какие родители, такие и дети...

– А в старшую школу даже с одной тройкой не переводят...

– Да за материальный взнос переведут...

– А что толку-то? Учиться как будут?

– Этот ЕГЭ – одно мучение. Все-таки старая система лучше была.

Когда устно отвечали.

– Да, точно. Я вообще в этом ничего не понимаю.

– Да до ЕГЭ еще дожить надо!

– Не успеете оглянуться!

– А почему наш класс должен туалет делать, а другой – только в классе дверь менять? Затраты-то разные. Кто это решал?

– Да кто сейчас это выяснит?

– Может быть, не просто серые сарафаны, а хотя бы с розовым?

– Купите розовую блузку, будет вам серый с розовым.

– Вот он и не пришел на собрание. Испугался. Рыльце-то в пушку.

– Ребенка жалко.

Сидели уже два часа. Я тихо встала, спрятала за спиной сумку и выскользнула из класса.

Кажется, никто не заметил.

Пришла домой.

– Ну? – спросил Вася.

– Все хорошо. Ты окончил на четверки и пятерки.

– Я знаю, – сказал ребенок, – тоже мне новость.

– Васюш, а почему ты в конкурсе самодеятельности не участвовал? Что там хоть было?

– Ну, на пианино играли и на этой, как ее, дудочке.

– Ты же тоже мог сыграть.

– Там надо было в четыре руки. А где я тебе еще две возьму?

– Я бы с тобой сыграла...

– Нет, там две девочки играли, знаешь как? Вот так.

Вася двумя руками стал тарабанить по столу.

– Я так не умею. И, если честно, мне так не нравится играть. Мне по одной нравится. Хотя им цветы подарили. Красивые. Только девочкам на пианино – по одному. А девочке на дудочке – сразу два.

– Ладно, на следующий год будешь выступать. Ты у меня молодец. Только руку поднимай.

– Что, завтра?

– Нет, на следующий год.

– Вот в следующем году и напомним. Я за лето все забуду. Буду как «чистый лист».

– Это ты от кого услышал?

– Да все учителя так говорят и чужие родители. Придете, говорят, после лета как «чистый лист».

23 мая

Последний раз в первый класс

Идем нарядные, торжественные и веселые. Уроков не будет. Дети подготовили концерт для родителей. После концерта – торжественная часть с вручением грамот, фотографий и памятных подарков.

Я с утра чуть не прослезилась. Так это волнительно... Муж тоже ходил в лирическом настроении.

– Надо же, уже первый класс закончился, – сказал он.

– Да, мне тоже не верится.

– Грустно, он так быстро вырос...

Дети собирались в рекреации.

– Вася, привет! Мы все лето с тобой не увидимся! – закричал другу Антон.

– Почему? – удивился Вася.

– Потому что каникулы! Сто дней! – опять закричал Антон. От восторга он мог только кричать.

– А я буду Илью видеть! – подскочил к мальчикам Дима. – Он в моем доме живет!

– А я... а я... А я с Машей не расстанусь! – воскликнул Антон.

– Нет! Она не в твоём доме живет! – возразил Дима.

– А я ее в гости приглашу!

Мальчики задумались.

– Маша, ты ко мне в гости пойдешь?! – крикнул своей возлюбленной Антон.

– Не-а, – кокетливо ответила Маша и поправила косичку, – больше мне делать нечего... Я вообще уезжаю.

– Ты будешь меня вспоминать?

– Я буду таблицу умножения учить и вспоминать.

Антон опустил голову и пошел на Машу.

– Маша, – взял он ее за руки, – запомни, ты будешь меня вспоминать. Запомни, – потребовал Антон, встряхивая Машу.

– Ну хорошо, отпусти, буду, – вырвалась девочка.

Антон, удовлетворенный, вернулся к мальчишкам.

Дети расселись на стульчиках. Начался концерт. Они пели песни, читали стихи, танцевали.

Когда стих читала Маша, Антон ей хлопал громче всех. И даже ногами притопывал. У Маши был длинный стих – она накручивала и раскручивала пальцами подол юбки. На последнем заходе палец запутался в ткани. Маша дергала юбку, пытаясь высвободить руку.

Раздали фотографии. Все, как положено, – учительница в середине, дети, фамилии-имена. Фотографии Васи и Насти – по обеим сторонам от учительницы. Мы с мамами сидели и умилялись.

– А Настя и Вася – лучшие ученики? – спросила обиженно мама-отличница.

– Не знаю, – ответила я. – А что?

– Рядом с учительницей всегда ставили фото лучших в классе. На моих фотографиях я всегда в первом ряду.

– Я не знала такой традиции.

– Ну, может быть, сейчас все изменилось...

– А я тоже помню свое фото, – сказала мама-активистка, на удивление спокойная, тихая и медлительная, – я так о большом банте мечтала и хвостике. И чтобы бант – на макушке. Огромный, как корона! А мама мне заплетала косу и завязывала атласную ленту. Как я ненавидела эту ленту!

– Да, а помните, тогда готовых бантов не было! – воскликнула мама-отличница. – Из ленты на нитку надо было собирать! Ой, сколько я тогда их нашла! Если лента длинная – то и бант большой.

– Как я плакала от этой фотографии! – продолжала вспоминать мама-активистка. – Я была в очках, таких, в жуткой оправе... Хорошо еще, что они блики давали – фотограф мучился, мучился и велел их снять. Как же я была счастлива! Но фотография все равно ужасной получилась. Фартук белый, я сама – бледная блондинка. Фото – черно-белое. Ужас!

– Оля, что ты там попой пол вытираешь! В белых колготках! – запричитала бабушка.

– Ой, а помните наши колготки? – встрепенулась активистка. – Это же ужас. Все время сползали.

– Да-да, – подхватила мама-отличница, – и в зацепках. Как сядешь на стул, обязательно за гвоздь зацепишься. Так и ходишь с ниткой. У меня были коричневые, зеленые и бордовые.

– А у меня красных десять пар на год, – сказала активистка, – другого цвета в магазине не было.

– А зимой – шерстяные, – охнула от воспоминания мама-хорошистка, – чесались ужасно!

– Точно! Точно! И у меня такие же были!

– А помните, помните баранки? – подхватила еще одна мама.

Детей отвели завтракать, а мы, родительницы, сидели на партах дружной кучкой и, перебивая друг друга, делились общими воспоминаниями.

– Какие баранки? – не поняла активистка.

– Ну, баранки... Косу заплетаешь и в баранку. Или две баранки, когда мама на работу не спешит...

– У меня это кольцо называлось. Два кольца над ушами.

– Красиво же. А моей не нравится. Говорит, так не ходят.

– Да, помню, я просила маму не отстригать косу, чтобы баранка большая получилась!

– Ой, а я застревала всегда в платье, когда надо было на физру переодеваться. Стягиваешь через голову и застреваешь бантом и кольцами, пока учительница не вытащит!

– И я тоже застревала!

– А у мальчишек всегда брюки короткие были! По щиколотку!

– Конечно, их же на несколько лет покупали.

Пора было расходиться, но никто не спешил. Мамы обменивались телефонами, которыми не обменялись в течение года. Никто не скандалил, не ругался. Все обнимались, целовали и тискали чужих, подвернувшихся под руку детей. Дети носились по классу, валялись на полу, Антон обнимался с Машей, Вася пытался поцеловать Настю и Лизу одновременно, Илья тянул Лизу за руку, чтобы тоже поцеловать.

– Ой, она у вас такая красotka! – доносилось с разных концов класса.

– А у вас такая молодец!

– Мальчик такой замечательный. Он мне сразу понравился!

– А ваш такой самостоятельный!

– Да не переживайте вы из-за этих контрольных! Их еще столько будет! Она же умничка!

– Давайте поблагодарим Светлану Александровну! – предложила активистка.

Мы хлопали в ладоши, кричали «спасибо!» и все дружно хотели ее обнять и расцеловать. Потом опять аплодировали и кричали «Поздравляем!», выяснив, что у Илюши день рождения.

Дружной гурьбой вывалились из класса. В школе вкусно пахло пирожками.

– Пирожки, как в детстве, – сказала я.

– Идите скорее, их в это время из печки достают, – посоветовала активистка, – берите с капустой.

Я и еще несколько мам побежали в столовую за пирожками. Набрали и с капустой, и с картошкой, и сладких. Выходили из школы, прощаясь с набитым ртом: «До швиданья, ушачи». Пирожки были теплые, мы ели их по дороге домой. Смеялись, шлепая повидло на грудь...

Table of Contents

Маша Трауб Дневник мамы первоклассника

Первая четверть

- 28 августа Первое родительское собрание
- 1 сентября Первый раз в первый класс
- 3 сентября Первый полноценный учебный день
- 4 сентября Пока учимся, но уже не хочется
- 5 сентября Втянулись и влюбились
- 7 сентября Отучились неделю
- 11 сентября Психология и жизнь
- 14 сентября Сдаем деньги и пишем на партах
- 15 сентября Мы замумукались и вырубаемся
- 18 сентября Уроки демократии
- 19 сентября Школьная экономика
- 22 сентября Кнут для доносчика и прочие закозювки
- 5 октября Лишний папа
- 16 октября Ниже плинтуса, Ожегов – форевер
- 23 октября Пушкин с нарисованными усами

Вторая четверть

- 5 ноября Красный день календаря
- 9 ноября На большой сцене
- 12 ноября Одноклассники.ру
- 14 ноября Туалетное привидение и тупой принц
- 16 ноября Кораблики и паровозики
- 19 ноября Как запылесосить и намылить тетрадь
- 21 ноября Искали ботинок, нашли девочку
- 23 ноября Тест на мокрую голову
- 26 ноября Пушкин – дурак
- 30 ноября Переписка с учительницей

Третья четверть

- 25 января На лыжне
- 28 января Синяя птица
- 1 февраля Прогуливаем через раз

3 февраля Девочка, которая прикидывается девочкой, и ее пес-каратист

5 февраля Пугливый спринтер с медвежьей болезнью

8 февраля Такой футбол нам не нужен

9 февраля Педикулез, или Как насрать на родителей санэпиднадзор

25 февраля Народный хорал

26 февраля Теория вероятности в действии

28 февраля Девочки совсем ку-ку

5 марта Пища для мозга

7 марта Мальчик-колокольчик

14 марта «Знинае сали»

17 марта Преимущества галерки

19 марта Робот Вася

20 марта Женщина-врач

21 марта Не хотим учиться – хотим жениться

25 марта Машка-какашка

27 марта Иван-царевич во время Крестовых походов

Четвертая четверть

7 апреля. Зазубрины

10 апреля Разлуки и трудности

15 апреля Тест для родителей

20 апреля Цепь трагических обстоятельств

25 апреля Нервов нет. Кончились

12 мая

15 мая

20 мая Чистый лист

23 мая Последний раз в первый класс